

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**АНТРОПОЛОГИЯ ВЕЩИ
В ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЕ:
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ
И ПОИСК МЕТОДА**

Монография

Волгоград 2016

УДК 316.334.56
ББК 60.546.21
А 72

Коллектив авторов:

Н. Б. Шипулина (редактор), **Л. В. Щеглова**,
А. И. Шипицин, **Н. Н. Плужникова**, **Е. А. Елистратова**

Рецензенты:

Полежаев Дмитрий Владимирович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой общественных наук Волгоградской академии последипломного образования, Почетный работник общего образования РФ, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования.

Жданкина Галина Ивановна – кандидат искусствоведения, доцент, доцент кафедры философии, истории, теории искусств и культуры Волгоградского государственного института искусств и культуры, киновед.

*Публикация монографии подготовлена в рамках поддержанного
РГНФ научного проекта № 16-13-34029 «Антропология вещи в культуре
Волгограда: среда, объекты, практики»*

Шипулина Н. Б., Щеглова Л. В.,

Шипицин А. И., Плужникова Н. Н., Елистратова Е. А.

А 72 Антропология вещи в городской культуре: концептуальные основы и поиск метода: монография. – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2016. – 166 с.

Монография представляет собой обобщение результатов первого этапа поддержанного Российским гуманитарным научным фондом исследовательского проекта № 16-13-34029 «Антропология вещи в культуре Волгограда: среда, объекты, практики», посвященного адаптации реалогического и микроурбанистического методологических подходов к культурологическим и антропологическим исследованиям вещественных объектов, сред и практик городской культуры на примере Волгограда. В книге выявлены основные уровни отношений человека и вещи в структуре городской повседневности, концептуализированы антропологические, культурные, социальные модусы вещей в городской культуре. Книга адресована исследователям в сфере урбанистики, культурологии, регионоведения и краеведения, культурной политики; студентам, аспирантам, преподавателям гуманитарных вузов, работникам и руководителям региональных учреждений культуры, исследователям региональной культуры Волгограда и других городов и регионов России, всем интересующимся культурой города Волгограда.

УДК 316.334.56

ББК 60.546.21

ISBN 978-5-7786-0632-6

© Коллектив авторов, 2016

© Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. АНТРОПОЛОГИЯ ВЕЩИ В НАУКАХ О КУЛЬТУРЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

- 1.1. От семиотики к реалогии: методологическая эволюция
исследовательского и интерпретационного инструментария
культурологии повседневности 5
- 1.2. Реалогическая парадигма в российской философии
культуры 14
- 1.3. Культурные модусы вещи и вещественного:
реалогическое измерение культуры 35

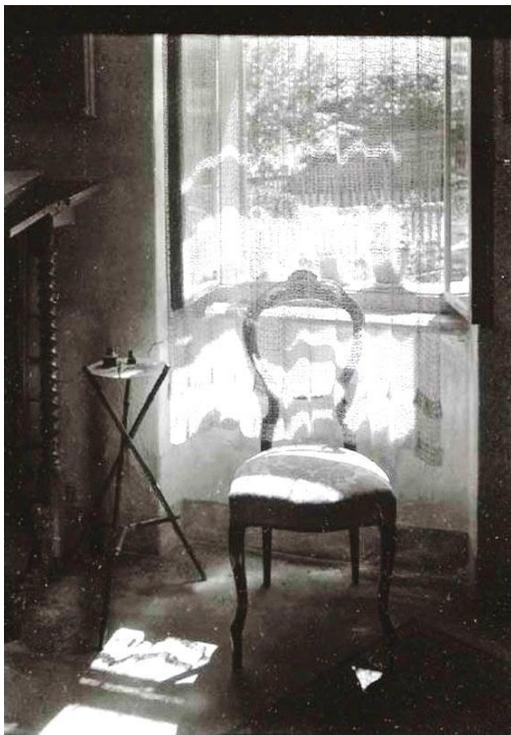
Глава 2. ЧЕЛОВЕК И ВЕЩИ В СТРУКТУРЕ ГОРОДСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

- 2.1. Повседневная культура городов в современных
Urban Studies 43
- 2.2. Антропологические, культурные, социальные модусы
вещей в жизни города (на примере Волгограда) 53

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК 149

Глава 1

АНТРОПОЛОГИЯ ВЕЩИ В НАУКАХ О КУЛЬТУРЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. ОТ СЕМИОТИКИ К РЕАЛОГИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО И ИНТЕРПРЕТАЦИОННОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Культура в самом широком смысле слова есть мир очеловеченных вещей: одухотворённых и ценностно осмысленных человеком объектов природы, а также предметов, сотворённых ради определённых смыслов и ценностей и упорядоченных в некий космос, образующий специфическую сферу культурного бытия – повседневность. Существовая в двух измерениях, культура задаётся не только социально значимыми идеями, ценностями, идеалами, абсолютами, принципами, но и теми своими смыслами, которые заключены в обыденной жизни – в массе подробностей и мелочей быта, обихода, образующей устойчивое своеобразие облика культуры как таковой. Ценности быта и ценности бытия – вот два основных модуля культуры.

Обнаружение культурного статуса мира овеществлённых идей, желаний, ожиданий, смыслов людей и привлечение внимания к проблеме духовных смыслов мира повседневности – одно из серьёзных направлений глубинного и целостного изучения культуры в социально-антропологическом знании последнего столетия. До конца XX века наиболее популярными и продуктивными подходами к исследованию мира повседневности были социологический, культурно-исторический и семиотический. Именно они позволяли расшифровывать элементы повседневной жизни отдельного человека как свидетельства об идеалах, культурных образцах, ценностях, образе жизни макросоциума в синхронном и диахроническом рассмотрении, на глобальном и локальном уровнях. Г. С. Кнабе справедливо замечал, что «общественная жизнь и бытовая повседневность образуют две нераздельных стороны едино-

го целого. Общественная жизнь связана с бытом, потому что воплощена в людях, и лишь в деятельности людей осуществляются коренные её процессы... Люди же эти живут в домах, окружены своими, их продолжающими и их выражающими вещами, пользуются¹ так, а не иначе устроенными орудиями труда, руководствуются привычками и нормами». Ю. М. Лотман также утверждал, что «все окружающие нас вещи включены не только в практику вообще, но и в общественную практику, становятся как бы сгустками отношений между людьми и в этой своей функции способны приобретать символический характер» и что «быт в его символическом ключе» есть достаточно важная часть культуры².

В самом деле, вещи характеризуют общество и людей. «Благодаря заложенному в вещах образному содержанию, они могут рассказывать на своём языке... о внутреннем мире и эмоционально-психическом складе личности, о всей той сфере, где история становится переживанием и где формируются ранние импульсы общественного поведения... Этот мир и этот склад меняются во времени, вместе с ним меняются и образы вещей, что не может не сказываться на их языке, не делать его специфичным для каждой эпохи»³. Если рассматривать культуру как язык, то вещи, окружающие человека в быту, всегда имеют знаковый смысл. Причём вещи не только создают дискурс, но и сами являются в некотором смысле дискурсом. Образ бытовой вещи выступает как «концентрированная метафора конкретного социального миропорядка»⁴.

Мир повседневности имеет культурное измерение, выступая в таких своих смыслах, как утилитарно-функциональный, историко-культурный, экономический, статусно-иерархический, символический и т.д. Структуры повседневности создают возможность творческой самореализации личности в социуме, соединяя духовно-ценностные основания культуры и реалии повседневной жизни, вписывая человека в пространство культуры, оформляя мировоззренческие ориентации. Вещи придают пространству свойства текста. «...Вещи высветляют в пространстве особую, ими, вещами,

¹ Кнабе Г. С. Древний Рим – история и современность. – М., 1986. – С. 7.

² Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – нач. XIX века). СПб. // Искусство. – СПб., 1994. – С. 10–11.

³ Кнабе Г. Язык бытовых вещей // Декоративное искусство. – 1985. – № 1. – С. 39.

⁴ Кнабе Г. Язык бытовых вещей // Декоративное искусство. – 1985. – № 1. – С. 39.

представленную парадигму и свой собственный порядок - синтагму, т. е. некий текст... Реализованное (актуализированное через вещи) пространство в этой концепции должно пониматься как сам текст...»¹.

Понимание вещей и повседневности как феномена языка и текста культуры, а также выработка способов и процедур дешифровки смыслов и значений таковых ярко представлены и разработаны семиотическим направлением в гуманитарном знании (социологии, культурологии, антропологии). Среди европейских представителей наук о человеке и обществе наиболее известны семиотические труды Р. Барта, У. Эко; в отечественных социально-антропологических исследованиях основы семиотического направления изучения вещей и повседневности были заложены Ю. М. Лотманом, Г. С. Кнабе; в современной российской гуманитаристике оно представлено, например, Е. Мельниковой-Григорьевой², С. Махлиной³ и др. Объектами таких семиотических исследований выступают курительная трубка, шнурки, утюг, мебель и другие бесчисленные предметы, обладающие некой универсально-культурной семантикой, вполне доступной для дешифровки и интерпретации смыслов надличностного коллективного бытия. О такой устойчивой семиотической традиции исследования мира вещей свидетельствует также обилие выходящих в настоящее время российских и зарубежных справочников и словарей символов.

Но отношения с вещным миром имеют и онтологический статус, они затрагивают человеческое бытие. По Хайдеггеру, вещь, являясь в своей вещественности, приближает мир, то есть помогает ощутить свою реальность, «настоящность» собственного бытия. Отношения человека с вещью были проблематизированы главным образом через практику вторжения в сущее (техника) и практику имитации сущего (искусство). Не менее важной, но недостаточно теоретически проработанной является практика вживания человека в сущее, то есть его бытийная и экзистенциальная связь с быто-

¹ Топоров В. Н. Пространство и текст. В кн.: Текст: семантика и структура. – М., 1983. – С. 219.

² Мельникова-Григорьева Е. Безделушка, или Жертвоприношение простых вещей (Философически-семиотические заметки по пустякам). – М.: НЛЮ, 2008.

³ Махлина С. Семиотика культуры повседневности. – СПб.: Алетейя, 2009.

выми вещами. В последнее время в исследованиях, посвящённых социокультурным процессам и явлениям, акцент переносится на проникновение в феноменологические глубины сознания, на погружение в «жизненные миры» и ментальные структуры повседневности. В социально-антропологических исследованиях в связи с этим всё чаще сферу повседневной жизни человека рассматривают в качестве значимого социально-онтологического основания культуры. Для неё в особенности характерна синкретичность, нерасчленённость жизнедеятельности; познание «впаяно» в общий контекст практически-духовного отношения к миру. В этом контексте корреляции событий, множество раз повторяясь, «закрепляются в сознании фигурами логики», вещи обретают имена, а отношения - общественные формы. Используя удачную метафору Б. Вальденфельса, повседневность выступает «плавильным тиглем рациональности»¹, конечной сферой значений, выражений обыденного языка и культурной символики.

Диалектика сущности и существования культуры выступает как диалектика повседневности, как сложное противоречивое взаимодействие быта и бытия. Духовное и материальное измерение культуры, искусственное и естественное, официальное и «домашнее», нормативность и свобода создают своеобразное «силовое поле», определяют динамику мира человеческой повседневности»². Одной из важных характеристик всякой культурной целостности в социокультурном измерении является то, что она есть равновесие между двумя альтернативными мирами: миром единичного уникального, где доминирует личностно-индивидуальное начало, и миром социального с присущими ему закономерностями; между двумя ипостасями человеческого в культуре, двумя субстанциональными планами человеческого бытия – миром человеческих смыслов и ценностей и миром воплощающих эти смыслы и ценности вещей.

¹ Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социологос. Вып. I. – М., 1991.

² Коняхина И. В. Философско-культурологический анализ мира повседневности // Человек-Философия-Гуманизм: Тезисы Первого Российского философского конгресса (4–7 июня 1997 г.) В 7 томах. Т.6. Философия культуры. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1997. – С. 74.

Для того, чтобы в рамках современных наук о культуре было возможно помыслить повседневность как сферу личностно-персонального, несводимого к универсальным культурным кодам, бытия, М. Н. Эпштейн ввёл в философский дискурс понятие «реалогия» для обозначения, на наш взгляд, очень существенной, важной методологической тенденции в современных науках о культуре. «Реалогия - наука о вещах, о вещественном, которая имеет своим предметом такую сущность вещи, которая не сводится к техническим качествам изделия, или к экономическим свойствам товара, или и эстетическим признакам произведения... Эта сущность, способная сживаться, сродняться с человеком, раскрывается все полнее по мере того, как другие свойства вещи отходят на задний план, обесцениваются, устаревают»¹.

Ещё в середине 80-х годов XX века М. Эпштейн в своей статье «Реалогия – наука о вещах» впервые призвал сделать главным методологическим фокусом личностную, «лирическую» сущность вещи. «Вся человеческая жизнь в значительной мере откладывается в вещах как своеобразных геологических напластованиях, по которым можно проследить смену возрастов, вкусов, привязанностей, увлечений... Каждая вещь включена в магнитное поле человеческой жизни, заряжена её смыслом, обращена к её центру... Перед нами встаёт задача расколдовать вещь, вызволить её из отчуждения и забвения; при этом «домашность» должна раскрыться как культурная категория, знаменующая полную душевно-телесную освоенность вещи, приобщённость её к жизни»². Эпштейн называет вещный мир Лирическим музеем или Мемориалом вещей – местом памяти самой культуры и конкретных субъектов культуротворчества. При этом он настаивает на разведении понятий «предмет» и «вещь». Вещь выступает не как объект какого-либо воздействия, но как принадлежность субъекта, «своя» для кого-либо. «Изделия», «товары», «раритеты», «экспонаты» - это, в сущности, разные виды предметов: предметы производства и потребления, купли и продажи, собрания и созерцания. «Между

¹ Проективный философский словарь: Новые термины и понятия / Под редакцией Г. Л. Тульчинского и М. Н. Эпштейна. – СПб.: Алетей, 2003. – С. 346.

² Эпштейн М. Реалогия – наука о вещах // Декоративное искусство СССР. – 1985. – № 6. – С. 24.

предметом и вещью примерно такое же соотношение, как между индивидуальностью и личностью: первое - лишь возможность или «субстрат» второго. Предмет превращается в вещь лишь по мере своего духовного освоения, подобно тому, как индивидуальность превращается в личность в ходе своего самосознания, самоопределения, напряженного саморазвития»¹.

В этом смысле реалогия – это не «вещеведение», а способ философствования по поводу организации, структурирования человеком своего бытия через вещи и повседневные практики. По сути – это вещественная антропология культуры, пылливо исследующая все модусы и ипостаси человеческого в человеке, которая пытается постичь в вещах их собственный, нефункциональный смысл, не зависимый ни от товарной стоимости, ни от утилитарного назначения, ни даже от их эстетических достоинств. Она исследует личные вещи, не вещи «для чего-то», а вещи «чи», занимается единичными персональными вещами, то есть миром оживлённых человеческими смыслами предметов реального неповторимого жизненного пространства. Причём одни и те же объекты такого пространства могут быть связаны с пользой, удовольствием, красотой. Всё зависит от того вопроса, который мы адресуем той или иной вещи, и от того, как этот наш смысл, вложенный в вещь, прочитывается и интерпретируется другими людьми, ведь вещи – это имманентная часть культуры, они создаются всегда конкретными людьми, но существуют между ними, в так называемой гомосфере, в культуре.

М. Эпштейну удалось этим концептом ухватить не только новое направление в исследованиях культуры философами, культурологами, социологами, антропологами, но и поворот в самой культурной реальности, поскольку «окликнутыми вещью» на рубеже XX–XXI веков оказались и ощутили себя представители самых разных сфер человеческого творчества: «поэтический натурализм» в кинематографе, создание «вещественных» картин, ассамбляжей, инсталляций в живописи и скульптуре, других формах искусства.

¹ Эпштейн М. Вещь и слово. К проекту «лирического музея» или «мемориала вещей» // Вещь в искусстве. Материалы научной конференции. 1984 (вып. XVII). – М.: Советский художник, 1986. – С. 302–324.

Есть некая бесконечная связь, диалог между вещью и индивидуальной памятью, хранящей жизнь этой вещи. Вещи, личный мир, закреплённый в них, не мелькают, образуя пустоту в сознании человека, а наполняют его, дают ему пищу для размышления, согревают его. Василий Розанов, осмысляя онтологическую природу повседневности, понимал её «как место, дом, обжитое пространство, где рождается и вырастает человеческая самость. Именно в нём человек становится причастным миру, преодолевает дистанцию, излечивается от антропоцентрического высокомерия и брезгливости»¹. И он совершенно справедливо полагал, что «вечное живёт в повседневном, нет непроходимой грани между обыденным и сакральным. Даже более того, – вечное дано нам только в повседневном, здесь и теперь в мимолётных событиях, мелочах, «паутинках быта», в пространстве дома»².

Итак, мы полагаем, что как в современных науках о культуре, так и в самой культурной реальности, сейчас происходит смена парадигм: от эстетической и семиотической – к реалогической и персонологической. Вещь – феномен единичного существования. Но не сама по себе как товар, технологически, функционально, ритуально или эстетически ценный для сообщества, для всех, а вещь чья-то, значимая лишь в её связи с индивидуальной частной жизнью, биографически заданная судьбой отдельного человека. Вещи бытийствуют не сами по себе, и не в их коллективно-надличностных формах, а как элементы или формы осуществления бытия индивида, развёртываются в его индивидуальном мышлении, опыте, творчестве. Они, как элементы интимного, личного бытия не могут быть стандартизированы, сведены к всеобщим, внеличностным, интересубъективным смыслам в эстетической и семиотической парадигмах их исследования. Неустранимый человеческий, точнее, личностный, фактор ориентирует современное знание о культуре на индивидуализированные, субъективированные принципы изучения и понимания уникальных и неповторимых смыслов вещей.

¹ Наливайко И. М. Повседневность и проблема культурной самоидентификации (Границы культуры и культура границ) // В перспективе культурологии: повседневность, язык, общество / Рос. ин-т культурологии. – М.: Академический Проект; РИК, 2005. – С. 232.

² Там же. С. 233.

Такая смена парадигм в науках о культуре отражена, например, в труде южнокорейского филолога-русиста Ким Су Квана «Основные аспекты творческой эволюции Ю. М. Лотмана: «иконичность», «пространственность», «мифологичность», «личностность», который поэтапно прослеживает путь исследовательской мысли основателя московско-тартуской семиотической школы, усматривая в нём логику перекодирования понимания сущности культуры от науки к искусству, от системности к конкретности, от словесного к внесловесному, от линейного к пространственному, от условности к наглядности, от анализа к синтезу, от логического к мифологическому, от структурного к личностному¹.

Убедительна, на наш взгляд, сходная лотмановской эволюция исследований и творчества известного итальянского писателя и культуролога Умберто Эко. Ранние его литературные произведения, например, роман «Имя Розы», более поздние издательские проекты, такие, как «История красоты» и «История уродства», представляются яркими иллюстрациями эстетико-семиотической парадигмы.

В одной из последних своих книг² У. Эко рассматривает стремление культуры к упорядочению. Именно из стремления «привести всё в порядок», не потеряться в круговороте образов, понятий, предметов возникают списки, перечни, каталоги, описания коллекций, которые красной нитью проходят через всю историю западного искусства и литературы. По сути итальянский писатель и культуролог утверждает и иллюстрирует структурирующую и каталогизирующую сущность культуры. Однако все эти списки обладают слишком крупным масштабом относительно возможности быть интерпретированными на всеобщем, универсально-культурном уровне. Но ведь сущностью не только общечеловеческой культуры, но и смыслом индивидуального существования является борьба с пустотой и неупорядоченностью, заполнение «ненужного простора» вещами, идеями, словами, смыслами. Поэтому, как нам думается, весьма показательно завершение тема-

¹ Гаспаров М. Л. «Диалектика Лотмана» // Ким Су Кван. «Основные аспекты творческой эволюции Ю. М. Лотмана: «иконичность», «пространственность», «мифологичность», «личностность». – М.: НЛЮ, 2003. С. 6-7.

² Эко У. Vertigo: круговорот образов, понятий, предметов. Пер. с ит. – М.: СЛОВО/SLOVO, 2009.

тической и концептуальной эволюции творчества У. Эко от всеобщего к индивидуальному в понимании вещей и повседневности. Этому посвящён один из последних его романов «Таинственное пламя царицы Лоаны»¹. Суть повествования сводится к тому, что нельзя восстановить личную биографическую память (которую из-за повреждения мозга теряет главный герой книги шестидесятилетний торговец антикварными книгами Джамбаттиста Бодони, при этом сохраняется его так называемая «бумажная», общекультурная память), не пройдя кропотливого и долгого пути от общечеловеческих смыслов культуры, через своё поколение, его прецедентные тексты, символы, вещи, внятные малому кругу людей, и, наконец, к самому себе, только к себе, вне связи со всеобщим, когда вещи – не маркеры эпохи, общественных реалий (чего-либо), а маркеры отдельной личности (кого-либо). Даже не знак, а онтологически часть кого-либо, как рука или нога. Поэтому текст (общекультурные символы и значения вещей) и даже контекст (эпоха, сообщество) не так важны, как неуловимый и часто невыразимый индивидуальный смысл вещей, принципиально невозможный для декодирования и интерпретации на уровне универсального языка культуры.

Таким образом, семиотический инструментарий, вне всякого сомнения, чрезвычайно продуктивен для анализа и исследования надындивидуального бытия человека в культуре в той её сфере, где коллективные формы бытия доступны универсализации и обобщению. Результаты и выводы семиотики об образе жизни конкретной социальной группы, изучаемом в синхроническом и диахроническом ракурсе, о стилевых особенностях культурных парадигм отдельных поколений, об общепринятых смыслах произведений популярного искусства и т.д. с позиций имперсональных утилитарных, символических, историко-культурных, социально-экономических, властных, статусно-иерархических функций вещей и повседневных практик могут быть релевантны для понимания того, что происходит с обществом в целом, либо отдельными его группами. Но за пределами такого семиотического препарирования остаётся сфера частного бытия человека – его личное повсе-

¹ Эко У. Таинственное пламя царицы Лоаны / Пер. с ит. Е. Костюкович. – СПб.: «Симпозиум», 2008.

дневное переживание вещей, персональные действия и субъект-объектные взаимодействия, их индивидуализированные смыслы, невыразимые средствами языка (тактильные, вкусовые, одорические, образно-коммеморативные свойства вещей; патологии клептомании и коллекционирования; эмоциональное переживание ветхости и дряхления, разрушения вещей, горевание в связи с их утратой и т.п.), поскольку даже в своей полисемантической и символической контекстуальности язык тяготеет к всеобщности и универсальности обозначения всеобщих и универсальных смыслов вещей и явлений. В этом отношении семиотический подход по меньшей мере недостаточен в качестве адекватной методологии исследования и интерпретации повседневной жизни личности. И поэтому в развитии современного социально-антропологического знания происходит поворот к реалогической методологии изучения мира вещей и повседневных практик, позволяющей видеть и понимать вещи как форму личностной укоренённости в бытии культуры, обнаруживать персональную причастность миру и способ упорядочения мира в повседневной организации индивидуального бытия.

1.2. РЕАЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В РОССИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ

Проблема исследования реалогических оснований российской философии культуры, состоящих в концептуализации смыслоценностных статусов вещи и вещественного в культурном бытии человека и общества, тесно связана с особенностями становления российского социально-антропологического знания в целом, со специфическим российским типом рациональности, способами освоения мира и универсализации личности в нем, с предпочтительными методами и инструментарием философствования о культуре. Такая исследовательская задача актуальна, поскольку именно реалогическая парадигма в философии позволяет любое культурное явление, событие или объект, связанные со значимыми

для людей ценностями, идеалами, жизненными задачами и поведенческими стратегиями, анализировать как осязаемое через призму конкретных стилей, отдельных предметов, овеществлённых идей социальной жизни, воплощённых образов искусства и т. д., что является одной из значимых ментально-духовных особенностей российской культуры в её истории и современности¹.

Реалогическая модель понимания сущности человека, концентрирующая свой методологический фокус на личных вещах и формах взаимодействия с ними в индивидуальном опыте личности, на вещественных элементах персональной идентичности является мало изученной и достаточно новой в российской философии культуры. При этом мы убеждены, что это чрезвычайно важное и перспективное направление в российской философии, поскольку его ключевой принцип и методология соотносятся с основными чертами менталитета, способом миропонимания и образом жизни россиян.

Каковы же особенности формирования в российской философии реалогического подхода к исследованию культуры как духовной, материальной, социальной жизни человека и общества, как мира овеществлённых идей, желаний, мотиваций, ожиданий, идеалов людей, как совокупности смыслов повседневного переживания и поведения?

Значимой особенностью российского типа осмысления повседневности и вещественного бытия человека в ней, на наш взгляд, является некоторая предметная неопределенность (размытость междисциплинарных границ) и в то же время полипарадигмальность. По существу, философским освоением сферы вещей и вещественного в культурном бытии личности занимались представители разных отраслей гуманитарного знания, выходя за пределы своих предмета и методологии и становясь (осознанно или бессознательно) философами культуры, решая экстрадисциплинарные фундаментальные исследовательские задачи.

¹ Полежаев Д. В. Идея менталитета в русской философии «золотого века». Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. – 360 с.; Щеглова Л. В. Судьбы российского самопознания (П. Я. Чаадаев и Н. В. Гоголь): Монография. – Волгоград: Перемена, 2000. – 324 с.

Во-первых, это историки культуры, например, российские медиевисты, во многом комплиментарные в своей методологии французским историкам школы «Анналов», Л. П. Карсавин, П. М. Бицилли, А. Я. Гуревич, Л. М. Баткин, А. Л. Ястребицкая, О. А. Добиаш-Рождественская; это специалисты в истории античности, например, Г. С. Кнабе. Для них чрезвычайно важно было видеть за абстрактным, часто мифологизированным или фальсифицированным, образом исторического прошлого конкретных эпох некую сущностную аутентичную истину, внутренний стержень, детерминирующий целостность и уникальность исследуемой культуры, а обнаруживали они ее именно в сфере вещественного, повседневного поведения людей, в устройстве их быта. Так, например, Г. С. Кнабе сложно и тонко пишет о культурных процессах мирового масштаба, осмысляя значение античной культуры в развитии европейского человечества, при этом детально анализирует именно быт, обыденную жизнь древних римлян в практиках и вещественных средах. Историк античной культуры вводит в научный аппарат философии понятие «внутренняя форма культуры», позволяющее не противопоставлять духовное и материальное, высокое и обыденное, смысл и вещь, а, напротив, связывать их как взаимообуславливающие. Г. С. Кнабе отмечает, что «общественная жизнь и бытовая повседневность образуют две нераздельных стороны единого целого. Общественная жизнь связана с бытом, потому что воплощена в людях, и лишь в деятельности людей осуществляются коренные её процессы... Люди же эти живут в домах, окружены своими, их продолжающими и их выражающими вещами, пользуются так, а не иначе устроенными орудиями труда, руководствуются привычками и нормами»¹. То, что О. Шпенглер называл «душой культуры», В. Дильтей «объективным духом», Г. Зиммель «жизненным стилем», – некая общая культурная парадигма отражается в равной степени и в религиозно-философской мысли, и в художественном творчестве, и в повседневных вещах и практиках. И Г. С. Кнабе подробно исследует повседневные мелочи римской культурной действительности – моду, кулинарию, отношение к роскоши, конфигурации улиц и архитектуру жилища, обнаруживая в них ту самую «внутрен-

¹ Кнабе Г. С. Древний Рим – история и современность. – М., 1986. – С. 7.

ною форму» – смысловую специфику культуры, ментальные характеристики народа, понимая её как целостность.

Во-вторых, формированию реалогической парадигмы философии культуры способствовали представители филологических наук: лингвисты, литературоведы, переводчики, комментаторы. Это российская нарратология (С. С. Неретина «Вещное слово, или Говорящая вещь») и шире – семиотика культуры, рассматривающая вещь и вещественное как особый тип текста со специфическими моделями кодирования и дешифровки (Ю. М. Лотман, Г. С. Кнабе, находящийся в своем подходе к изучению вещи на пересечении семиотики и истории культуры, С. Т. Махлина¹ и др.). Сюда же можно отнести и интерпретативно-литературоведческое направление в российской философии культуры: М. М. Бахтин, Д. С. Лихачев, С. С. Аверинцев, В. Н. Топоров («Вещь в антропоцентрической перспективе (апология Плюшкина)») и теорию коммуникации (И. А. Манкевич «Поэтика обыкновенного: опыт культурологической интерпретации»), фольклористику (например, И. А. Разумова в книге «Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История» исследует пространственно-предметный мир русской семьи в таких реалиях, как дом и приметы «домашности», в реликвиях, фотографиях, вещественных практиках переезда, ремонта, перестановки, восстановления реалий семейного быта после катастроф, архивации, хранения, сокрытия или демонстрации, хенд-мейда, утилизации и др.).

Следует отметить также «реакции» и бурные обсуждения на работы, посвященные формам повседневного языка как инокультурного (в национальном или субкультурном контекстах), овеещающим сложные особенности русского мышления, души, характера, но специально не исследованным самими носителями менталитета и языкового инварианта. Такова, например, статья Д. С. Лихачева «Черты первобытного примитивизма воровской речи», написанная им в Соловецком лагере особого назначения (как и «Картежные игры уголовников») и опубликованная в начале 1930-х годов в сборнике Института языка и мышления им. Н. Я. Марра «Язык и мышление», представляющая собой кропотливое компаративное лингвокультурное исследование повседнев-

¹ Махлина С. Т. Семиотика повседневности. – СПб.: Алетей, 2009. – 232 с.

ной воровской «фени» (как иной, экзотической, культуры), приведшее к серьезным открытиям в философии культуры – выявлению структур примитивного мышления, мифологического сознания в замкнутых сообществах, в данном случае – в субкультуре тюремных заключенных.

Другим примером является реакция российских философов на книгу американской исследовательницы Нэнси Рис «Русские разговоры»¹, которая эмпирически исследуя повседневные речевые практики в российских семьях Москвы и Санкт-Петербурга 1990-х годов, выявляет такие дискурсивные жанры, риторические фигуры, существенно характеризующие менталитет русских, как литания (молебное воззвание, прошение, призывание Бога и святых себе в заступничество) и ламентация (плач, стенание, рыдание), определяя одновременность жалобы на житейские неурядицы, бытовые неудачи и страдания (то есть, разговор о низком, материально-вещественном «ниже» бытия человека) и разговоров о Боге и с Богом (то есть о высоком, главном, сущностном) как культурно-экологическое свойство русской культуры, позволяющее ей не утрачивать своей сути и не страдать кардинально от потрясений и тотальных социальных перемен.

Третья составляющая реалогической парадигмы в российской философии культуры – социологическая. После М. Вебера социология предметно срослась с философией культуры в своем тяготении к «понимающей» методологии и философским обобщениям в исследовании мира вещей и повседневности в духовно-социальной жизни человека. Это Е. Р. Ярская-Смирнова и её научная школа, В. Вахштайн, представители гендерной социологии С. Н. Николаева, Н. Н. Козлова, С. В. Оболенская, А. В. Белова, Н. Л. Пушкарёва и др.

Четвертым направлением и источником современной российской реалогической философии культуры выступает этнография, антропология, ориенталистика. Синологи и японисты анализируют такие феномены культуры, как вещепочитание, культ обиталищ вещей (коробочек, ящичков, упаковок), идей души вещи, тайны и мистики вещей). Это, например, работы В. В. Малявина,

¹ Рис Н. Русские разговоры. Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. – М.: НЛО, 2005. – 368 с.

Н. И. Конрада, Е. М. Дьяконовой, М. В. Торопыгиной, А. Н. Мещерякова и др.

Представители этнографии и культурной антропологии обращают пристальное внимание на конкретные повседневные вещи, характеризующие этническую культуру или культурный тип. Например, И. А. Морозов изучает антропоморфные артефакты в жизни человека – антропоморфные игрушки¹. Кукла рассматривается им и как реалогический аналог человека, его двойник, заместитель, расчеловеченная овеществленная копия. О. Штайн предметом своего исследования избрала феномен маски в традиционной и современной культуре², и маска у нее одновременно и носитель иерофании, и промежуточное вещественно-антропологическое звено между человеком и куклой, способное, срашиваясь с человеком, бесповоротно менять его личность и судьбу.

Пятым и основным, самым мощным, собственно философским направлением в изучении мира вещественного бытия человека является философия повседневности и реалогия, авторски введенная в терминологический аппарат социально-гуманитарного и философского знания М. Эпштейном³, призванная обнаруживать и изучать «такую сущность вещи, которая не сводится к техническим качествам изделия, или к экономическим свойствам товара, или и эстетическим признакам произведения... Эта сущность, способная сживаться, сродняться с человеком, раскрывается все полнее по мере того, как другие свойства вещи отходят на задний план, обесцениваются, устаревают»⁴.

Такой подход оказался востребованным и даже популярным среди современных российских философов культуры, которые персонально или объединяясь в творческие научные коллективы,

¹ Морозов И. А. Феномен куклы в традиционной и современной культуре (Кросскультурное исследование идеологии антропоморфизма). – М.: «Индрик», 2011. – 352 с., ил.

² Штайн О. А. Маска как форма идентичности: Введение в философию образа. – СПб.: Издательство РХГА 2012. – 160 с.

³ Проективный философский словарь: Новые термины и понятия / Под редакцией Г. Л. Тульчинского и М. Н. Эпштейна. – СПб.: Алетейя, 2003.

⁴ Эпштейн М. Вещь и слово. К проекту «Лирического музея» или «Мемориала вещей» // Вещь в искусстве. Материалы научной конференции. 1984 (вып. XVII). – М., Советский художник, 1986. – С. 307.

всесторонне исследуют как сам феномен вещи и его онтологические свойства в модусах «завершенность/открытость», «простота/сложность», «подлинность/фальшь», «единичность/тиражируемость», «новизна/ветхость», «присутствие/отсутствие», «чтойность/симулятивность» и т.п.¹, так и среды и практики обращения человека с вещью в категориях обладания и утраты, созидания и разрушения, накопительства и расточительства, дарения, коллекционирования², реконструкции, хранения, музеефикации, виртуализации и др.

Наиболее полно и многообразно отражает все эти свойства и модусы вещи книга современных российских философов «Сила простых вещей» (2014 г.), в которой доказывается нетривиальность простоты вещей и принципиальная внеобыденность повседневности как феномена культуры. Коллективный труд философов из Самары, Санкт-Петербурга, Москвы и Казани посвящён исследованию вещи в онтологическом, антропологическом и культурологическом измерениях. Поскольку книга написана не в монографическом формате с логически выстроенным изложением единой концепции, она представляет собой своеобразную мозаику самых разных взглядов и ракурсов как в аспекте областей гуманитарного знания, в рамках которых осуществляется рефлексирование вещи и вещественного, так и в отношении подхода к сущностному пониманию собственно вещи. В этой связи редактор книги «Сила простых вещей» С. А. Лишаев так пишет о замысле и основной концепции сборника: «Далекое и сложное притягивает наше внимание значительно чаще, чем простое и близкое. Чем ближе к нам расположена вещь, чем она проще, тем меньше мы обращаем на нее внимание. Авторы этой книги попытались удержать простые

¹ Встреча с простотой: монография / под ред. О.В. Иншакова. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. – 595 с.; Корнев В. В. Философия повседневных вещей. – М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2011. – 253 с.; Сила простых вещей: сб.ст. / под ред. С. А. Лишаева. – СПб.: Алетейя, 2014. – 384 с. – (Тела мысли); Философия наивности / Сост. А. С. Мигунов. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – 384 с.; Шипулина Н. Б. От семиотики к реалогии: методологическая эволюция исследовательского и интерпретационного инструментария культурологии повседневности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. – № 4(33). С. 261–267.

² Малинкин А. Н. Коллекционер. Опыт исследования по социологии культуры. Гос. ун-т – Высшая школа экономики, 2011. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 192 с. – (Исследования культуры).

вещи на гребне философского вопрошания. Каждый из них решал эту задачу по-своему, и каждый внес свою лепту в реализацию общего замысла: создать смысловое пространство, в котором вещи могли бы явить свою подлинную или кажущуюся (скрывающую сложное) простоту. Собранные под одной обложкой работы разных авторов в своей совокупности представляют собой своеобразный сад - «сад вещей»¹.

Подготовка книги заняла у её авторов и идейных вдохновителей долгие годы. Так основное содержание книги составляют работы, опубликованные в 2007–2008 годах в философском ежегоднике «*Mixtura verborum*» (*Mixtura verborum*'2007: Сила простых вещей. – Самара, 2007). Тема простых вещей показала участникам проекта интересной и заслуживающей дальнейшей разработки, и в 2008 году была проведена философская конференция «Метафизика простых вещей», по результатам которой был издан сборник материалов (*Mixtura verborum*'2012: Сила простых вещей-2. – Самара, 2013), что было важным этапом в подготовке данного издания, и, наконец, сейчас появилась возможность увенчать многолетний проект книгой.

Одной из особенностей сборника «Сила простых вещей», на наш взгляд, является его выдержанность в структуре бинарных оппозиций, в определённом смысле следование одному из самых архаичных и, в то же время, современных постмодернистских принципов видения и освоения мира. Поскольку в философском и культурологическом дискурсе авторов книги явно просматривается такая система, то основополагающими в ней оказываются такие парные концепты-противоположности, как «сила – уязвимость (слабость)», «простота – сложность (неоднозначность и противоречивость)», «созерцательность - событийность»², «вещи – тексты»³, «жизнь – смерть вещей»⁴, «подлинность – кажимость (фальшь)»⁵ и др.

¹ Сила простых вещей: сб. ст. / под ред. С. А. Лишаева. – СПб.: Алетей, 2014. – 384 с. – (Тела мысли). – С. 5.

² Сила простых вещей: сб.ст. / под ред. С. А. Лишаева. – СПб.: Алетей, 2014. – 384 с. – (Тела мысли). С. 11.

³ Там же. С. 69.

⁴ Там же. С. 137.

⁵ Там же. С. 162.

Тематически сборник разбит на четыре раздела: «Метафизика простых вещей», «Вещь и субъект», «Сад вещей (вход и выход свободный)», «Простота присутствия». В первой главе методологическим фокусом выступает метафизика вещей, их онтологическая сущность, и авторы этой части книги размышляют над противоречивостью содержания концепта «простота» и его релевантности в отношении обыденной повседневной вещи. Понимая вещь чрезвычайно широко, М. В. Михайлова считает этот вопрос насущным и своевременным, поскольку «Один из симптомов современности – утрата реального, и преодолеть эту проблему можно именно с помощью внимания к простым вещам. Вещь – это то, что можно назвать, то, что может именоваться, называться именем. Любая сущность, которая может быть поименована, – это вещь. С этой точки зрения вещами являются не только камень, стол или газета, но и надежда, любовь, страх»¹. Автор статьи «Философия простых вещей: созерцательность и событийность» принципиально не считает вещи такими уж простыми, тем более философствование по поводу их повседневности, так как «философия простых вещей обладает неисчерпаемым ресурсом счастья, поскольку даёт пережить обыденность как драгоценность»².

С. А. Лишаев в статье «Метафизика простых вещей (простая вещь как место сборки мира и человека)» утверждает, что «вещь, не воспринимаемая утилитарно, – проста. Простая вещь – не столько вещь «обыденная», «повседневная», сколько «прямая», «настоящая»... Вещь проста тогда, когда она, не утрачивая своей «чтойности» и «этости», оказывается местом обнаружения Другого (Иного), которое – по определению – просто... Простое в человеке – это то, что даёт место сложному. Вещь проста, когда прост (свободен, открыт, внутренне отрешён, чист) сам человек»³. Такая простота (не «простоватость», что хуже воровства) позволяет человеку осуществлять «связь с чем-то онтологически исходным, простым. Одной из точек сборки фрагментированных мира и человека как раз и оказывается «простая вещь», встреча с которой –

¹ Сила простых вещей: сб.ст. / под ред. С. А. Лишаева. – СПб.: Алетей, 2014. – 384 с. – (Тела мысли). С. 11.

² Там же. С. 16.

³ Там же. С. 25.

экзистенциальное событие»¹. Размышляя об онтологических свойствах вещи, С. А. Лишаев выделяет как особенно значимую характеристику единицы материального мира таинственную простоту ветхой вещи. В ветхой вещи «её «что» совершенно стушеввалось перед простотой *бытия на грани*. В восприятии вещи в модусе ветхости простое в ней <...> выходит на первый план. Какой бы сложной ни была по своему строению и по взаимодействию с другими предметами вещь, она становится простой в момент, когда балансирует на грани бытия и небытия»².

В статье Е. А. Иваненко, М. А. Корецкой, Е. В. Савенковой «Гекатонхейр и цветочек, или как возможна философия простых вещей?» идёт речь о том, как именно возможен дискурс о простой вещи в философии и не только. Авторы рассматривают эстетический аспект реалогической рефлексии, полагая, что «Художественный опыт к сути простой вещи подходит ближе. Средствами искусства можно уловить самое простое и дать ему выразиться – яблоку, лучу света, окну...»³. Значимым для бытия и осмысления простой вещи в статье выделяется лингвокультурологический аспект. «Собственное, уникальное имя делает вещь неповторимой, превращая её в *exemplar exemplaris* и выводя тем самым из поля теоретического зрения, поскольку <...> мысль мыслит, прежде всего, общее, в то время, как единичное является для неё камнем преткновения. Иначе говоря, рука способна удержать меч Дюрандаль⁴, а мысль – нет»⁵.

Авторы тонко подмечают сложную заданность простых вещей всей культурой. Простые вещи «просты в силу нашей привычки воспринимать гармонично составленное сложное, то есть произведение, как простое. Что может быть проще колеса, перстня, меча или воспетой <...> Хайдеггером чаши? Однако за всеми этими вещами стоят не просто сложные навыки, но и невероятные

¹ Там же. С. 27.

² Там же. С. 32.

³ Там же. С. 35.

⁴ Меч, выкованный кузнецом Галаном (вар. – Мадельгером из Регенсбурга) и вручённый Карлом Великим во время рыцарской присяги Роланду.

⁵ Сила простых вещей: сб. ст. / под ред. С.А. Лишаева. – СПб.: Алетейя, 2014. – 384 с. – (Тела мысли). С. 41.

сдвиги пластов культуры»¹. Е. А. Иваненко, М. А. Корецкая, Е. В. Савенкова приходят к выводу о том, что «простые вещи – верхушки айсбергов, плавающих в мире культуры; под видимой простотой – могучие корни. Иными словами, быть просто в современной культуре очень сложно»². Отдельно в статье оговариваются вещи, «в которых символические функции превалируют над утилитарными и естественными. Речь идёт о вещах священных или сакральных, которые также могут быть восприняты как простые, причём не важно, имеется ли в виду Омфал или Грааль. Вещам такого рода свойственна единственность, манифестируемая индивидуальным именем, за которым тянется история, рок, судьба». Сила этой вещи настолько велика, что, будучи даже разбитой на несколько частей, она может сохранить за каждой своей частью всю свою мощь, продолжая двигаться в русле собственного предназначения»³.

Стержневым модусом бытия вещей Е. А. Иваненко, М. А. Корецкая, Е. В. Савенкова считают их максимальную включённость в ткань индивидуального бытия субъекта и способность создавать и определять «субъектное поле опыта». «Им свойственна необратимость существования. Некая вещь обретает единичное и символическое значение событийно и акцидентально. Вслед за Прустом и Гуссерлем такие вещи описывал Мамардашвили, называя их «упаковками опыта» и призывая расследовать их кентаврическую природу»⁴. Именно так мыслится метафизика простых вещей в феноменологии, «которая и была создана для эпического описания одиссеи субъекта, кружными путями возвращающегося к самому себе через пестроту жизненного мира»⁵.

Ю. А. Разинов в своей статье «Dasein вещей, или о чём может поведать трубка» стремится разобраться в смысле основного тезиса и призыва феноменологии «Назад к вещам!» Автор, апеллируя к хайдеггеровскому одновременно торжественному и неутешительному диагнозу относительно «забвения», «ухода» и

¹ Сила простых вещей: сб.ст. / под ред. С. А. Лишаева. – СПб.: Алетей, 2014. – 384 с. – (Тела мысли). С. 42.

² Там же. С. 44.

³ Там же. С. 43.

⁴ Там же. С. 43–44.

⁵ Там же. С. 44.

«уничтожения» вещей, констатирующему ситуацию, когда «существо вещи никогда не даёт о себе знать, т. е. ему не дают слова», ищет ответ на вопросы «что это значит: «дать вещам слово»? Как это вещи могут сами говорить? «Говорящие вещи» – это что? Метафора? Или покрытое исторической плесенью анимистическое представление? А может быть, ни то и ни другое?»¹. И по сути Ю. А. Разинов, полагая всё же, что слова М. Хайдеггера не метафора, а прямое указание, хочет «хотя бы частично реабилитировать архаическое представление о «душе» вещей»², ведь в мифологическом сознании вещь в полной мере обладает способностью «веществовать» - рассказывать саму себя. Шаман, «войдя в транс и утратив идентичность, <...> становился на время той вещью (животным, растением или минералом), силу которого намеревался использовать»³. И далее в статье проводится анализ историко-культурного и историко-философского смещения смысла отношений человека и вещи, когда «через процедуры ревизии и контроля – субъект нововременной рациональности перехватил инициативу у природы. Вырвавшись из силового поля вещей, стряхнув с себя заветные чары и окончательно «демистифицировав» мир, человек науки перешёл в эру активного управления вещами и силами. И если путь шамана лежал *от силы к знанию*, то развитие науки и техники пошло в обратном направлении – *от знания к силе*»⁴. Современный человек и общество «вытеснили на периферию обыденности такие модусы архаического отношения к вещам, как любовь, верность и доверительное общение. Мир вещей захлестнули отношения власти и подчинения, экономии и потребления»⁵.

В определённом смысле Ю. А. Разинов уловил и сформулировал суть культурной перекодировки вещей из сферы сакрального в сферу обыденного, из состояния вещественности в статус предметности (причём описал этот процесс в коннотациях утраты) и проанализировал модусы предметного бытия вещи в современном мире: товар, изделие, раритет, экспонат, произведение. Сетую на утрату архаических форматов отношений человека и вещи, ко-

¹ Там же. С. 48.

² Там же. С. 49.

³ Там же. С. 50.

⁴ Там же. С. 51.

⁵ Там же.

гда человек жил «в мире соучастия предметов и сил, в мире перевоплощений и трансформаций, благодаря которым можно было общаться с животным, растением или природной стихией, причём в прямом, а не в переносном смысле»¹, автор приводит конкретные примеры того, как возможна «способность к спонтанному отождествлению себя с вещью и общению с её «душой»»². Для этого он обращается к книге К. Кастанеды «Учение Дона Хуана. Отдельная реальность. Путешествие в Икстлан», где описывается техника курения как общение с трубкой³ и сравнивает этот сакральный духовный процесс со скоротечным перекурком – противоположным курению трубки квазиобщением человека с одноразовым «расходником», сигаретой, выполняющей, как пишет автор статьи «роль скорой помощи», служащей потребности невротизированного субъекта к моментальному удовлетворению желания⁴. В итоге Ю. А. Разинов приходит к выводу о необходимости возврата «к тому архаическому отношению, которое рациональной традиции было известно лишь в терминах «фетишизма», «анимизма» и «гилозоизма»» и обращения к «новой онтологии вещей, где те не просто *есть*, существуют, обладая «готовой» сущностью, а *осуществляются* или *исполняются* в некоем событии, приходя к своей сущности, т.е. в каком-то смысле экзистируют». «Выражение «вещь веществу» означает, что она не *есть*, а *сбывается*»⁵.

Второй раздел книги «Сила простых вещей» посвящён проблеме «Вещь и субъект». А. К. Секацкий в статье «От формации вещей к эпохе текстов» констатирует современную реалогическую ситуацию в культуре как утрату вещами такой функции, как способность быть «хроноуловителем», быть слоем или осадком не только культуры, выполняя мемориальную или коммеморативную задачу, а индивидуальной жизни, быть «надёжным транспортным средством», способным перемещать субъективное «бытие-в-посмертии»⁶. Автор статьи использует очень яркие метафоры,

¹ Сила простых вещей: сб. ст. / под ред. С. А. Лишаева. – СПб.: Алетейя, 2014. – 384 с. – (Тела мысли). – С. 59.

² Там же.

³ Там же. С. 60-61.

⁴ Там же. С. 62.

⁵ Там же. С. 67-68.

⁶ Там же. С. 74-75.

описывая современную культурную ситуацию как замену вещей-пожитков вещами-проектами. «Вещи как пожитки суть устойчивые крупницы жизни, кристаллики трансперсонального бытия <...>, сверхпроводники скоротечного времени, замедляющие его скорость», но «вещи-пожитки больше не живут в нашем обиходе, их вытеснили вещи-проекты»¹. По существу, в статье утверждается переход от вещественного к текстовому способу культуротворчества и самосознания, и автор видит в переходе «от пожитков к проектам» ускорение «происходимости происходящего» и резкое возрастание напряжения «в модусе бытия как авторствования»². «Вещи-пожитки выброшены как старый хлам или сакрализованы как музейные экспонаты – и в том и в другом случае их проводящие и сохраняющие иноприсутствие свойства утеряны»³. А. К. Секацкий использует оппозицию «присутствия-отсутствия» для обозначения сути культурных перемен, утверждая, что «традиция несуетного проживания стала, наконец, воистину маргинальной, принципиально несохраняемой – даже узы ближайшего родства не предотвращают угасания присутствия. Оставшиеся пустыми, вещи-оболочки напоминают, в лучшем случае, о факте отсутствия, их эфемерное единство распадается сразу же, как только владелец исчезает. Они суть опавшие лепестки, и только тексты могут быть сжаты в семена, пригодные к произрастанию»⁴.

В тех же критериях «присутствия» – «отсутствия» (белых и чёрных клавиш бытия) размышляет о вещах в субъективном бытии О. А. Балла-Гертман в статье «Поэтика потерь: к антропологии вещи». «У вещей есть два модуса существования – присутствие и отсутствие, причём последнее не менее, а иногда и более сильно, чем первое. Иные предметы голосят, вопиют своим отсутствием, незаменимостью-ничем-другим. Иным – вообще надо исчезнуть, утратиться, чтобы стать по-настоящему, в полной мере самими собой. Их присутствие – только подготовка к будущему отсутствию, его вызревание, накапливание. Утрата – задание и челове-

¹ Там же. С. 75.

² Там же. С. 76.

³ Там же. С. 77.

⁴ Там же. С. 78.

ку, и предмету»¹. Приобретения и потери в бытии субъекта с вещами автор статьи вписывает в категории антропологии возраста – детство/молодость/зрелость/старость, полагая, что в детстве «предметы и их детали воспринимались отчётливо, выпукло, самоценно, завораживали», молодость и зрелось «мыслят размашисто, охапками. Детали проскакивают мимо. С будущей старостью к нам подступает внутренняя тишина <...> и в ней всё лучше слышны отдельные предметы»².

С. А. Лишаев в статье «Первое, что запомнилось (вещь в биографическом контексте)» осмысление простых вещей вписывает в персональный опыт бытия, в опыт эмоционального и социального взросления, формирования индивидуальности, начинающегося в детстве и осуществляющего как импринтинг – запечатление переживания мира и самого себя через конкретную вещественную деталь этого мира – стеклянный шарик, красную пуговицу, запах пучка полыни, которую автор называет «первосветом». «Рост и ветвление смыслов, извлекаемых из образа вещи-первосвета, продолжается и после того, как она впервые становится предметом автобиографической рефлексии. Если в жизни рефлексирующего над собственным прошлым человека происходит заметный поворот, то в той или иной мере изменяется и толкование первовещей памяти: в них открываются новые смысловые горизонты. Многократное возвращение к первовещи, её переинтерпретация, извлечение новых смыслов показывает, что такая вещь переживается нами как хранилище неисчерпаемой тайны простого»³.

В противопоставлении модусов «незабвенного» и «забвения», «преданности» и «измены» рассматривает проблему субъекта и вещи А. А. Грякалов в статье «Монодрамы вещей» субъективность: пределы забвений и незабвенное». Неповторимость и уникальность отношений субъекта и вещи он описывает в терминах экзистенциализма – «встреча», «случай», «судьба», «абсурд бытия», «свобода произвола». Автор статьи констатирует, что «в модерне происходит "антропологизация вещи" <...> Вещь обретает смысл в отношении к опыту проживания – обращение к пределу

¹ Сила простых вещей: сб. ст. / под ред. С. А. Лишаева. – СПб.: Алетей, 2014. – 384 с. – (Тела мысли). С. 106.

² Там же. С. 110-111.

³ Там же. С. 136.

тем более значимо, что только максимальное напряжение жизненных сил способно открывать в вещах смысл-сущность жизненной энергетике, а не сущность спекулятивного плана, когда сознание "подводит вещь под понятие"¹. Аппелируя к идеям Л. Витгенштейна и М. Хайдеггера, А. А. Грякалов подчёркивает, что «во встрече *вещного* и *человеческого* проявляется то, что может быть названо "парадоксом умаления": чем больше символическое освоение вещи, тем менее "собственно вещного" существования. Рост символического означает умаление вещного – в пределе вещное тем или иным образом восстаёт против растворения в символическом. <...> А когда символическое забыто в вещах и вещное становится предметным – вещи перестают быть сами собой"². Таким образом, тема субъектного бытия и вещей в статье пересекается с темой языка, телесности. Коллизии бытия субъекта и бытия вещей в статье тонко иллюстрируются литературными текстами Б. Пильняка, А. Платонова, В. Шаламова.

Поводом и материалом для статьи Е. А. Иваненко, М. А. Корецкой, Е. В. Савенковой стал интернет-портал «Дарудар», основанный в 2008 году братьями Каракуловыми как сетевое сообщество, ориентированное на практику безвозмездного дарения вещей, которые перестали быть нужными своим владельцам, но могут быть востребованы кем-то другим. Соответственно в статье «Дарудар. Жизнь и смерть простых вещей» центральными культурными концептами выступают дар, дарение, подарок, символический обмен, корысть и бескорыстие, стяжательство, потребление и их современные модификации, возникающие в связи с виртуализацией коммуникации и культуры. Исследуя в этом материале современное отношение человека и вещей, авторы прослеживают, «как простая вещь, избывшая свой жизненный срок в чьём-то личном пространстве <...>, попадает в сетевой конвейер «одухотворения» по-франкенштейновски и продолжает цикл существования, перемещаясь от дарителя к дарителю, неся в своей мёртвой упаковке живую эмоцию. Этот некрофилический образ, возможно, слишком резок, но он хорошо отражает суть происходящего»³.

Ю. А. Разинов в статье «Фальшивка» анализирует фальшивку как непростую неподлинную, ложную вещь в отличие от про-

¹ Там же. С. 85-86.

² Там же. С. 88.

³ Там же. С. 160.

стой аутентичной, правдивой, истинной вещи, останавливаясь на проблеме соотношения копии и оригинала, явной и неявной фальшивки, природу симулякра как копии копии, пустой оболочки. знака без означаемого. Автор приходит к выводу о том, «что в современном театре вещей фальшивки начинают занимать едва ли не равное место с подлинными вещами. Забвение «самих вещей» в итоге может оказаться настолько глубоким, а приближение подделки к изначальному образу настолько радикальным, что на каком-то этапе исторического пути мы можем утратить выятность дистанции между подлинной и мнимой вещью, между образом и копией, между эйдосом и идолом»¹.

Своеобразным переходом к третьему разделу сборника являются статьи Н. А. Грякалова «Волшба вещей: фетиши», в которой раскрывается культурная сущность феномена фетишизма в рамках психоанализа и структурализма, и статья К. С. Пигрова «Личный дневник как философско-антропологический концепт», где личные документы – письма, дневник – описываются как в темпоральных, так и в пространственных категориях как топос языка, поскольку, по убеждению автора, «дневник – это техника обособления, уединения, создание *мною самим* субъективного пространства – создание места субъективного духа»². Третий раздел книги «Сила простых вещей» – «Сад вещей (вход и выход свободный)» – своеобразная мозаика, несколько противоречивая, спорная и провокативная, в которой мы знакомимся с философской рефлексией по поводу конкретных реалий бытия, введенными авторами в статус вещи: дверь (Ю. А. Разинов «Дверь»), дорога (Ю. Е. Пермяков «Метафизика дороги»), зеркало (Е. А. Иваненко, М. А. Корецкая, Е. В. Савенкова «Зеркало и субъективность или рефлексии рефлексии»), рулетка (Е. А. Иваненко «Рулетка (измерительный инструмент)»), калейдоскоп (М. А. Корецкая «Калейдоскоп»), сувенир (М. А. Корецкая «Сувенир»), кнопка (Е. Ю. Михалева «Метафизика кнопки»), кирпич (В. Л. Лехциер «Кирпич: добрая тяжесть и орудие судьбы»), перчатка (С. И. Голенков «Метафизика обыденной вещи: перчатка»), корсет (А. В. Конева «Корсет –

¹ Сила простых вещей: сб. ст. / под ред. С. А. Лишаева. – СПб.: Алетей, 2014. – 384 с. – (Тела мысли). – С. 178.

² Там же. С. 217.

воображение модного тела»), трубка и сигарета (В. Л. Лехциер «Это не трубка – это сигарета: четыре перекура по поводу простых и непростых вещей»), подарок (А. Е. Сериков «Подарок как вещь. Опыт цинического исследования»), кот (Ю. Е. Пермяков «Тимошка. Domestic cat»), кухня (М. В. Михайлова «Путешествие по кухне»).

Завершает сборник «Сила простых вещей» раздел «Простота присутствия» из двух даже не статей, а лирических эссе, составляющих, на наш взгляд, квинтэссенцию всей книги. Это работы Г. В. Мелихова «Простое» и С. А. Лишаева «Счастье как присутствие» о вовсе непростом смысле концепта «простое» и уникальной способности человека, осуществляющего своё бытие в мире вещей, именно в этом вещественно-антропологическом со-бытии подниматься над обыденностью и рутинной повседневностью, ощущая «экзистенциальную значительность счастья-блаженства» и «опыт блаженной полноты»¹.

Отметим также, что в характере и сути формирования реалогической традиции философских и социально-гуманитарных исследований ярко отразилась такая глубинная ментальная и исследовательская методологическая тенденция в философствовании, как потребность в подкреплении (а порой и замене) теоретических рассуждений и утверждений художественными текстами – литературными, музыкальными, живописными, архитектурными и др. Так например С. С. Аверинцев² писал об этом: «На Руси <...> философствование осуществлялось в специфических формах: в формах иконописания. Не в трактатах, а в иконах <...> приходится искать центральные идеи древнерусской культуры. Творчество красоты приняло на себя дополнительные функции, которые в других культурах принимало на себя абстрактное мышление». Речь идет о том, что, с одной стороны, тяготея к идее высокого нематериального смысла существования человека в мире культуры, к идеалистическим построениям, российская философия стремится для подтверждения истинности и убедительности своих идей найти и утвердить некую устойчивую зримую и ощутимую, то есть вещественную, форму художественного объекта – картины,

¹ Там же. С. 379.

² Аверинцев С.С. Красота как святость // Курьер. 1988. Июль. – С. 12–13.

скульптуры, инсталляции. В самом деле, помимо иконописи, о которой пишет С. С. Аверинцев, убежденный, что «музы сестры и что разные виды человеческого творчества имеют сходные проблемы и сходные шансы», функции российской философии культуры и вообще философствования в определённом смысле выполняли и выполняют литературная критика, журналистика, все формы пластического художественного творчества, фотография, театр, поп-арт, дизайн, кинематограф, телевидение, шоу-бизнес.

Философия культуры как наука обобщает, стремясь сделать сложные вещи простыми, а произведение искусства конкретизирует и индивидуализирует, усложняя простое, и в российском способе мыслить культуру в философских категориях эти, по сути противоположные, ментальные операции осуществляются чаще взаимодополнительно, нежели исключая друг друга, поэтому в России философия культуры – это не вполне или не только рациональное освоение мира, но воплощение в поэтическое слово, в материальный объект (в вещь) пластического искусства, в кинокадр или фотоснимок, даже в бытовое изделие утонченного и глубокого смысла.

Примерами этой важной особенности и российского мышления, и реалогической философии культуры может стать литература: «вещеписательство» и упоение бытовыми деталями Н. В. Гоголя, у которого Коробочка, Плюшкин и другие герои становятся живыми и настоящими только благодаря реалогическому миру, выстроенному вокруг них писателем, а сами вещи обладают самостоятельным онтологическим статусом, но не просто живут своей жизнью, а бытийствуют, свидетельствуя о своём владельце¹; трогательное и вникновенное внимание и приязнь к самым простым вещам как хроноуловителям, «силкам и ловушкам» персональной памяти, удерживающим ощущение, мысль, чувство, не позволяющим потерять ощущение реальности и настоящести собственного персонального бытия в акмеизме («протертый коврик

¹ См. об этом, например: Гольденберг А. Х. Антология вещи: гоголевский концепт в эстетике «Бубнового валета» (заметки к теме) // Актуальные проблемы изучения творчества И. И. Машкова и художников «Бубнового валета». – Волгоград, 2011. – С. 218–224.

под иконой...», «перчатка», «кольцо» и др. у А. Ахматовой); поколенческие вещественные «пароли» для распознавания сверстника Марины Бородицкой:

*Встаньте, кто помнит чернильницу-непроливайку,
Светлый пенал из дощечек и дальше по списку:
Кеды китайские, с белой каёмочкой майку,
И промокашку, и вставочку и перочистку.*

*Финские снежные, в синих обложках тетради,
День, когда всем принести самописки велели,
Как перочистки сшивали, усердия ради,
С пуговкой посередине, – пачкать жалели.*

Та же тенденция проявляется и в художественных проектах акционистов, перформансистов, инсталляторов (например, экспозиция «История одного заброшенного дома, или Негромкий разговор вещей», созданная в 1990-м году группой позднесоветских художников под руководством М. Коники на Сенеже или проект «Виртуальный музей» М. Шемякина), концептуалистов.

Замечательные примеры мы находим в российском кинематографе: ярчайшая работа Константина Фама – короткометражный фильм «Туфельки» 2012 года, где пара женских туфель – вещественная метафора биографической истории конкретной жертвы Холокоста. Порой российские кинематографисты оказываются лучшими и более внятными теоретиками реалогии, нежели философы. Так Георгий Рерберг, оператор, работавший с Андреем Тарковским, определил свой художественный метод как «поэтический натурализм» потому, что он строился на «вникновении в вещь», когда творец наполняет кинокадр вещами, но не обязательно такими, которые скажут об эпохе, а заговорят о человеке, персонаже. Особыми возможностями в этом отношении обладает документальный кинематограф – уникальный инструмент освоения вещи, главной особенностью которого М. Ямпольский считает его онтологизм.

Современные музейные практики в своих реалогических проектах также выступают в роли философов культуры (Например, Т. Гафар разработала и осуществила проект «Школа народной реставрации «Антресоль» в Волгограде, предоставивший возможность горожанам, владельцам семейных реликвий, научиться у профессиональных музейных реставраторов восстанавливать и поддерживать целостность своих бесценных раритетов – книг, мебели, украшений и других вещественных хранителей семейной памяти).

Еще одна существенная особенность российской философии вещей – оксюморонность, одновременность противоположных полюсов в осмыслении культуры. Удивительным образом в философских рассуждениях российских авторов сочетаются мораль, религиозная вера, высшая одухотворенность бытия человека и повседневность в ее вещественно-телесном воплощении. С. Аверинцев говорит о Боге, высшей духовности, значимых категориях любви к ближнему, семье, имея в виду отнюдь не абстракции, а опыт – чувственный, телесный, вещный. Название сборника статей Вячеслава Иванова «Родное и вселенское» очень точно передает такую способность российской философии культуры совмещать такие масштабы бытия, как всеобщее и единичное, глобальное и локальное, возвышенное и низменное.

Таким образом, можно констатировать целый ряд параметров корреляции и взаимодействования черт российской ментальности и культуры в ее традиции и современности с направлениями и этапами формирования российской реалогической философии культуры, исследующей смыслы личных вещей и явлений частной и публичной жизни человека, проникающей в его вещественный персональный жизненный локус, во внутренний мир сокровенного – биографической памяти, самопознания, творчества.

1.3. КУЛЬТУРНЫЕ МОДУСЫ ВЕЩИ И ВЕЩЕСТВЕННОГО: РЕАЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

Человек в своём культурном бытии преследует цель осмыслить своё существование в мире и упорядочить его. Уникальным средством и ресурсом для самоосмысления и самореализации представляется сфера повседневных вещей и практик. Повседневность по сути и есть вещественный способ универсализации личностного бытия в культуре. Мир вещей, аккумулировавший выработанные на протяжении духовной истории человечества и сложным образом организованные смыслы, ценности, образцы, образует в культуре специфическую и уникальную реальность.

Исследование культурного статуса мира овеществлённых идей, желаний, ожиданий, смыслов людей и привлечение внимания к проблеме духовных смыслов мира повседневности – одно из серьёзных направлений глубинного и целостного изучения культуры в науках о человеке и обществе последнего столетия. До конца XX века наиболее адекватными подходами к исследованию мира повседневности были социологический, культурно-исторический и семиотический. Именно они позволяли «расколдовывать» вещи и другие реалии повседневной жизни отдельного человека как свидетельства об идеалах, культурных образцах, ценностях, образе жизни макросоциума в синхронном и диахроническом рассмотрении, на глобальном и локальном уровнях. Осмысление вещей как феномена языка и текста культуры, а также разработка методов декодирования их смыслов и значений ярко представлены и разработаны семиотическим направлением в гуманитарном знании XX века и современности (в социологии духовной жизни, философии культуры, социальной антропологии). Объектами исследовательского интереса таких семиотических исследований выступают курительная трубка, шнуры, уют, мебель и другие повседневные предметы, нагруженные определённой универсально-культурной семантикой, безусловно доступной для дешифровки и интерпретации смыслов надперсонального коллек-

тивного бытия (о такой устойчивой семиотической традиции исследования мира вещей свидетельствуют также издание и популярность разнообразных справочников и словарей символов).

Но, на наш взгляд, важнейшей характеристикой всякой вещи в культурном измерении является то, что она есть равновесие между двумя альтернативными мирами: миром коллективно-социального с присущими ему универсальными закономерностями и миром единичного, где доминирует уникальное личностно-индивидуальное содержание. Чтобы философу культуры, социологу повседневности было возможно помыслить мир вещей как сферу личностно-персонального, несводимого к универсальным культурным кодам, бытия, в середине 80-х годов XX века М. Н. Эпштейн ввёл в философский дискурс термин «реалогия» для обозначения существенной методологической тенденции в современных науках о культуре. «Реалогия – наука о вещах, о вещественном, которая имеет своим предметом такую сущность вещи, которая не сводится к техническим качествам изделия, или к экономическим свойствам товара, или к эстетическим признакам произведения... Эта сущность, способная сживаться, сродняться с человеком, раскрывается все полнее по мере того, как другие свойства вещи отходят на задний план, обесцениваются, устаревают»¹.

Реалогия – это не просто «вещеведение», а особый способ философствования по поводу упорядочивания человеком своего персонального бытия через установление специфических отношений с вещами; это, по сути, вещественная антропология культуры, скрупулёзно и нестандартно изучающая «все модусы и ипостаси человеческого в человеке, которая пытается постичь в вещах их собственный, нефункциональный смысл, не зависимый ни от товарной стоимости, ни от утилитарного назначения, ни даже от их эстетических достоинств. Она исследует личные вещи, не вещи «для чего-то», а вещи «чьи», занимается единичными персональными вещами, то есть миром оживлённых человеческими смыслами предметов реального неповторимого жизненного пространства. Причём одни и те же объекты такого пространства могут быть связаны с пользой, удовольствием, красотой. Всё зависит от того во-

¹ Проективный философский словарь: Новые термины и понятия / Под редакцией Г. Л. Тульчинского и М. Н. Эпштейна. – СПб.: Алетейя, 2003. – С. 346.

проса, который мы адресуем той или иной вещи, и от того, как этот наш смысл, вложенный в вещь, прочитывается и интерпретируется другими людьми, ведь вещи – это имманентная часть культуры, они создаются всегда конкретными людьми, но существуют между ними, в так называемой гомосфере, в культуре»¹.

Таким образом, в современном гуманитарном знании можно констатировать методологический поворот «к реалогической методологии изучения мира вещей и повседневных практик, позволяющей видеть и понимать вещи как форму личностной укоренённости в бытии культуры, обнаруживать персональную причастность миру и способ упорядочения мира в повседневной организации индивидуального бытия»². В реалогической парадигме весь сложно и противоречиво организованный, но, при этом, целостный, мир культурного бытия человека можно представить через ряд модусов. Каковы же эти смыслы, статусы и культурные модусы вещей и вещественного?

Во-первых, основанием для понимания сущности вещей выступает онтология и феноменология вещи. Отношения человека с вещами имеют онтологический статус, затрагивая все стороны индивидуального существования, тотально захватывая все человеческое бытие. Мартин Хайдеггер полагал, что вещь, являясь в своей вещественности, приближает мир, то есть помогает человеку ощутить свою реальность, «настоящность» собственного бытия. С культурным бытием вещи сопоставимо натуралистически-предметное или собственно вещественное, когда речь идёт о некоей материальной самостоятельности вещи, её независимости от человеческой деятельности как на уровне сознания, так и в созидательных практиках. Особыми подуровнями этого модуса являются 1) позитивная онтология вещи: порождение и целостное аутентичное бытование вещи в пространстве и времени и 2) негативная онтология вещи: ветшание, разрушение, утрата, отсутствие вещи. Неким промежуточным (и проблематичным) онтологическим аспектом

¹ Шипулина Н. Б. От семиотики к реалогии: методологическая эволюция исследовательского и интерпретационного инструментария культурологии повседневности // Каспийский регион: политика, экономика, культура (журнал признан действующим списком ВАК РФ). 2012. – № 4(33). – С. 263.

² Там же. С. 267.

может выступать такой статус вещи, как её бытие в неаутентичной форме – репликации или копии.

Второй модус вещи в культурном измерении – метафизический. Для человека всегда притягательна и важна трансцендентная, сакральная сущность вещи. Человек ощущает и закрепляет в культурных представлениях и практиках магическую силу вещи, её связь с судьбой, поэтому существует даже специфическое направление в гуманитаристике – фаталистика вещей. Людмила Улицкая называет вещи «священным мусором», видя в них некую мистическую частицу бытия, которая обладает уникальной способностью переводить объекты материального мира в сферу духовную, осуществлять «тончайший переход, некий удивительный скачок качества», при котором соблюдается «своеобразный «закон сохранения». Чего? Строго говоря, материи. Но в её прикладном виде, когда она отливается в вещи, которые сопровождают каждый день нашей жизни»¹.

Третий модус культурного бытования вещи – эстетический. Смыслы вещей закреплены в эстетических категориях: «прекрасное», «безобразное», «комическое», «трагическое», «возвышенное», «низменное». Такие социально-эстетические явления, как стиль и мода фиксируют и отражают эстетико-антропологический идеал эпохи (большого культурного стиля или малого отрезка социального времени длиной в поколение). Совершенно особое место занимают вещи в искусстве как на уровне видовой и жанровой его определенности (литература, скульптура, архитектура, кинематограф, декоративно-прикладное искусство), так и на уровне специфического «поведения» вещи в искусстве, её эстетической роли, когда речь идёт о вещи как «метафоре», «символе», «аллюзии», «цитате», «реплике», «стилизации» и т.д..

Четвёртым модусом бытия вещи в культуре можно назвать семиотику. Вещи бытуют в языке и образуют свой специфический реалогический дискурс, способствующий осуществлению коммуникативного аспекта культуры. О такой символической роли вещей в культуре Умберто Эко (вслед за Кшиштофом Помианом) говорит, что в определённый момент в истории культуры происходит переакцентирование внимания человека с материальной

¹ Улицкая Л. Многоуважаемый шкаф // STORY. 2012. – № 12. – С. 132–133.

сущности вещей на культурно-символическую: «очень скоро коллекция переключается на вещи, названные им семиофорами, или носителями знака, то есть на такие предметы, которые часто вне зависимости от их материальной ценности несут в себе знак, свидетельство, отсылают к чему-то иному, к прошлому, откуда они пришли, к некоему экзотическому бытию, никому кроме них не ведомому, к невидимому миру»¹. Полагаем, что в языке вещей можно условно выделить три масштаба или пласта: 1) универсальные смыслы и значения вещей; 2) вещественные знаки и символы локальных культур; 3) уникальные микроконтексты бытования символических значений вещи.

Пятым культурным модусом вещи выступает прагматика. Часто при анализе мира вещей одним из первых выделяют их утилитарно-функциональный статус. Это и повседневные вещественные практики: создание, тиражирование, хранение, распространение, манипуляции, утилизация вещей. Это и культурно-экономическая интерпретация вещи как собственности (индивидуальной и коллективной) в её товарно-потребительском модусе.

Шестой, наиболее сложный для философско-культурного анализа, модус бытия вещей – этика. Отношением к вещам пронизаны такие категории в моральном лексиконе реалогии, как «скудность», «корысть», «бескорытие», «щедрость», «расточительность», «зависть», «вандализм» и т.п. Возможность обладания личными вещами может быть определена как реалогическая атрибуция личной свободы. Аскетизм и игнорирование материальных благ выступают морально-реалогическим измерением духовного бытия человека в религиозно-нравственных программах. Особым духовным смыслом обладает вещь-подарок и само дарение как этико-реалогическая практика. Регуляция повседневного бытия людей в нормах и правилах этикета также являются вещественным отражением культуры.

Седьмой уровень культурных смыслов вещей – антропологический. Именно культурно-антропологическим модусом универсализации личности в вещах и повседневности заданы, на наш взгляд,

¹ Эко Умберто. Vertigo: круговорот образов, понятий, предметов; перевод с итал. – М.: СЛОВО/SLOVO, 2009. – С. 170.

телесность, возраст, память, игра, удовольствие, любовь, свобода, власть, путешествие, труд. Вещь выступает как антроподицея на индивидуально-экзистенциальном уровне. Можно выделить также и вещественные маркеры коллективных форм культурного бытия: семья, город, профессиональное сообщество, этнос, субкультура.

Восьмой статус и модус вещи в культуре – персонологический. Предметный мир выступает как жизненное пространство личности: среда, стиль и образ жизни. Вещь занимает особое место в духовном бытии человека, которое можно определить как внеобыденный аспект реалогии. К реалогическим формам культурного бытия личности относятся организация индивидуального предметного пространства, вещественные практики (социальные, нравственные, собственно вещественные – хэнд-мейд, коллекционирование, музеификация, накопительство как «синдром Плюшкина» и т.д.), творчество как создание вещей по индивидуальному креативному замыслу.

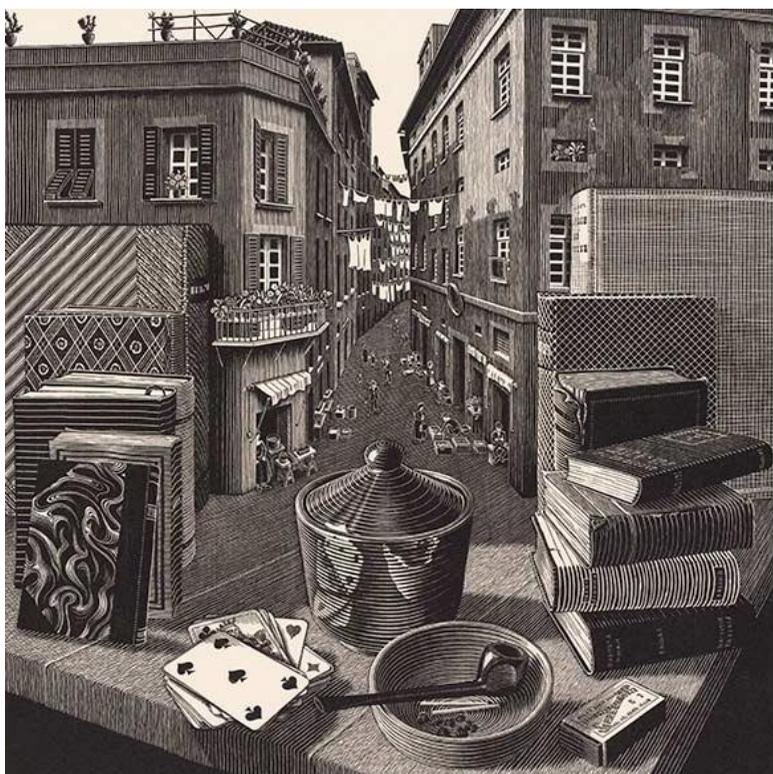
Девятый модус культурного бытия и бытования вещей – культурно-исторический. Вещь бытийствует не только в персональном мире, но и в истории культуры, отражая культурное и цивилизационное «взросление» человечества. Так вещь в традиционной картине мира – это природный и рукотворный объект, в архаическом сознании выступающий элементом доместикации, обладающий магическим и символическим смыслами (фетишизм). Такой культурно-исторический смысл вещей нашёл отражение в мифологии и фольклоре. Вещественная функциональность индустриального общества – второй исторический статус вещи, где на первый план выходят технические свойства вещей, их утилитарное значение. На этом этапе формируются и закрепляются экономические смыслы вещи как товара, консюмеризм и социально-иерархическая маркированность вещи как предмета престижа и роскоши. В современной культуре происходит развоплощение вещественности. В информационном обществе и массовой культуре вещи бытуют в оппозициях «индивидуальное – стандартизированное», «подлинное – имитативное». В настоящее время можно констатировать симуляцию и утрату аутентичных смыслов вещественных объектов современного искусства. Виртуализация вещественного мира в медийном и информационном пространстве

культуры развоплощает и саму личность, делая её культурное бытие симулятивным.

Таким образом, вещь и вещественное, выступая в качестве стержневого свойства культуры в её стремлении к наделению смыслом упорядочению всего в мире, утверждают и иллюстрируют её реалогическую сущность. Именно из стремления «привести всё в порядок», не потеряться в круговороте образов, понятий, предметов возникают сами вещи, их метафизика, символика, эстетика, этика, прагматика и т.д., которые лежат в основании культуры.

Глава 2

ЧЕЛОВЕК И ВЕЩИ В СТРУКТУРЕ ГОРОДСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

2.1. ПОВСЕДНЕВНАЯ КУЛЬТУРА ГОРОДОВ В СОВРЕМЕННЫХ URBAN STUDIES

Культура города – сложный феномен, включающий самые разные стороны его духовной, социальной, практической жизни. Это и пространственный образ – связь города с природным ландшафтом в целом и отдельными его объектами, это структура города, его «цветовая аура». Городская культура индивидуально вписана в пространство и сама представляет собой специфически организованный пространственный мир – мир улиц, площадей, переулков, объектов архитектуры, скульптуры, монументальной живописи, элементов садово-паркового искусства. Городская культура – это и особая организация времени, свой ритм жизни, с ее размеренностью или торопливостью, влияющие на характер социально-культурных процессов; это и язык знаков, символов, текстов, названий, это и неповторимый и непонятный приезжим городской фольклор; это и сами горожане с типом внешности, уличной модой, манерой говорить, особенностями общения и поведения. Все эти элементы культуры города являются важнейшими формами его бытия, так как отражают уникальное «лицо» города, его судьбу, его особый язык.

В настоящее время можно считать сложившимися такие самостоятельные направления современной гуманитаристики, как «городские исследования» и урбанистика. Своеобразные тон и методологическую «моду» в них задают журналы «City», «International Journal of Urban and Regional Research», «Environment and Planning», «Urban Studies», практически все публикации в них отмечены явной междисциплинарностью – география, антропология, теория и история культуры, экология, собственно история, право, планирование, экономика, политическая теория, социальные исследования вступают в публикуемых на их страницах материалах в самые неожиданные отношения от солидарности до полемики.

Городская культура как целостный феномен и отдельные ее элементы в настоящее время достаточно широко исследуются в ми-

ровой социально-гуманитарной науке с самых разных предметных и концептуальных позиций историками, социологами, культурологами, искусствоведами, дизайнерами, архитекторами, менеджерами культуры, фольклористами, антропологами, семиотиками.

Город как пространство, уникальный культурный локус социальных взаимодействий исследовался в работах Макса Вебера¹, Георга Зиммеля, Ирвина Гофмана, Пьера Бурдьё, Клиффорда Гирца, Энтони Гидденса. Историки школы «Анналов» Марк Блок, Люсьен Февр, Жак ле Гофф и представители микроисторического подхода Джованни Леви и Карло Гинзбург акцентировали свое внимание на изучении микромиров городской повседневности.

Кевин Линч² рассматривал город с точки зрения его образной структуры, в аспекте нормативности и «ясности прочтения» его культурных смыслов. Уникальную роль городов как центров культурной и экономической деятельности исследует Аллен Дж. Скотт, развивая теорию культурной экономики городов. Витольд Рыбчинский³ и Ричард Флорида⁴ изучают город в концептуальном и проблемном поле креативной экономики, привлекательности городов как мест жительства. Скотт Маккуайр⁵ и У. Дж. Митчелл⁶ исследуют город как медийную среду, как специфически организованную систему коммуникаций. Дэниэл Брук развивает своего рода урбанистическую футурологию. Гастрономические символы городов изучает Кэролин Стил⁷. Исследования Джонотана Викери посвящены возрождению городских пространств посредством культурных проектов как синтеза социальной, культурной и городской политики.

¹ Вебер М. Город // Вбер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко. – М.: «Прогресс», 1990. – 808 с. – (Социологич. мысль Запада).

² Линч К. Образ города / Пер. с англ. В. Л. Глазычева; Сост. А.В. Иконников; Под ред. А. В. Иконникова. – М.: Стройиздат, 1982.

³ Рыбчинский В. Городской конструктор: Идеи и города. – М.: Strelka Press, 2014. – 220 с.

⁴ Флорида Р. Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства. – М.: Strelka Press, 2014. – 368 с.

⁵ Маккуайр С. Медийный город: медиа, архитектура и городское пространство. М.: Strelka Press, 2014. – 392 с.

⁶ Митчел У. Дж. Я++: Человек, город, сети. – М.: Strelka Press, 2012. – 328 с.

⁷ Стил К. Голодный город: Как еда определяет нашу жизнь. – М.: Strelka Press, 2014. – 456 с.

В работах Вальтера Беньямина¹, Мишеля де Серто², Иоахима Шлера³ город рассматривается как «жизненный мир» отдельной конкретной личности, обычного человека в его повседневных занятиях, привязанностях, переживаниях, воспоминаниях, воспринимающего город и сживающегося с ним на уровне телесных практик – ритма шагов по городским пространствам, городских шумов и запахов, образов, трудно транслируемых на рациональном уровне.

В отечественной науке в последнее десятилетие интерес к городским исследованиям велик еще и в связи с культурно-политическими процессами постсоветского периода, всерьез изменяющимся экономическим, политическим, социально-культурным статусом городов России. К значимым исследованиям в этом направлении можно отнести труды Олега Лейбовича⁴, Светланы Бойм, Ольги Балла, Ильи Утехина⁵. Город с предметно-методологических позиций визуальной антропологии и микроурбанистики изучают такие российские ученые, как Елена Ярская-Смирнова, Павел Романов, Оксана Запорожец, Наталья Сорокина, Ольга Гурова, Ольга Бойцова, Олег Паченков⁶ и др., центром внимания которых являются такие феномены городской культуры, как реклама, городская мода, городской транспорт, городские со-

¹ Беньямин В. Московский дневник / Пер. с нем. и прим. С. Ромашко; общ. ред. и послесл. М. Рыкина; предисл. Г. Шолема. – М.: Ad Marginem, 1997. – 224 с. – (Философия по краям.); Беньямин В. Берлинское детство на рубеже веков / Пер. с нем. Г. В. Снежинской, науч. ред. А. В. Белобратова. М.: Ad Marginem; Екатеринбург: «Кабинетный ученый», 2012. – 144 с.; Беньямин В. Париж – столица XIX в. // Историко-философский ежегодник. 1990. – М., 1991. (Публ. 1955; тезисы незавершенных «Парижских пассажей»).

² Серто Мишель де. По городу пешком // *Communitas*. 2005. № 2. С. 80–87; Мишель де Серто. Призраки в городе // *Неприкосновенный запас*. – 2010. – № 2(70).

³ Работы Шлера И. «Ночи в большом городе» и «Отель «Европа»».

⁴ Лейбович О.Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40–50-х гг. – М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. – 295 с.

⁵ Утехин И. Публичность и ритуал в пространстве постсоветского города. – М.: Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка», Strelka Press, 2012. – 42 с.

⁶ Визуальная антропология: городские карты памяти / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой (Библиотека Журнала исследований социальной политики). – М.: ООО «Вариант», ЦЕСПИ, 2009. – 312 с.; Запорожец О., Лавринцев Е. Потеряться, чтобы увидеть: опыты фотографического восприятия города // *Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность*: Сб. науч. ст. / Под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой и др. – Саратов: Науч. книга, 2007. – С. 61–78; Микроурбанизм. Город в деталях / Сб. ст.; под отв. ред. О. Бредниковой, О. Запорожец. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 352 с. (серия STUDIA URBANICA).

общества, различные типы городских пространств и способы их освоения горожанами и приезжими. Городскую среду с позиций эстетики и дизайна продуктивно исследует Татьяна Быстрова. Авторами фундаментальных теоретических трудов о городе являются Владимир Глазычев¹ и Елена Трубина².

Большинство работ, посвященных городу и горожанам, ценностному и социальному значению города как территории и как сообщества, имеют отчетливый популярный или художественно-публицистический характер. Фундаментального исследования города с точки зрения вещественной антропологии культуры на настоящий момент не существует, поэтому изучение города с позиций микроурбанизма, то есть в малом масштабе, позволяющем изучать городскую культуру в деталях и мелочах повседневной жизни горожан, в вещах, средах их создания и бытования, конкретных практиках, является чрезвычайно актуальной. Несмотря на достаточно большое число исследований города как феномена культуры, представляющих собой один из научных трендов современного социально-гуманитарного знания, исследование Волгограда в аспекте вещественной антропологии городской культуры до настоящего времени не предпринималось. Хотя повседневные вещи как значимый компонент городской культурной среды Волгограда привлекают внимание авторов реализованных исследовательских грантовых проектов, например, несколько лет назад был осуществлен проект «Антресоль: школа народной реставрации» (Т. Гафар), призванный обучить горожан реставрировать вещи, представляющие семейные ценности - мебель, книги, посуду, ювелирные украшения - с привлечением профессиональных реставраторов волгоградских музеев; исследуется вещественно-предметная среда волгоградских художественных фестивалей (И. Тропина) таких видов, как косплей-фестивали и фестивали-реконструкции; осуществлен проект, посвященный изучению повседневно-бытовой среды и коммуникации в городском транспорте (Д. Сивков) и др. Существуют значимые результаты городских исследований прикладного характера, осуществленных в отношении реб-

¹ Глазычев В. Л. Урбанистика. – М.: Европа; Новая площадь, 2008. – 218 с.; Глазычев В. Л. Город без границ. – М.: Территория будущего, 2011. – 398 с.

² Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 620 с.

рендинга конкретных городов Европы, США, России, процессов их джентрификации, например, проект «Манчестер», идеи и методики которого начинают использовать провинциальные города России, например, Иваново, Тверь, Нижний Новгород.

В современном социально-гуманитарном дискурсе устойчивым методологическим клише стал концепт «поворот». Ученые фиксируют визуальный поворот в гуманитарном знании, антропологический поворот в науках об обществе и т.п. Один из значимых поворотов в изучении города как феномена культуры и городской жизни как социально-антропологического формата существования – это поворот к повседневности. Город и жизнь человека в городе все чаще исследуется не на уровне макроурбанистики в аспекте градостроительства и дизайна городской среды, экономики городов, администрирования городской социально-политической сферы и стратегий городского планирования и развития. Город и горожане попадают в поле зрения современных гуманитариев в их повседневной жизни, в простых словах, поступках, вещах и практиках, не имеющих глобального значения, но помогающих увидеть современные города «снизу и изнутри» и в этом смысле лучше понять глубинные пласты культуры города и городов.

Культуру можно определить как развернутое во времени и пространстве самоосуществление человека. Повседневность, будучи особой модальностью человеческого бытия, осуществляется, как всякое бытие, во времени и пространстве. Именно город является основным пространством для осуществления повседневных практик, формирующих бытие современного человека. Сложность системного исследования повседневности, осуществляющейся в пространстве города, заключается в том, что сама повседневность не обладает сколько-нибудь четкой, раз и навсегда сложившейся структурой, поэтому и сам город как пространство гетерогенное, и повседневность, в нем протекающая, являясь объектами исследовательского анализа, подвергаются процессу разнообразного конструирования.

В издательствах «Новое литературное обозрение» и «Strelka Press» в последние годы вышла серия книг, направленных на осмысления повседневной жизни города и человека в нем. Авторы книг и отдельных статей в сборниках осуществляют неинституциональный анализ повседневного пространства города в попытках

осмыслить город в непосредственных его проявлениях, узнать, как здесь работают и наслаждаются жизнью, как здесь философствуют и любят, курят, едят, пьют, делают покупки, играют, спят, умирают. Город является уникальной конфигурацией жизненных миров горожан, формирующейся и визуализирующейся в самых разных моделях и форматах, которые и представлены в новых культурно-урбанистических публикациях.

Так Витольд Рыбчинский¹ и Ричард Флорида изучают город в концептуальном и проблемном поле креативной экономики, привлекательности городов как мест жительства для обычного простого человека. Ричард Флорида, ссылаясь на экономиста Роберта Лукаса, пишет: «Если мы ограничимся лишь общепризнанными экономическими силами, города должны будут разлететься на куски» и задается вопросами «Почему за городом земля всегда дешевле, чем внутри него?»; «Почему же тогда люди и бизнесы не переезжают скопом туда, где издержки значительно ниже?»; «За что люди платят, снимая квартиру на Манхэттене или в чикагском даунтауне, как не за то, чтобы быть рядом с другими людьми?»².

Шарон Зукин в своей книге «Культуры городов»³ рассматривает различные аспекты «городских культур» (не случайно именно во множественном числе) через призму самых неожиданных и на первый взгляд мало сопоставимых феноменов. Автор детально разбирает явление Диснейленда, создающего превратное впечатление о нормах городской жизни, включая в анализ города такого его субъекта как ребенок и размышляя о смещении антропологических и культурных границ возраста. Шарон Зукин нетривиально анализирует потребительское поведение горожан и жизнь торговых центров, приобретающих новые смыслы и функции в современных городах. В поле зрения исследовательницы попадает деятельность и значение корпораций в развитии городских территорий, активно приватизирующих общественные земли и блага. Особое место в книге занимают музеи современного искусства, вы-

¹ Рыбчинский В. Городской конструктор: Идеи и города. – М.: Strelka Press, 2014. – 220 с.

² Флорида Р. Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства. – М.: Strelka Press, 2014. – 368 с.

³ Зукин Шарон. Культура городов. Пер. с англ. Д. Симановского. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 424 с. (серия STUDIA URBANICA).

ступающие в роли могущественнейших девелоперов. Шарон Зукин пристально исследует экзотический мир этнических ресторанов, создающих колорит города, но лишенных доступа к результатам капитализации собственной экзотичности. Автор показывает неоднозначную судьбу иммигрантов в крупных городах в ресторанном бизнесе и в творческих профессиях; разъясняет, в чем не только прелесть, но и польза блошиных рынков, приводя строки из трудов Вальтера Беньямина об уличных торговых городских пространствах базаров и барахолок и покупательской культуре в городах.

Гастрономические символы городов изучает Кэролин Стил в своей книге «Голодный город. Как еда определяет нашу жизнь»¹, исследуя пищевую культуру горожан и инфраструктуру еды в городах как значимые элементы городской идентичности, в определенном смысле культурные маркеры уникальности пищевых практик, отличающих один город от другого. Близок этой книге по общим интенциям и бестселлер Рэя Ольденбурга «Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества»². Книга Рэя Ольденбурга рассказывает о жизни и смерти общественных пространств в американских городах. «Третье место» (первое место – дом, второе – работа) – это общественные места для неформальных встреч: кафе, библиотеки, магазины, аптеки и т.д., где люди в любое удобное для них время могут свободно и непринужденно общаться. Именно эти места отдыха, развлечений, обмена мнениями являются важнейшей частью повседневной жизни горожан, формируют городскую среду, и именно на них как на бэкграунде социальной жизни сосредоточено внимание автора. Российский культуролог Виталий Куренной и владелец московских кофеен Евгений Коган в программе «Археология» радиостудии «Финам» буквально в один голос в ответе на вопрос «С чего начинается город?» констатируют: «Город, так же как и утро каждого человека, начинается с кофе, поэтому для меня город начинается с кофейни. Одним из самых важных институтов городской жизни является кафе, кофей-

¹ Стил К. Голодный город: Как еда определяет нашу жизнь. – М.: Strelka Press, 2014. – 456 с.

² Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 465 с. (серия STUDIA URBANICA).

ня. Это то место, где мы в полной степени являемся горожанами»¹. Книга Рэя Ольденбурга уникальна тем, что анализ городской повседневности оказывается по сути серьезным культурологическим исследованием, затрагивающим и вопросы этнокультурной специфики английских пабов, немецко-американских пивных садов, французских кафе, американских таверн, австрийских кофеен; и гендерные особенности культурной среды третьих мест, и ювенологические аспекты повседневной жизни кафе, баров, клубов, изолирующих молодежь в особый городской кластер.

В отечественной науке в последнее десятилетие интерес к городским исследованиям в аспекте повседневной культуры велик еще и в связи с культурно-политическими процессами постсоветского периода, всерьез изменяющимся экономическим, политическим, социально-культурным статусом городов России. К значимым исследованиям в этом направлении можно отнести труды Ильи Утехина. По мнению российского антрополога и этнографа, современную архитектуру, скульптуру и дизайн городской среды можно рассматривать как «метакоммуникативное сообщение», а самих жителей города как пользователей. Любая доступная поверхность в публичном пространстве – это возможность сообщения, которое может быть словесным, изобразительным или вещным, как в случае замков на ограде или, по прямому назначению, на воротах. На поверхности можно было бы прилепить объявление, нарисовать картинку или написать что-то, если бы это позволялось; даже тротуар является такой поверхностью. Илья Утехин в своей книге «Публичность и ритуал в пространстве постсоветского города» на примере современного Санкт-Петербурга рассматривает уникальную ситуацию декодирования городских «мест памяти» в ритуальной практике горожан. «Самодельные объявления, надписи и граффити бросают вызов власти тех, кто устанавливает порядок медийности в публичном пространстве. Впрочем, те же инстанции устанавливают и порядок декоративности (в виде надзора за архитектурными решениями), и порядок поведения: что допустимо в публичных местах и в данном месте в частности.

¹ Кофе по-гордскому. Кофейня в жизни мегаполиса // Расшифровка выпуска Радио Финанс ФМ от 14.09.2011 [Интернет-ресурс] Режим доступа – <http://stolica.fm/archive-view/4697/1/> Дата обращения: 22.05.2016.

Границы терпимого иногда меняются на наших глазах. Например, в советские времена на Марсовом поле круглосуточно дежурила милиция, царил торжественность. Вокруг сакрального центра мемориала нельзя было вообразить себе ничего подобного тому, что представлено на иллюстрации. Сидение на скамейке у Вечного огня сразу снижает градус сакрального: оказывается, здесь можно не только стоять, но и сидеть. Более того, тут, оказывается, позволительно не только проникаться возвышенными мыслями, но делать, в сущности, что угодно – все, что люди делают во время приятной прогулки в парке. Сидя на скамейке, можно, например, выпивать и закусывать. А у огня это делать еще веселее. Ходят слухи, что по ночам публика не гнушается жарить на Вечном огне сосиски¹. Илья Утехин описывает постепенную десакрализацию памятников боевой славы и других социально и политически значимых объектов городской визуальной и предметной среды и незаметное переведение этих объектов в ритуальное пространство повседневных событий личных биографий горожан – в свадебный ритуал путешествий по городу с фотосессиями на фоне памятников. Современный город порой из-за неуместности такой декодировки продуцирует новые объекты для метамедийных сообщений, такую функцию в современном Волгограде выполняют граффити, поскольку памятники боевой славы горожанами консервативно поддерживаются в качестве «неприкосновенного запаса» и значимого символично-аксиологического ресурса. Так, например, один волгоградский блогер проделал уникальную работу: используя ресурс «Google-карты», составил карту городских граффити, которые приезжие и сами горожане, по его комментариям, смогут использовать для фотосессий.

Особое место в обзоре книг, посвященных повседневной культуре городов занимает сборник статей под общей редакцией Ольги Бредниковой и Оксаны Запорожец «Микроурбанизм. Город в деталях»². Авторы статей этого сборника (Оксана Запорожец,

¹ Утехин И. Публичность и ритуал в пространстве постсоветского города. – М.: Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка», Strelka Press, 2012. – С. 12.

² Микроурбанизм. Город в деталях / Сб. статей; под отв. редакцией О. Бредниковой, О. Запорожец. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 352 с. (серия STUDIA URBANICA).

Наталья Сорокина, Ольга Гурова, Ольга Бойцова, Олег Паченков и др.) исследуют город с предметно-методологических позиций визуальной антропологии и микроурбанистики, центром внимания которых являются такие феномены городской культуры, как реклама, городская мода, городской транспорт, городские сообщества, различные типы городских пространств и способы их освоения горожанами и приезжими. Статьи представляют собой результат исследований городской культуры с позиций микроурбанизма, то есть в малом масштабе, позволяющем изучать город в деталях и мелочах повседневной жизни горожан, в вещах, средах их создания и бытования, конкретных практиках, выявлять и анализировать вещественные объекты, среды и практики как элементы городской культуры, как факторы формирования культурной жизни города. Его авторы делают уникальные выводы о специфической социальности вещественных практик, формирующейся в реальной и виртуальной городских средах; об особенностях коллективного сознания и идентичности горожан, влияющих на их вещественные практики.

По сути сборник «Микроурбанизм. Город в деталях» направлен на выработку практически значимых идей и инструментов музейфикации вещественных элементов городской культуры (частное коллекционирование, кустарное производство и хенд-мейд творчество, торговля предметами старины, социокультурная реальность блошиных рынков и барахолки, установление в городской среде вещественно-декоративных объектов и изображений), то есть выведения их из сферы частной жизни горожан в публичное пространство и придание им статуса значимых элементов городской культуры, продуктивно используемых в организации культурных проектов на уровне культурной политики городов, в сфере внешнего и внутреннего туризма.

Таким образом, современные труды по микроурбанистике представляют и исследуют «город культуры» как не просто город с театрами и музеями, но и с живыми культурными традициями, творческими субъектами культуры – интеллектуально-духовной городской элитой, интеллигенцией и креативными сообществами, с инновационной культурной политикой и практиками. Многие европейские и российские города в настоящее время используют для своего культурно-символического ребрендинга повседнев-

ность, включающую местные городские креативные вещественные объекты и практики: арт-объекты, необычные малые скульптуры, вещественно-декоративные объекты, стихийный самодельный дизайн дворов, установленные в городском пространстве предметы мебели или музыкальные инструменты, бывшие телефонные будки, использующиеся для парковых открытых библиотек и движения бук-кроссинг, «блошинные рынки», барахолки, частные коллекции горожан, авторское кустарное творчество хэнд-мейд и его продукцию. Такая культурная ситуация в ближайшем будущем, скорее всего, существенно изменит смыслы и статусы городской жизни, мотивы и задачи культурной практики путешествий, ориентации и стратегии культурной политики и мирового туризма.

2.2. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРНЫЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ МОДУСЫ ВЕЩЕЙ В ЖИЗНИ ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДА)

Волгоград – город со сложными, смешанными статусом и идентичностью, поскольку он исторически является сторожевым и торговым городом, крупным транспортно-железнодорожным узлом, речным портом на Волге, промышленным центром, городом-

героем, городом боевой славы и воинских традиций, столицей патриотического воспитания молодежи, памятником мужеству и стойкости русского народа, в то же время городом российской провинции, «городом-миллионником» в демографическом отношении, краем казачьих традиций. Эти различные полюса идентичности Волгограда не всегда равномерно сочетаются как в восприятии самих волгоградцев, так и извне. Когда Волгоград называют культурным центром Поволжья или Юга России, этот его статус не вполне оправдан, так как город культуры – это не просто город с театрами и музеями, но и с живыми культурными традициями, творческими субъектами культуры – интеллектуально-духовной городской элитой, интеллигенцией и креативными сообществами, с инновационной культурной политикой и практиками. Город культуры – это и «город для жизни», то есть комфортный, удобный, приятный для самих горожан и их повседневного существования, самых разных запросов от бытовых до интеллектуально-художественных и духовно-мистических. Вопрос в том, как стать городом культуры, какие ресурсы и социокультурные инструменты для этого использовать?

Многие европейские и российские города в настоящее время используют для своего культурно-символического ребрендинга местные городские креативные вещественные объекты и практики (освоенное пространство заброшенных построек и объектов в городской среде, арт-объекты, необычные скульптуры и памятники мемориальные доски, креативные указатели и дорожные знаки, вещественный дизайн парков и скверов, вещественно-декоративные объекты дворов, установленные в городском пространстве предметы мебели или музыкальные инструменты, бывшие телефонные будки, использующиеся для парковых открытых библиотек и движения бук-кроссинг, «блошинные рынки», барахолки, частные коллекции горожан, авторское кустарное творчество хэнд-мейд и его продукцию). Полагаем, что вещественные объекты, среды, практики Волгограда, обладающие местным колоритом, отражающие городскую идентичность, уникальность города, его *genios loci*, будучи музеефицированными, то есть переведенными из плоскости частной повседневной жизни горожан в публичную сферу бытования, из неформальной стихийной сферы в сферу формализованных и институционализированных компонентов

официальной городской культуры, распространенных, популяризованных и вошедших в привычные ритмы и образ жизни горожан, так же могут стать гармоничными элементами городской культурной среды, привлекательными как для местных жителей, так и для приезжих, сформировать уникальную культурную специфику и образ города.

Волгоград может претендовать на статус города культуры в будущем, но для этого необходимо выявить, исследовать и обосновать на теоретико-методологическом уровне философско-культурологического и культурно-антропологического научного знания такой его потенциал, как вещественные объекты, среды и практики, и выработать на основе такого исследования стратегии культурного развития города для регулирования и планирования его культурной политики.

Определенные факты современной культурной жизни Волгограда свидетельствуют о том, что городу необходимы такие вещественно-антропологические (реалогические) перемены. Об этом свидетельствует расширение такой культурной среды, как музеи. В настоящее время в городе открываются новые нестандартные музеи, ориентированные на активное и интерактивное взаимодействие посетителей с предметами (например, музей Эйнштейна, в котором вещи выполняют познавательную-коммуникативную функцию), существенно трансформируются традиционные музеи (в музее панораме Сталинградская битва, например, вещи становятся частями многочисленных инсталляций, что говорит о том, что вещи выполняют мемориальную функцию), Волгоградский музей изобразительных искусств в последние годы использует вещественно-бытовую среду конкретных эпох и поколений для усиления воздействия выставочно-экспозиционных объектов искусства на посетителя (именно в такой модели были организованы выставки, посвященные искусству 1950-х, 1960-х, 1970-х гг. 20 века), существует удачный и уникальный в своем роде пример музеефикации объектов частной коллекции – музей Е. Н. Пушкина, волгоградского коллекционера музыкальных инструментов, расположенный в частном жилом доме коллекционера в Кировском районе Волгограда и действующий как интерактивный музей, в котором экспонаты можно брать в руки, музифицировать.

В городской среде парков и дворов Волгограда также можно отметить возникновение креативно-вещественных объектов в виде светодиодных скульптур и инсталляций, интерактивных шахматных фигур (выставляемых в летний период в парке на пересечении проспекта Ленина и улицы Комсомольской), собственно вещей (шкафы с книгами или пианино в городском саду Центрального района, синяя лодка у входа в парк «Сказка» рядом с Театром юного зрителя в Ворошиловском районе гоорода), декоративных предметов (грибков, лебедей из покрышек), созданных дворовыми умельцами, ласково и иронично именуемых «бабка-дизайн» или «ЖЭК-арт». Это тоже достаточно интересные для исследования вещественная среда, творящий и воспринимающий ее субъект, распространенные в ней практики, которые становятся неотъемлемыми компонентами реальной культурной жизни города с одной стороны, и позволяют выявлять и анализировать сложные явления и процессы в современной культуре в целом. Растет значение handmade творчества в Волгограде, которое становится активной частью городской культуры: организуются многочисленные мастер-классы, выставки-продажи hand-made вещей, которые активно включаются в повседневные практики людей, становятся привычными и востребованными.

В Волгограде существует неформальная традиция вещественного (реалогического) обмена - блошинные рынки и барахолки, в пространстве которых формируется особая социально-коммуникативная культурная среда, бытуют в специфическом торговом режиме вещи разных эпох, аккумулирующая повседневно-бытовую вещественную историю культуры города, и складывается уникальное сообщество со своими правилами и регулятивными границами, социальными ролями субъекта как торговца, зрителя, покупателя. Отдельного изучения требуют те культурные практики и среды, которые бытуют, примыкают и взаимодействуют с торговой культурой волгоградских барахолок. Достаточно сложно выявить источники вещей для торговли на блошинных рынках и способы «добычи» таковых – случайно досталось от прежнего жильца купленной на вторичном рынке жилья квартиры, самостоятельно добыто в режиме «народной археологии», которую сами «копатели» сентиментально называют «копонина», причем такие феномены весьма сложны для выявления и фиксации, для интер-

претации и введения в научный оборот не только по причине отсутствия единого исследовательского метода, но и потому, что торговая среда и практики не всегда законны, «обитатели» «блошек» не любят публичности и не всегда охотно идут на контакт, а порой агрессивно отказываются быть информантами. Весьма привлекательна для изучения социально-психологических, культурных, экономических основ блошинных рынков потребительская и коммуникативная среда покупателей. Так достаточно новым типом покупателя и даже завсегдатаями волгоградской «Птички» (она же «Железка») в Краснооктябрьском районе являются представители молодежных субкультур косплееров и реконструкторов, сообществ ролевых игр, отыскивающих уникальные вещи для изготовления своих костюмов и амуниции, для сотворения аутентичного реквизита к постановкам игр или исторических и этнических реконструкций. Постоянными покупателями блошинных рынков являются новые городские умельцы – крафтеры, пытливо отбирающие себе инструменты и материал для самых разных форм ремесленного творчества –ковки, литья, резьбы по металлу, дереву и кости, ювелирного дела.

Перечисленные социокультурные изменения говорят о том, что в культуре города Волгограда происходит трансформация понимания вещей в сознании человека, который может быть как их творцом, так и их потребителем. Поэтому в настоящий момент важно комплексно исследовать идентичность Волгограда и волгоградца – жителя современного Волгограда, субъекта городской культуры, его ценностей и потребностей в аспекте вещественной антропологии культуры Волгограда.

Несмотря на большое число исследований в сфере *urban studies*, существующих на настоящий момент в мировом и отечественном социально-гуманитарном знании, достаточно новым в является принципиальный теоретико-методологический подход, основанный на вещественно-антропологическом анализе городской культуры, предполагающем изучение города, на концептуальных и методологических принципах вещественной антропологии (реалогии) как адекватного способа изучения региональной культуры, нового, недостаточно апробированного комплекса идей и методов городских исследований применительно к культуре Волгограда. Исследование города Волгоград с позиций мик-

роурбанизма, то есть в малом масштабе, позволяющем изучать городскую культуру в деталях и мелочах повседневной жизни горожан, в вещах, средах их создания и бытования, конкретных практиках – существенная перспективная задача волгоградских культурологов. Важно выработать практически значимые идеи и инструментарию музеификации вещественных элементов городской культуры Волгограда, то есть выведения их из сферы частной жизни горожан в публичное пространство и придание им статуса значимых элементов городской культуры, продуктивно используемых в организации культурных проектов на уровне региональной культурной политики, в сфере внешнего и внутреннего туризма.

Изучение культуры Волгограда в аспекте вещественных объектов, сред и практик проводится впервые и представляет собой междисциплинарное исследование вещей, составляющих основу городской культуры в восприятии ее субъекта (творца и потребителя) с применением эмпирического, социологического и антропологического анализа. Вещи в городской культуре организуют с одной стороны, сферу бытия личности и ее ценностей, с другой стороны, они создают среду, в которой личность и ее ценности проявляются, с третьей – воплощаются в конкретных формах активности и вещественных практиках (частное коллекционирование, кустарное производство и хенд-мейд творчество, торговля предметами старины, социокультурная реальность блошиных рынков и барахолки, установление в городской среде вещественно-декоративных объектов), поэтому исследование фокусируется на трех областях исследования: объекты, среды, практики с целью формирования новых культурных стратегий развития города, повышения его туристской привлекательности и экономической эффективности за счет исследуемого ресурса.

Рассмотрим подробно несколько значимых объектов, практик, сред, формирующих культуру современного Волгограда и выступающих в качестве его вещественно-антропологического ресурса, развитие которого может помочь городу стать «городом культуры».

Городская скульптура и культурный код Волгограда в контексте брендинга территории

Большинство скульптурных достопримечательностей Волгограда тесно связаны с военной историей города и посвящены увековечиванию памяти о Сталинградской битве. Центральное место здесь занимает памятник-ансамбль «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане, он имеет мировую известность, это самый посещаемый памятник в стране. Двести дней и ночей длилась Сталинградская битва, из них около 140 суток не смолкали бои за главную высоту России – Мамаев курган. Многочисленные туристы и посетители, ежегодно бывающие на мемориале, не остаются равнодушными к священной памяти героических защитников Сталинграда. Основатель и создатель комплекса – Е. В. Вучетич (1908–1974). Под его руководством на Мамаевом кургане в 1959–1967 гг. был воздвигнут памятник-ансамбль «Героям Сталинградской битвы». Основные композиции Мамаева кургана: Вводная композиция-горельеф «Память поколений»; Аллея пирамидальных тополей; Площадь «Стоявших насмерть»; Стены-руины; Площадь Героев; Монументальный рельеф; Зал Воинской славы; Площадь Скорби; Главный монумент «Родина-мать зовет!»; Воинское мемориальное кладбище; Мемориальный дендропарк у подножия Мамаева кургана. Памятник-ансамбль героям Сталинградской битвы является уникальным скульптурно-архитектурным ансамблем и сложным инженерным сооружением. Это – высшая форма монументального искусства – объемно-пространственная, архитектурно-скульптурная композиция, объединенная общим замыслом, общей идеей. Стены-руины Сталинграда – символическое изображение испепеленного войной города, в барельефном изображении которых с фигурными композициями, документальными надписями, музыкально-литературным звуковым оформлением, передан общий дух Сталинградской битвы, выражено душевное состояние ее участников.

Величественная скульптура «Родина-мать зовет!» – главный монумент мемориального комплекса, венчающий Памятник-ансамбль, убедительно и прекрасно смотрится с любой точки (рис. 74). Ее высота – 52 м, а вес – 8 тыс. т, длина меча – 33 м. Таким образом, общая высота монумента – 85 м. Эта фигура видна не только со всех мест ансамбля, но и из многих точек города, в том числе и с Волги. От подножия кургана до его вершины посетитель проходит ровно 200 гранитных ступеней – по количеству дней Сталинградской битвы. Статуя Родины-матери является символом города-героя Волгограда, в определенном смысле его культурным брендом. Это самая высокая скульптура в мире. Авторы ставили своей задачей вызвать в творческом изображении и осуществить на практике новый тип памятника-ансамбля, в котором художественное содержание определялось бы темой народа, массового подвига и который был бы проникнут большим гуманизмом.

Пожарный пароход «Гаситель» – памятник героям-речникам, оборонявшим переправу советских войск с левого берега Волги в ходе Сталинградской битвы 1942–1943 гг. «Гаситель» был построен на Сормовском судостроительном заводе в 1903 г., до 1926 г. носил имя «Царев», в качестве пожарного парохода прослужил на Волге до 1966 г. Сейчас пароход-ветеран несет свою службу в качестве памятника. Памятник открыт 6 ноября 1977 г. Автор проекта – народный архитектор СССР В. Е. Масляев.

Подвигу речников Волжской флотилии посвящен и плавучий буй, размещенный в фарватере Волги напротив Мамаева кургана. Этот необычный памятник был открыт в 1980 г. Представляет собой якорь высотой 15 м, установленный на плавучей платформе. На нем написано: «Волжским речникам, кораблям, погибшим в Сталинградской битве в 1942–1943 годах». Автор проекта – архитектор Б. В. Букин.

В Центральном районе Волгограда расположен любимый горожанами и приезжими Памятник героям комсомольцам. Он интересен тем, что фигуры комсомольцев расположены на низком постаменте, что создает эффект живого присутствия изображенных молодых людей в пространстве сквера на одном уровне с прохожими. Погибший товарищ и скорбящие, но не сломленные бойцы комсомольцы – вот основная идея памятника, расположенного на пересечении ул. Комсомольской и просп. В. И. Ленина. Скульптура была возведена в 1973 г. по проекту скульпторов А. Е. Криволапова и В. П. Калиниченко.

Еще один яркий скульптурный объект - Памятник морякам-североморцам. Этот памятник защитникам Сталинграда в боях за городской элеватор в Ворошиловском районе открыт 30 июня 1977 г. Авторы проекта – скульптор Г. Л. Малков, архитектор Г. М. Коваленко. У здания элеватора на ул. Рабоче-Крестьянской установлен скульптурный памятник и стела. Памятник выполнен из монолитного железобетона; высота фигуры 7 м, постамента – 1 м.

Самый любимый волгоградцами памятник, посвященный подвигу советского народа в Великой Отечественной войне – это памятник Михаилу Паникахе в Краснооктябрьском районе Волгограда, расположенный в пространстве сквера на проспекте Металлургов. Михаил Аверьянович Паникаха служил матросом на Тихоокеанском флоте. По его собственной просьбе был направлен в Сталинград и зачислен в 883-й стрелковый полк 193-й стрелковой дивизии красноармейцем-бронбойщиком, хотя форму матроса не снимал. 2 октября 1942 года в бою при защите завода «Красный Октябрь» красноармеец Михаил Паникаха совершил героический подвиг: на окоп, в котором он находился, двигались вражеские танки. Взяв две бутылки с горючей жидкостью, Михаил пополз в

сторону головного немецкого танка, пуля попала в одну из бутылок, жидкость моментально разлилась по телу бойца и воспламенилась. Вспыхнув факелом, Михаил бросился на решетку моторного люка и разбил об нее вторую бутылку, и немецкий танк остановился. За этот подвиг Михаил Паникаха был посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени, а к 45-летию Победы в Великой Отечественной войне был удостоен звания Героя Советского Союза. Именем Михаила Паникахи названа одна из улиц нашего города. На месте подвига героя долгое время стоял мемориальный знак с памятной плитой, а 8 мая 1975 года на этом месте был воздвигнут памятник (авторы – скульптор Р.П. Харитонов и архитектор Ю.И. Белоусов). Скульптура высотой 6,3 м выполнена из ковanej меди и установлена на железобетонный постамент (8x13 м, высота 0,8 м). Мемориальный текст на памятнике кратко освещает сам подвиг: «Здесь 2 октября 1942 года матрос-пехотинец 193-й стрелковой дивизии Михаил Паникаха, объятый пламенем от разбитой пулей бутылки с горючей жидкостью, бросился на фашистский танк и второй бутылкой поджег его. Награжден посмертно орденом Отечественной войны первой степени».

Один из чудом сохранившихся довоенных памятников Волгограда – монумент в честь Героя Советского Союза летчика В. С. Хользунова, родившегося в 1905 г. в Царицыне. Он был командиром авиабригады, сражавшейся в небе Испании. Погиб при исполнении служебных обязанностей 27 июля 1939 г. Памятник открыт на Центральной набережной в ноябре 1940 г. Авторы: скульпторы М. Г. Белашов и Е. Ф. Алексеева-Белашова, архитектор В. Е. Шалашов. Скульптура высотой 3,85 м отлита из бронзы и установлена на гранитный постамент, высота которого составляет 4,5 м.

Один из сохранившихся дореволюционных скульптурных объектов Волгограда - памятник Николаю Васильевичу Гоголю, установленный в 1910 г. в Царицыне. Открытие монумента было приурочено к празднованию 100-летия со дня рождения писателя. Авторы: скульптор И. Ф. Табвия, архитектор И. К. Белдовский. Бюст – бронза, высота – 1,32 м, постамент – гранит, высота – 2,6 м.

Изучение реалогического статуса материальных объектов городского публичного пространства – памятников и скульптуры, является значимым для исследования антропологии вещи в культуре Волгограда в средах, объектах, практиках. Вопрос о том, каким образом современная городская скульптура выражает локальную идентичность Волгограда, в чем она заключается и обладает ли уникальностью, а также проблема конструирования положительного имиджа провинциального города посредством культурно-символической политики остаются недостаточно изученными в социогуманитарном знании, что делает данное исследование актуальным и определяет его новизну.

Изучение памятников и скульптуры города Волгограда в культурно-символическом аспекте как инструмента трансляции и конструирования социокультурной идентичности, а также выявление потенциала местной глиптотеки для брендинга территории – важная цель для современного культуролога и урбаниста. Для достижения такой цели необходимо решить ряд задач, среди которых – осуществить анализ и типологизацию имеющихся в городе памятников и скульптур, выявить основные тенденции в развитии городской предметной среды за последние 10 лет, исследовать с точки зрения культурной антропологии версии локальной идентичности, выраженные в визуальной пластической форме.

Как известно в основе технологии брендинга лежит наделение продукта особой идентичностью. Применительно к городу это означает, что последний должен получить уникальную идентичность, которая позволит ему заявить о себе, сформировать представление у жителей и гостей города как обладающего некими эксклюзивными качествами, а новые режимы взаимодействия с городом будут отвечать интересам властей и всего населения. «В

более же общем виде у города тогда есть шанс стать брендом, когда, во-первых, хорошо понятны и известны его «продаваемые» отличия и, во-вторых, разработана совокупность маркетинговых мер, которые эти отличия используют»¹. Таким образом, сегодня каждый город пытается определить те функции, которые он будет выполнять наиболее эффективно и занять соответствующее место в глобализованном мире. Одни города заявляют о своем статусе как о лидере IT-индустрии (Кремниевая долина Сан-Франциско, Бангалор, Инчхон), другие позиционируют себя как центр современного искусства (Бильбао) или столица финансов (Лондон, Нью-Йорк). Голливуд у большинства людей ассоциируется с производством кино, Милан с модой, Рим с мировой культурой и историей.

Город Волгоград безвозвратно утратил статус крупного индустриально-промышленного центра юга России, сконцентрировав все усилия на эксплуатации образа города-героя, столицы патристического воспитания молодежи, доставшегося в наследство от советского прошлого. В общероссийской «повестке дня» Волгоград присутствует недостаточно регулярно и зачастую только в контексте празднования какой-либо памятной даты, связанной с событиями Сталинградской битвы или дискуссии о целесообразности переименования города. Все вышесказанное, на наш взгляд, еще в большей степени актуализирует вопрос эффективности использования военно-патристического и мемориального ресурсов в продвижении образа Волгограда и развития города, а также делает необходимым поиск альтернативных точек роста и стратегий конструирования имиджа города, остро нуждающегося в самоопределении и самоидентификации. Следует особо подчеркнуть, что выработка современной идентичности Волгограда не означает полного отказа или радикального пересмотра культурных символов, презентующих его героическое советское прошлое, а, напротив, позволит критически оценить попытки управленческой элиты артикулировать специализацию города только как сакрального центра, изменившего ход мировой истории. Грамотное и умелое использование данного культурно-символического ресурса, беспспор-

¹ Трубина Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – С. 310.

но, может иметь следствием вполне конкретные положительные результаты для Волгограда и его жителей.

В качестве иного источника реноваций Волгограда гипотетически может выступить его уникальное географическое положение, позволяющее создать транспортный коридор с севера на юг и с запада на восток, однако как показывает мировой практический опыт важными факторами успешной модернизации территории в XXI веке являются не крупные индустриальные проекты, а культура и ее главные составляющие: информация, знания, творчество. Согласно исследованиям Ричарда Флориды – автора концепции креативного класса, ключевым фактором успешного экономического развития городов и регионов является творческая элита, высокий уровень развития культуры, толерантности и идентичности¹.

Чтобы определить потенциал Волгограда и обоснованность его претензий на статус культурной столицы российской провинции необходимо выявить и исследовать материальные знаки культуры, ее физические носители, в которых она воплощена. Важнейшим элементом города и его символического языка являются памятники и скульптура, роль которых в формировании локального имиджа, к сожалению, не всегда учитывается, притом, что «в отдельных случаях монумент может стать не только визуальной эмблемой места, но почти неисчислимым в своей смысловой глубине высказыванием о природе и миссии страны или города»². Статуя Свободы в Нью-Йорке, Христа Искупителя в Рио-де-Жанейро, «Медный всадник» в Санкт-Петербурге и самый эмблематический пример – Родина-мать в Волгограде³. Каждый из перечисленных монументов воспринимается как манифест о городе, его исторической судьбе и миссии.

Каков может быть ответ на ключевой вопрос: способна ли уличная городская скульптура стать тем медиа, который поможет Волгограду рассказать о себе другую историю – историю «города

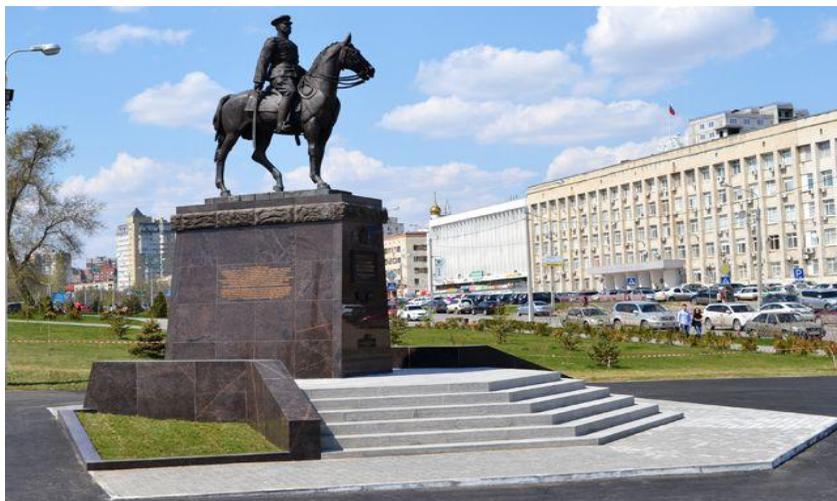
¹ Флорида, Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида. – Классика-XXI, 2005. – 430 с.

² Абашев, В. В. Пермская монументальная риторика местной идентичности: памятники, эмблемы и арт-объекты в пространстве города / В. В. Абашев // Лабиринт. – 2015. – № 1. – С. 67.

³ Этот образ-идентификатор Волгограда участвовал в недавнем конкурсе на выбор символов для новых российских банкнот номиналом 200 и 2000 рублей.

культурных инноваций»? Контент-анализ скульптурного текста позволяет выявить доминирующие темы и сюжеты, понять каким образом за последние 10 лет в Волгограде осуществлялась культурно-символическая политика и какую роль в ней играла скульптура.

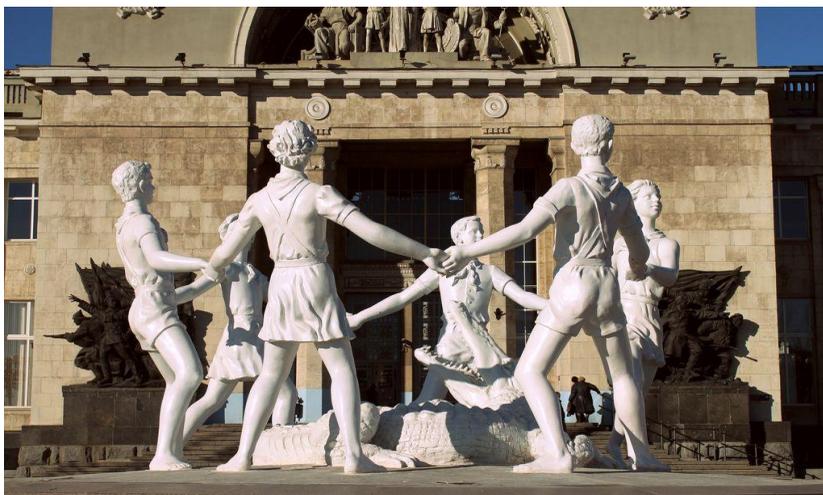
Полевые исследования и анализ публикаций в печатных изданиях и электронных СМИ показали, что в период с 2006 по 2016 год в Волгограде было установлено около 50 различных скульптурных форм и арт-объектов – скульптур, памятных знаков, монументов, малых архитектурных форм, причем пик активности пришелся на 2015 год. Точное количество появившихся на улицах и в скверах города памятников определить достаточно сложно ввиду отсутствия единого реестра учета объектов, не обладающих статусом памятника истории и культуры или признаками объекта культурного наследия. Грамматика волгоградских памятников четко вырисовывает характер отношений центра и периферии, свойственный большинству российских городов – иерархичность и культурное зонирование. Около половины от общего числа объектов появилось в Центральном районе города.

Памятник маршалу К. К. Рокоссовскому
(скульпторы *Владимир и Данил Суровцевы*, 2015)

Наиболее многочисленную группу каталога памятников образуют объекты, принадлежащие советской матрице утверждения города Волгограда как героя Великой Отечественной войны с присущим ему пафосом подвига и жертвы – в общей сложности 14 произведений. Среди них скульптура Зои Космодемьянской на территории средней школы № 130 (ул. Рабоче-Крестьянская, д. 38, скульптор В. Фетисов); памятник «Воинский эшелон» рядом с музеем-панорамой «Сталинградская битва» (ул. Советская, д. 43); скульптурное изображение собаки-подрывника (ул. Калинина, д. 6, скульптор Н. Карпов), монументальная конная статуя маршала Рокоссовского, часовня павшим и пропавшим без вести в годы Великой Отечественной войны (ул. Калинина, д. 6), отреставрированный бюст В. И. Ленина (ул. Кузнецова), памятник маршалу Жукову (пересечение просп. им. Героев Сталинграда и бульвара Энгельса) и другие работы.

Большой резонанс вызвала история с фонтаном «Детский хоровод» («Бармалей»), являющегося репликой сталинградского прототипа, широко известного всему миру благодаря фотографии Э. Н. Евзерихина «23 августа 1942 года. После массированного налёта гитлеровской авиации», на которой изображены фигуры взявшихся за руки детей, водящих хоровод вокруг крокодила на фоне горящего Сталинградского вокзала. Фонтан стал одним из самых узнаваемых символов Сталинграда и ужасов войны. Многофигурная скульптурная композиция, созданная и установленная в 2013 году при поддержке мотоклуба «Ночные волки» была торжественно открыта с участием Президента РФ В. В. Путина 23 августа на Привокзальной площади в годовщину массовой бомбардировки Сталинграда немецкой авиацией. К сожалению, ренессанс этого яркого образа, расположенного у главных транспортных ворот Волгограда был основательно испорчен плохим качеством работ и отсутствием ответственного за его обслуживание и уход субъекта, в результате чего через месяц фонтан покрылся ржавчиной, а скульптуры демонтированы на реставрацию. Тот факт, что подарок городу долгое время был бесхозным, то есть ни за кем не числился и находился в плачевном состоянии, свидетельствует о непонимании властью роли символических ресурсов в брендинге территории.

«Детский хоровод» (скульптор *А. Бурганов*, 2013)

Другую группу памятников составляют скульптурные изображения представителей отдельных профессий и символы, контекстуально связанные с определенными институциями, например, указывающие на род деятельности организации или отражающие ее историю и традиции. Такой тип памятников отличается демократичностью и разнообразием стилистических художественно-выразительных средств. Он может иметь абстрактные формы как бронзовая композиция «Защитившим от атома» (скульптор С. Щербаков) на ул. им. 13-ой Гвардейской дивизии, д. 12 а, посвященная ликвидаторам последствий аварии на Чернобыльской АЭС или представлять собой реалистичный обобщенный образ первого учителя. В основе изображения также могут лежать узнаваемые художественные образы, например, памятник Глебу Жеглову и Володе Шарпову на территории Главного Управления МВД России по региону или скульптура автомобилиста в виде персонажа романа И. Ильфа, Е. Петрова «Золотой теленок» Адама Козлевича. За обозначенный период в Волгограде также появились памятник железнодорожникам, памятник слесарю-сантехнику, скульптура аиста с младенцем во дворе перинатального центра, два «университетских» памятника, скульптура пивовара, памятник волгоградскому водопроводу, монумент первостроителям тракторного завода.

Памятник первому учителю
(скульптор *А. Патохан*,
2010)

«Глеб Жеглов и Володя Ша-
рапов» (нет данных об авто-
рах, 2015)

Большинство объектов данной группы (всего 10 произведений) можно отнести к жанровой городской скульптуре, которая в отличие от монументальных, суровых, патетичных памятников о героическом прошлом Волгограда не выражает большие идеи, а украшает и эмоционально насыщает городскую среду, делает ее более уютной и человеческой. Высота данных скульптурных произведений составляет от 1 до 2,5 метров, что предполагает тактильное взаимодействие реципиента с памятником. Корпоративный тип памятников подтверждает мысль о том, что в условиях «идеологической неопределенности», характерной для последних десятилетий, произведение, будучи избавленным от необходимости транслировать государственные идеалы и ценности, начинает «выражать микро-идеологии города, организации или даже частного лица, инициировавших его создание»¹.

¹ Войницкий, П. В. Демонументализация: особенности постсоветской городской скульптуры // Материалы докладов XIV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». – М.: Издательский центр Факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2007. [Электронный ресурс] – URL: http://www.lomonosov-msu.ru/2007/session_arts.pdf (дата обращения: 09.09.2016).

«Памятник Автомобилисту» (скульптор *С. Щербаков*, 2012)

С 2007 года в монументальной сфере Волгограда начинает отчетливо проявляться поворот к другой идентичности города, опирающейся на досоветский период его истории. Визуально это выражается в использовании образов Царицына и представлении о нем как о крупнейшем уездном городе начала XX века с огромным промышленным потенциалом – «русском Чикаго», с особой историей и традициями. Характерна также апелляция к его героям, казачьей культуре и православным ценностям. Такого рода смыслы акцентируют памятники третьей группы волгоградской глиптотеки 2006–2016 годов, утверждающие Волгоград в качестве преемника Царицына и подчеркивающие его культурно-историческое своеобразие. Начало этому процессу положила установка в 2005 году бронзовой скульптуры «Ангел-Хранитель города Волгограда» (скульптор С. Щербаков), а также информационная кампания по продвижению фигуры Александра Невского в качестве духовного покровителя Волгограда, кульминацией чего стала установка 24 февраля 2007 года на центральной площади города 7-метрового монумента святого князя.

«Памятник Александру Невскому» (скульптор *С. Щербаков*, 2007)

Неприятие жителями Волгограда памятника Александру Невскому было вызвано не только неудачным выбором места для его установки – посреди проезжей части, – в результате чего лишенная полноценного контакта с человеком скульптура получила в народе прозвище «Регулировщик», но и правомерностью использования данного персонажа в качестве идентификатора Волгограда. Также городские власти абсолютно не учли мнения и настроения горожан по этому вопросу.

Относительно бесконфликтно был воспринят конный памятник первому воеводе Царицына Григорию Засекину (скульптор В. Серяков) открытый 4 ноября 2009 года в День народного единства. За годы своего существования он, к сожалению, так и не обзавелся устойчивыми ритуалами и легендами, оставшись ориентиром для места встреч. Симптоматично, что ровно через год был открыт памятник российскому казачеству (скульпторы С. Щербаков и В. Серяков), в котором отображен момент проводов казака на войну. На наш взгляд, это можно трактовать как местную форму реализации общероссийской политики коммеморации, использующей темы патриотизма, православия, сохранения семейных ценностей, единства народов России, возрождения культурных традиций. Так, Волгоград стал 12 российским городом, в котором был воздвигнут памятник святым Петру и Февронии («Благословение», скульптор К. Чернявский). Этой же политике памяти соответствует

мемориал «Жителям Царицына – участникам Первой мировой войны 1914–1918», торжественно открытый 1 августа 2014 года во дворе Мемориально-исторического музея, он стал частью масштабной кампании по восстановлению памяти о Первой мировой войне, проходившей в России в сотую годовщину со дня ее начала. В итоге в городе складывается обязательный набор символов, наличие которых объясняется не их способностью выражать неповторимость места, а обусловлено государственной политикой памяти и процессом индоктринации, задающим ключевые смыслы и идеи¹.

Примером манифестации идентичности Волгограда досоветского периода его истории является памятник первому трамваю в Городском саду, скульптура первого кондуктора трамвая, бронзовая фигура героя трех войн казака К. И. Недорубова.

«Жителям Царицына – участникам Первой мировой войны 1914–1918»
(скульптор С. Щербаков, 2014)

«Памятник Первому кондуктору уездных городов России»
(нет данных об авторах, 2015)

¹ Масштабное празднование 55-летия полета Юрия Гагарина в космос не обошлось без установки в Волгограде памятного знака в честь этого события (архитектор А. Антюфеев, скульптор Д. Шилихин, улица Мира, д. 17).

Памятный знак в честь 55-летия полета Ю. А. Гагарина в космос
(архитектор *А. Антюфеев*, скульптор *Д. Шилихин*, улица Мира, д. 17)

Таким образом, в современной глиптотеке Волгограда преобладают три магистральные тенденции: утверждение идентичности города-героя, трансляция профессионально-корпоративных символов, репрезентация образов досоветского прошлого, прежде всего, обращение к истории Царицына. О специфике и уровне культурного развития Волгограда можно составить определенное представление на основании того факта, что за последние 10 лет в городском пространстве появилось всего 4 памятника непосредственно посвященных деятелям культуры и искусства – бюст А. С. Грибоедова, бюст В. С. Высоцкого, скульптура А. С. Пушкина (скульптор П. Черкис) и барельеф музыканта-пианиста П. А. Серебрякова, причем только Павел Алексеевич Серебряков, чьим именем названа Волгоградская консерватория манифестирует локальную идентичность.

«Памятник П. А. Серебрякову» (скульптор *В. Фетисов*, 2012)

Анализируя потенциал городской скульптуры брендировать Волгоград в качестве творческого города культурных инноваций, мы сознательно оставили вне поля нашего внимания многочисленную и наиболее популярную у горожан группу памятников, образующих вместе с фонтанами, вазами, фонарями, скамьями городской партер. Это жанровая городская скульптура, топиарные фигуры, малые архитектурные формы, самодельные объекты и композиции, которые во многом определяют комфортность среды, ее эстетические характеристики и оказывают влияние на впечатление от восприятия города, однако не несут глубокой смысловой нагрузки. Скульптура бегемота, совы, зайца, памятник рублю и велосипеду, «Подкова на счастье», «Железный байкер», солнечные часы, шахматная доска с фигурами, знак «Я люблю Волгоград» появились в городском пространстве в порядке частной инициативы и отражают аксиологические установки, предпочтения и интересы своих владельцев, выступая в роли элемента дизайна среды и инструмента маркетинга. Поэтому часто бывает сложно объяснить, каким образом корреспондируется такой объект с окружающим пространством.

В одних случаях смыслы таких объектов понятны. Например, памятник зайцу в Комсомольском саду Центрального района

Волгограда вписывается в пространственно-символическую среду города, находясь напротив старого (Царицинской постройки) здания школы № 83, рядом с Новым экспериментальным театром (Бывшим драматическим театром) и бывшим кинотеатром «Победа» (архитектура неоклассического стиля, или так называемый «сталинский ампир») и является частью целостного социокультурного проекта – сквера советской детской поэтессы Агнии Барто (официальное название «Сквер нашего детства»), открытого в саду по инициативе учащихся Лицея № 5 и приуроченного к 110-летию Агнии Барто и началу Всероссийского форума «Российская словесность – культурный код нации и основа воспитания уважения и любви к родному Отечеству», который проходил осенью 2016 года в Волгоградской области.

В ходе открытия сквера установлена лавочка с изображением героев стихов Барто и скульптура зайца, сидящего на книгах, которая символизирует героя произведения, в котором его «бросила хозяйка». Такой на первый взгляд ничего на значащий объект важен целым поколениям волгоградцев, воспитанных на детской литературе советских поэтов и писателей, среди которых Агния

Барто – не просто корифей, а своего рода бренд, поэтому и сквер и памятник значимы как память о своем советском детстве, об ушедшей эпохе. Такой факт – косвенное свидетельство ностальгической ментальности волгоградцев, некой неартикулированной на уровне исследований неустранимой тяги горожан к прошлому и склонности его идеализировать и романтизировать. И здесь дело не только в тоске по советским временам как по идеологии или образу жизни, а в глубинном пассаеизме коллективного сознания жителей Волгограда, *genios loci* которого – это ангел, который повернут лицом в прошлое.

Памятник зайке и лавочка в «Сквере нашего детства»
(архитектор *А. В. Антюфеев*, скульптор *В. А. Серяков*, 2016 г.)

Другой пример связан с новыми для волгоградцев идеями. В 2015 году на фасаде дома 20 по ул. Советская незаметно появилась табличка памяти профессора НИИ Бытовой хронологии А.Е. Зелилова, на которой написано «Здесь с 2028 по 2034 год доктор наук профессор НИИ Бытовой хронологии А. Е. Зелилов проводил эксперименты по перемещению во времени». В отличие от многочисленных памятных досок, посвященных конкретным личностям и реальным историческим событиям, данная мистификация не просто информирует реципиента, пассивно воспринимающего готовые значения, а заигрывает с ним и разыгрывает его, вступает в диалог, провоцирует на самостоятельное смыслотворчество и интерпретацию текста.

Табличка памяти профессора НИИ Бытовой хронологии А. Е. Зелитова
(автор *А. Серяков*, 2015)

Внедрение в городскую среду вымышленного персонажа с парадоксальной историей не только разрушает привычные режимы взаимодействия с памятником, порождая вопросы и вызывая у прохожих эмоциональный отклик в виде улыбки, чувства недоумения, удивления, осуждения, но и является эффективным способом конструирования городских легенд и мифов.

На эмпирическом материале Волгограда мы видим чрезвычайно полифункциональность современной городской скульптуры и памятников. Помимо монументальной, мемориальной, аксиологической, декоративной функций, памятник формирует социальное пространство города, «обеспечивает непрерывность в трансляции эмоционально-значимой информации ранее предшествующей знаковой системы, кодируя данную информацию в пространственных артефактах»¹, служит индивидуальной и групповой идентификации. Все больше памятников выполняют рекламные, развлекательно-игровые, культурно-просветительские задачи.

¹ Назарова, М. П. Архитектурные памятники и их роль в формировании социального пространства города / М. П. Назарова // Память и памятники: материалы семинара. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. – С. 103.

«Изменения, происходящие в обществе: смена поколений, масштабные события, новые мифы и ценностные установки, – материально деформируют окружающее пространство. Новые памятники вытесняют старые символы города, смысловый потенциал которых практически исчерпан, ареал обитания последних сужается и они мимикрируют под окружающий природный или городской ландшафт (становятся простыми пространственными указателями, названиями станций общественного транспорта, привычным местом встреч и т. д.), оживая лишь в дни праздников»¹.

Как показывает мировой опыт, культурно-символический капитал даже если он не имеет глубокой исторической основы, может служить действенным ресурсом модернизации территории, но при условии наличия последовательной и продуманной политики региональной элиты. Идентичность города и его имидж фиксируются в сфере повседневности, в ежедневных привычных практиках горожан, объектах и средах, при этом визуальная составляющая имеет первостепенное значение в процессе брендинга территории. Данную мысль иллюстрирует опыт Перми, где с 2008 по 2012 год проходила «культурная революция», затронувшая, в том числе монументальную сферу, символом которой стали фигуры красных человечков (авторы Заборовская М., Люблинский А., 2010) и скульптурная композиция из бревен в виде буквы П – «Пермские ворота» (автор Полисский Н., 2011). Осмыслению пермского кейса посвящены многочисленные научные статьи и публикации².

Следует констатировать, что на протяжении последних 10 лет монументальной активности в Волгограде отсутствовал проект культурно-символической политики, направленной на брендинг территории и формирования новой идентичности города с помощью скульптуры и памятников. Это свидетельствует о том, что проблема поиска Волгоградом своего лица, включения города в мировой или хотя бы российский культурный контекст серьезно не стоит. Вопросы о миссии города, его локальном своеобразии,

¹ Саенко Н. Р., Шипицин А. И. Культурно-символическая политика в отношении городской скульптуры // Вопросы культурологии. – 2010. – № 12. – С. 80.

² Игнатьева О. В., Лысенко О. В. Анализ одного проекта: «Пермская культурная революция» глазами социолога // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2013. – № 5. – С. 69–80.

нематериальных активах – культурно-антропологических – способных стать драйвером развития Волгограда – редко являются предметом рефлексии экспертного сообщества ученых, художников, архитекторов, скульпторов и мало интересуют властные инстанции.

Анализ развития городской среды показал, что «мучительные поиски национальной идеи в современной России, атмосфера культурной энтропии демонстрируют неумение создавать актуальные символические модели и регулировать их материализацию хотя бы на локальном уровне»¹. Вместо целенаправленной и последовательной стратегии продвижения Волгограда в современном мире, мы имеем дело с кратковременными и конъюнктурными тактиками маркетинга имиджа города, вектор которых задается политической элитой, навязывающей горожанам свое представление об идентичности Волгограда. Безусловно, модернизационные процессы, происходящие в мире и в нашей стране, незначительно изменили культурно-символический регистр Волгограда, что нашло отражение в появлении новых символов города, повествующих о его предназначении на языке скульптуры. Однако важно учитывать, что символический потенциал скульптуры постоянно находится под угрозой профанирования, разрушения и десакрализации. Жизнеспособность памятника зависит не только от воли властей, но в большей степени от интеллектуальных, мифотворческих и практических усилий горожан, направленных на его поддержание.

Сегодня в волгоградском ландшафте сосуществует несколько типов памятников и скульптур, утверждающих различные образы города и определяющие его имидж. Однако в самосознании Волгограда по-прежнему преобладает универсальная советская матрица идентичности, содержание которой составляют сюжеты и темы города-завода, города-героя, главной высоты России с визуально-символической доминантой – скульптурой «Родина-мать зовет!». С учетом того, что брендинг Волгограда ограничивается хаотическими и спорадическими попытками транслировать

¹ Шипицин А. И. Рецензия на книгу Мисюрова Д. А. «Символы о символах: Начала культурно-символической политики» // Известия ВГПУ. – 2010. – № 8(52). – С. 123.

иную историю и миссию города, немногочисленные вернакулярные символы слабо служат презентации его региональной самобытности, а культурные новации не рассматриваются в качестве ресурса развития, претендовать на статус современного креативного города, культурной столицы российской провинции Волгограду будет крайне сложно. Городская скульптура и памятники лишь отражают эту тенденцию.

Человек и вещи: коллекционирование как метафора культуры

Одной из значимых культурных практик, обнаруживающейся в городской жизни является частное коллекционирование. «Собирание чего-либо вокруг личности или группы в форме конструирования материального мира <...> по всей видимости отражает намерения, в целом присущие человечеству, <...> коллекции воплощают системы определённых ценностей, исключений, подзаконных личности сфер»¹ – справедливо полагает Джеймс Клиффорд. В самом деле, культура может быть метафорически определена как сложная система специфически человеческих коллекций – вещей, отношений, слов, идей и смыслов, утверждающих собственно антропологический статус сотворённого человеком мира как внеположного миру природному. Так У. Эко в одной из своих последних книг – «Vertigo: круговорот образов, понятий, предметов» – рассматривает в качестве стержневого свойства культуры её стремление к упорядочению, утверждает и иллюстрирует её структурирующую и каталогизирующую сущность. Именно из стремления «привести всё в порядок», не потеряться в круговороте образов, понятий, предметов возникают списки, перечни, каталоги, описания коллекций, которые лежат в основании всей истории культуры.

В современной российской культурологии, философии и социологии культуры феномен частного коллекционирования как

¹ Клиффорд Дж. О коллекционировании искусства и культуры // Контексты современности: актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории / Хрестоматия: Пер. с англ. и нем. – 2-е изд., перераб. и доп. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2000. – С. 60.

особой формы самореализации человеческой индивидуальности и способа самоутверждения человеческой личности в ситуации свободы наиболее полно и многосторонне исследует А. Н. Малинкин. Структура его монографии «Коллекционер. Опыт исследования по социологии культуры» по сути – морфологию культурного мира коллекционирования и в этом смысле некую адаптированную модель социокультурной реальности как таковой. А. Н. Малинкин начинает свое исследование феномена коллекционирования или, точнее, субъекта этого культурного процесса, с выяснения понятийных границ. Так для автора важно различать коллекционирование и собирательство, коллекцию и собрание, и, соответственно, коллекционера и собирателя. Коллекционирование в самом широком смысле представляет собой деятельность, в основе которой лежит собирание коллекции, то есть собирание произведений искусства (книг, картин, музыкальных произведений, кинофильмов), историко-культурных и технических ценностей и предметов (монет, значков, почтовых марок, моделей автомобилей) или объектов природы (насекомых, минералов, раковин моллюсков, цветов). Коллекционирование предполагает выявление, сбор, изучение, систематизацию материалов, и этим оно принципиально отличается от простого собирательства.

В главе «Коллекционер и свобода» автор утверждает в качестве основополагающего качества *homo colligens* свободу. «Коллекционирование – это свободная человеческая деятельность, а именно спонтанное человеческое увлечение, переходящее в постоянное привычное занятие (хобби)»¹. А. Н. Малинкин убежден, что коллекционирование теснейшим образом связано с увлечением, или, точнее, увлеченностью, некой формой страсти к накопительству определенных вещей. Но такое накопительство отличается от вещизма и скопидомства, предполагающих накопление вещей ради их материальной ценности. «Люди, накапливающие блага, усматривают в вещи прежде всего материальную ценность, а иногда только её и видят, игнорируя качественное своеобразие вещей. Коллекционирование же ориентировано в первую очередь на

¹ Малинкин А. Н. Коллекционер. Опыт исследования по социологии культуры. Гос. ун-т – Высшая школа экономики, 2011. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 192 с. – (Исследования культуры). – С. 15.

усмотрение в вещи какой-то нематериальной ценности (научной, художественной, исторической и т.д.), связанной не с количеством, а именно с качеством вещи, её неповторимым своеобразием; количество предметов, собранных в коллекции, для коллекционера всегда второстепенно, хотя и немаловажно»¹. Так и У. Эко, вслед за Кшиштофом Помианом, говорит о том, что в определённый момент в истории культуры происходит переакцентирование внимания человека с материальной сущности вещей на культурно-символическую: «очень скоро коллекция переключается на вещи, названные им семиофорами, или носителями знака, то есть на такие предметы, которые часто вне зависимости от их материальной ценности несут в себе знак, свидетельство, отсылают к чему-то иному, к прошлому, откуда они пришли, к некоему экзотическому бытию, никому кроме них не ведомому, к невидимому миру»².

Принципиальное отличие коллекционирования от накопительства автор монографии проводит, используя концепт свободы: «в то время, как смысл накопительства <...> обычно видят в том, чтобы сколотить себе состояние и благодаря ему обрести индивидуально-личную свободу, смысл коллекционерства заключается в том, чтобы реализовать свою свободу, предполагаемую как уже имеющуюся»³. А. Н. Малинкин приходит к выводу о том, что частное коллекционирование – это «форма самореализации человеческой индивидуальности, способ самоутверждения личности в свободное время»⁴. Абстрактный концепт «свобода» получает конкретизацию в реальном существовании человека через его самоопределение «посредством осмысленного выбора на основе ценностных предпочтений»⁵, что делает коллекционирование, по мнению автора, близким такому феномену культурного бытия личности, как игра, ведь коллекционер постоянно «выбирает себе тему и принцип коллекционирования, постоянно выбирает пред-

¹ Там же. С. 18.

² Эко Умберто. *Vertigo: круговорот образов, понятий, предметов*; перевод с итал. – М.: СЛОВО/SLOVO, 2009. С. 170.

³ Малинкин А. Н. Коллекционер. Опыт исследования по социологии культуры. Гос. ун-т – Высшая школа экономики, 2011. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 192 с. – (Исследования культуры). С. 20.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 21.

меты коллекционирования, как бы делая на них ставки, выстраивает их в серии согласно избранному принципу, наконец, выбирает контрагентов или партнёров, обменивается с ними опытом и знаниями, соревнуется и т.д.»¹. Автор полагает, что коллекция способна отражать сущностные особенности личности коллекционера, ведь «удачно подобранная коллекция – это всегда совершенное произведение, в котором гармонично отражаются душа, вкус и ум самого "человека собирающего"»².

Глава «Коллекционер и сорока» посвящена обнаружению влечения к собирательству в природе, внешней, окружающей человека, и в самом человеке. Главным специфически человеческим отличием в собирательских практиках А. Н. Малинкин считает способность придавать вещам значение, особый смысл, именно это и делает коллекцию феноменом человеческой культуры в отличие от кучки накопленных вещей в гнезде сороки. И здесь интересна не столько ирония автора, приводящего сороку как контрагента коллекционеру, сколько культурологический взгляд на человеческую сущность – стремление к созданию собственной символической вселенной во всякой деятельности, стремление даже в собирательстве вещественных коллекций игнорировать функциональное и прагматическое значение этих вещей и руководствоваться как рациональными критериями, так и «"логикой сердца" с её трудно постижимой нерациональной избирательностью»³. Созвучны этой идее и слова современного философа С. В. Ручко: «Ощущать реальность вещей утилитарно – значит быть вообще безразличным к ним. Но вещь приобретает свою реальность только в интимных действиях человека, направленных на неё»⁴, в том числе и в такой культурной практике, как коллекционирование.

Переходя на философско-антропологический уровень рассмотрения феномена коллекционирования, А. Н. Малинкин в главе

¹ Малинкин А. Н. Коллекционер. Опыт исследования по социологии культуры. Гос. ун-т – Высшая школа экономики, 2011. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 192 с. – (Исследования культуры). С. 20.

² Там же. С. 21–22.

³ Там же. С. 29.

⁴ Ручко С. В. Вещи. Онтологические прогулки. Издательский клуб «Топос». <http://www.topos.ru/article/6389>, <http://www.topos.ru/article/6391> – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – 20.01.15.

«Коллекционер и любовь» обнаруживает, что «в истоке и основе любого собирательства вещей лежит любовь»¹. И это положение приводит автора к утверждению персонологической сути отношений человека и вещи в бытии культуры. «Предметно-вещное окружение человека – в значительной степени объективированное продолжение и выражение его субъективного внутреннего мира. Коллекция – частный и особый случай такого окружения. Смысл и значение нефункциональных коллекционных предметов исходят напрямую из внутреннего мира человека, из самого ядра его личности <...> Коллекционное собрание – это целостная внутренне дифференцированная система опредмеченного ядра личности коллекционера»².

Исследуя основания любви человека к вещи, А. Н. Малинкин выделяет два сущностных момента. Первичным является бессознательное стремление человека к «тому в вещи, что, как он предчувствует, могло бы возвысить его личность в ценностном отношении, что поднимает её на более высокую ступень в ценностной иерархии бытия <...> Человек ощущает предрасположенность к вещи, как если бы он узнал в ней что-то родное, близкое, с чем был разлучён и вдруг снова обрёл, от чего возникают удивление, окрыляющий восторг. Вторичным является стремление к участию в судьбе вещи, желание так или иначе быть к ней сопричастным»³. Это может выражаться в заботе о вещи, в страстном желании обладать ею, в завладении и присвоении её. Для адекватного описания любви человека к вещи автор монографии обращается к понятию «*Ordo amoris*» Макса Шелера, формулирующего понимание человека как существа любящего и утверждающего примат ценностного постижения мира над практически-волевым и разумно-познавательным отношением к нему. В главе «Коллекционер и учёный» автор некоторым образом полемизирует с предшествующим выводом и утверждает, что «коллекционирование – это своеобразный способ освоения, познания мира <...> первичный низовой уровень научного познания, где происходит необходимое накопление

¹ Малинкин А. Н. Коллекционер. Опыт исследования по социологии культуры. Гос. ун-т – Высшая школа экономики, 2011. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 192 с. – (Исследования культуры). С. 30.

² Там же. С. 31.

³ Там же. С. 32.

материала исследований, наблюдения, описания и т.д.»¹.

Интересно, что способность коллекционера выступать исследователем реальности А. Н. Малинкин не считает главной его ипостасью во взаимоотношениях с вещами, предметами коллекционирования. Более существенным мотивом тяги человека к вещам является их магическая сущность. «Мотивов может быть много, но в основе их нет ничего, кроме любви – любви к предметам коллекционирования в их конкретной уникальной вещной оболочке, а также к той культурно-исторической теме, которая в глазах коллекционера создаёт вокруг артефактов таинственный и притягательный ореол реликвии. Влечение к такому псевдосакральному, квазикультовому предмету неодолимо. Кажется, будто физическое соприкосновению с ним имеет магическую целительную силу и от его приобретения или неприобретения зависит последующая судьба собирателя. Предмет коллекционирования становится чем-то вроде фетиша. Стремление завладеть, жажда обладания вещью как предметом коллекционирования – сущностная конститутивная особенность коллекционирования как вида человеческой деятельности и типа мировосприятия»². Так же и Людмила Улицкая называет вещи «священным мусором», видя в них некую мистическую частицу бытия, которая обладает уникальной способностью переводить объекты материального мира в сферу духовную, осуществлять «тончайший переход, некий удивительный скачок качества», при котором соблюдается «своеобразный «закон сохранения». Чего? Строго говоря, материи. Но в её прикладном виде, когда она отливается в вещи, которые сопровождают каждый день нашей жизни»³.

Главы «Коллекционер и предприниматель», «Коллекционер и инвестор», «Коллекционер и потребитель», «Коллекционер и посредник» раскрывают социально-экономическую сущность коллекционирования. Автор, с одной стороны называет коллекционера демиургом, создателем «тематического континуума из дискрет-

¹ Малинкин А. Н. Коллекционер. Опыт исследования по социологии культуры. Гос. ун-т – Высшая школа экономики, 2011. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 192 с. – (Исследования культуры). – С. 38.

² Там же. С. 41.

³ Улицкая Л. Многоуважаемый шкаф // STORY. 2012. – № 12. – С. 132–136.

ных вещей»¹, с другой стороны, видит в нём успешного в рыночных отношениях предпринимателя с чётким бизнес-планом. Для homo economicus в объектах коллекционирования важна не столько их культурно-символическая или реалогическая, персонально значимая, сущность, сколько потенциальная и реальная стоимость их как товара, и здесь на передний план выдвигаются такие критерии вещей, как состояние, провенанс, перспективность. «Вещи как предметы коллекционирования рассматриваются инвестором в качестве альтернативных вложений капитала в рамках финансово-экономической стратегии его диверсификации, т.е. распределения вложений капитала по разным направлениям в целях его наиболее безопасного сохранения и эффективного преумножения»².

Особую роль в экономическом аспекте коллекционерских практик А. Н. Малинкин отводит экспертам, призванным «установить подлинность предмета коллекционирования, полноту (комплектность) сбора и аутентичность его частей (если таковые имеются), оценить состояние предмета (степень его сохранности), определить время, место изготовления, автора (мастера), культурно-историческую ценность, а также, если потребуется, высказать своё мнение о соответствии запрашиваемой продавцом цены актуальным рыночным ценам на такого рода вещи с учётом установленных им характеристик предмета»³.

Такая антиномия культуры, как «индивидуальное - коллективное» раскрывается автором монографии в главе «Коллекционер и среда». В ней он показывает, каким образом коллекционирование, являясь делом индивидуально-личным и первично интровертивным, направленным «от внешнего мира к внутреннему ядру личности»⁴, может стать фактом коллективно-общественной жизни, и приводит примеры величайших музейных собраний, в своих истоках частных коллекций, принесённых в дар самим собирателем при жизни или его преемниками после его смерти. Из этой главы также становится ясно, что для автора монографии важно

¹ Малинкин А.Н. Коллекционер. Опыт исследования по социологии культуры. Гос. ун-т – Высшая школа экономики, 2011. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 192 с. – (Исследования культуры). С. 43.

² Там же. С. 46.

³ Там же. С. 57–58.

⁴ Там же. С. 61.

понимать и исследовать такие социально-эмоциональные феномены, как зависть, обида, ревность, соперничество, обладающие интросоциальным характером и сопровождающие все социально-коллективные практики по поводу коллекционирования.

Сложная проблематика социокультурной динамики, преемственности культуры, коллизий культурной памяти и забвения исследуется в главе «Коллекционер и его преемники». Здесь отчетливо видна тема поколений как универсальной единицы социокультурного времени. «Проблемы с достойной коллекционерской сменой существуют и на поколенческом уровне. Не всегда, – пишет А. Н. Малинкин, – эстафета поколений происходит в том или ином виде коллекционирования удачно, а иногда некоторые виды коллекционирования оказываются на грани вымирания <...> Наиболее действенным фактором, интегрирующим в себе как объективные, так и субъективные причины, является смена в новом поколении господствующего этоса. Речь идёт об изменениях в структуре ценностей и ценностных предпочтений, которые происходят у широких масс населения страны под воздействием реально-исторических и социокультурных сдвигов крупного масштаба»¹. По убеждению автора, поколенчески детерминированные коллекционерские пристрастия могут быть заданы трансформациями в самых разных сферах жизни общества – в социально-этической, экономической, политической, художественной.

У каждого поколения формируется своя особенная неповторимая культурная парадигма, выражающаяся в уникальной структуре «витальных влечений и душевно-духовных устремлений», свой «особый этос – поколенчески специфическая структура ценностей и ценностных приоритетов», определяющие склонности и интересы, в том числе темы и предметы коллекционирования, особые зоны культурного прошлого, подлежащие консервации и трансляции. Современные культурологи А. Ю. Клейтман и Л. В. Щеглова отмечают по этому поводу: «По мере устаревания прошлого, стремительно теряющего свою ценность, к нему всё больше возрастает интерес. Этот интерес вызван именно процессом

¹ Малинкин А. Н. Коллекционер. Опыт исследования по социологии культуры. Гос. ун-т – Высшая школа экономики, 2011. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 192 с. – (Исследования культуры). С. 74.

исчезновения прошлого, уже перешедшего за грань небытия. Именно неуловимый флёр потусторонности, дыхание смерти привлекают внимание наших современников к паровым двигателям, соломенным крышам, транзисторам и глиняным горшкам. Приближающаяся неизбежность распада и придаёт очарование уходящему <...> Утраченное компенсируется интересом к его истории»¹.

Особого внимания достойны рассуждения А. Н. Малинкина о незаслуженной демонизации образа коллекционера в искусстве (глава «Коллекционер и его образ»). Автор монографии возмущён тем, что «представление о коллекционерах как об исчадиях ада, маскирующихся под невинных ботаников, создали несколько талантливых писателей, а современная киноиндустрия завершила эту фантазмагорическую картину»². Главных виновников такой демонизации образа коллекционера в глазах широкой публики автор видит в лице двух выдающихся писателей XX века – Джона Фаулза (роман «Коллекционер», 1963 г.) и Патрика Зюскинда (роман «Парфюмер. История одного убийцы», 1985 г.). Гнев А. Н. Малинкина обоснован тем, что в их произведениях, по его мнению, коллекционер – моральный урод с «мертвяще-предметным» взглядом на других людей, что распространяется для читателя на всё сообщество коллекционеров как потенциально опасных для социума людей. «Если отрешиться от дурной мистики, то каким может быть сухой остаток впечатлений от прочитанного для рядового обывателя? – вопрошает А. Н. Малинкин, – Да очень простым: относись к другим людям как к предметам (пользования, потребления), как к средствам для достижения цели, интуитивно понятной одному тебе, с фанатичным упорством и маниакальной изворотливостью стремись к этой цели, какой бы асоциальной и аморальной она ни была и какое бы зло ни несла окру-

¹ Клейтман А. Ю., Щеглова Л. В. Модусы забвения в онтологии культуры: монография / ФБГОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФБГОУ ВПО РАНХиГС, 2012. – С. 128.

² Малинкин А. Н. Коллекционер. Опыт исследования по социологии культуры. Гос. ун-т – Высшая школа экономики, 2011. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 192 с. – (Исследования культуры). – С. 79.

жающим, – и ты обязательно добьёшься успеха»¹. Критики автора монографии удостоились не только писатели и кинематографисты, искажающие и принижающие образ homo colligens, но и, например, Жан Бодрийяр (глава «Коллекционер и фрейдизм»), который в своей работе «Система вещей» рассматривает страсть к коллекционированию как проявление «всякого рода невротических защитно-компенсаторных реакций современного цивилизованного человека»², исходя из положений психоаналитической теории З. Фрейда. «За бегством от реальности путём ухода коллекционера в свой индивидуальный инфантильно-фантастический мир он усматривает подсознательную борьбу одинокой личности со страхом перед смертью посредством нарциссической регрессии»³. А. Н. Малинкин упрекает французского философа и отмечает, что «его жёсткий критический анализ представляется несправедливым по отношению к коллекционерской братии»⁴, а также называет «сомнительным приёмом использование фрейдовских психоаналитических концепций в качестве культурологических объяснительных схем»⁵.

Резюмируя свои основные теоретические рассуждения, автор монографии называет homo colligens человеком главным образом культурным, то есть живущим в среде смыслов и значений, требующих осмысления и понимания. Соответственно в основе коллекционирования, как всякого культурного феномена, всегда находятся две фундаментальных потребности человека как человека – упорядочить своё существование в мире и наделить его смыслом. Особую ценность книге А. Н. Малинкина придают приложения, которые свидетельствуют о том, что он не просто исследователь коллекционирования как социокультурного феномена, но

¹ Малинкин А. Н. Коллекционер. Опыт исследования по социологии культуры. Гос. ун-т – Высшая школа экономики, 2011. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 192 с. – (Исследования культуры). – С. 80–81.

² Малинкин А. Н. Коллекционер. Опыт исследования по социологии культуры. Гос. ун-т – Высшая школа экономики, 2011. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 192 с. – (Исследования культуры). – С. 83.

³ Там же. С. 84.

⁴ Там же. С. 89.

⁵ Там же. С. 94.

и сам увлечённый коллекционер. Так первое приложение представляет собой два списка: «Виды коллекционирования» и «Предметы коллекционирования», которые сопровождаются обширным списком литературы. Из этого приложения становится понятным, что коллекционирование - в принципе открытая система, которая может пополняться бесконечно новыми видами и новыми объектами вожделенного интереса коллекционеров с каждой новой вещью (изобретённой или изъятой из пыли забвения и времени) и каждым (персонально) коллекционером. Два других приложения – «Охотничьи трофеи» и «Награда как предмет коллекционирования и социально-научного исследования» – на наш взгляд, яркие «личные документы» А. Н. Малинкина.

Для культурной ситуации многих современных провинциальных городов, которые перестали быть эффективными промышленными центрами, исчерпали свой традиционный символический ресурс, важно найти или создать новый культурный капитал, конвертируемый в реальные экономические механизмы, позволившие бы этим городам стать вновь экономически успешными за счет внутренних культурных ресурсов. Одним из таких ресурсов являются частные коллекции горожан, которые при умелом менеджменте могут быть музеефицированными, то есть выведенными из сферы домашнего интимного жизненного мира собирателей и владельцев коллекций и переведенными в мир публичный – то есть получить статус предмета музейного хранения и экспозиции и быть материально-вещественным достоянием и ценностью не конкретного человека или семьи, а города как коллективного субъекта культуры. Проблема, которая сейчас стоит перед философией, культурологией, музеологией – как именно музеефицировать уникальную и неповторимую индивидуальную повседневную жизнь людей, отражённую в их личных вещах и коллекциях, какова здесь роль музея как социального института и в чём задача самих владельцев и хранителей вещественных воспоминаний.

Значение handmade творчества в культуре Волгограда: сообщества и практики

*«Самый большой город, когда обживаешься в нем,
сжимается, становится мал для тебя и провинциален.
Каждый город имеет свой запах. И запах каждой вещи
выдает ее провинциальную родину»
Эльза Триоле*

Понятие творческого «хобби» в целом подразумевает предельно широкий круг увлечений, в который входит практически любая человеческая созидательная и преобразующая деятельность от стихосложения до коллекционирования пуговиц, от вязания предметов одежды до создания авторской куклы. Однако для нашего микроурбанистического исследования возможностей современного Волгограда стать «городом культуры» важно рассмотреть хобби в форме handmade творчества и других культурных практик в городе, с ним связанных. В отличие от привычных любительских занятий (занятий спортом, разведения домашних животных, чтения книг), handmade практики предполагают явный реалогический (вещественно-антропологический) характер, поскольку ориентированы на творческое созидание некоего вещественного продукта, несущего на себе в буквальном смысле отпечаток рук, его создавших, воплощающего множество культурных смыслов и модусов от бытия конкретной личности творца до коллективной идентичности городского сообщества. Специфика творчества такого типа состоит в том, что в произведенной вещи упаковывается опыт тела, как бы консервируясь в ней, чтобы быть извлеченным при случае¹.

Актуальностью исследования является рост значения handmade творчества в современном Волгограде, не являющемся городом традиционных декоративно-прикладных промыслов и художественных ремесел (как, например, Гжель, Палех, Мстёра, Бого-

¹ Иваненко Е.А., Корецкая М.А., Савенкова Е.В. Манифест handmade: один сюжет о повседневности в сети и за ее пределами // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». – 2011. – № 1(9). С. 71–88.

родское, Дымка и др.), формирующих городской имидж во внешней культурной среде для приезжих. В настоящее время handmade творчества становится активной частью городской культуры: организуются многочисленные мастер-классы, выставки-продажи hand-made вещей, которые активно включаются в повседневные практики людей, становятся привычными и востребованными.

Цель данного исследования – исследовать handmade практики и сообщества в культуре Волгограда. Для реализации этой цели необходимо решение следующих задач: 1) выявить культурные функции handmade как специфического феномена кустарного творчества; 2) выделить основные направления и формы бытования handmade в г. Волгограде; 3) рассмотреть способы презентации и реализации готовых работ handmade в городской культуре Волгограда в творческой, рекламной, коммерческой, выставочно-экспозиционной и других практиках; 4) определить возможности использования реалогического ресурса кустарного творчества handmade для городского планирования и развития в сфере региональной культурной политики и туризма в Волгограде и связать перспективы города обрести статус «город культуры» с handmade практиками и сообществами.

Современный мир ручной работы, handmade, появился как синтез принятых в прошлом техники и традиций с современной эстетикой, феминизмом и искусством. Микросоциум хэндмейкеров (handmakers) – это сплоченное сообщество, которое существует, общаясь через веб-сайты, блоги и интернет-магазины, связываясь, в свою очередь, с общественностью через независимые магазины, галереи и ярмарки ремесел. Многие волгоградские авторы, рассказывая о своем увлечении handmade, упоминают, что все начиналось совершенно случайно, просто по желанию как-то преобразить старую вещь или переработать ненужные лоскутки из бабушкиного ящика. А готовые одеяла, подушки или сумки в технике печворк – это всего лишь приятный результат. Такое содержание творчества handmade в России свидетельствует как минимум о двух глубинных особенностях российского и советского менталитета: безотходность деревенского быта, когда вещь в своей реалогической «биографии» или «карьере»¹ проходит множество

¹ Kopytoff I. The Cultural Biography of Things: Commoditization as Process // The Social Life of Things. Commodities in Cultural Perspectives / Ed. by A. Appadurai. Cambridge, 2003. – P. 64–91.

жизненных циклов, достаточно долго не переходя в статус «мусора», перерабатываясь и функционально трансформируясь, и специфика городского российского общества не как «общества потребления», а как «общества ремонта»¹, в котором в советские времена от дефицита, а сейчас по привычке вещи не выбрасываются, а становятся материалом для творчества handmade и получают новую жизнь. Таким образом, handmade выполняет одновременно и творческую созидательную функцию и возможность к апциклингу.

Изготавливая вещи в одном из направлений handmade, человек стремится создать что-то новое, неповторимое, им движет желание творить, быть креативным. «Сегодня среди кипящего разнообразия и «конвейерности» нашей жизни начинаешь больше ценить что-то единичное и особое. Ведь в былые времена каждая вещь была строго индивидуальной и изготавливалась по особому случаю. Наверное, поэтому среди изобилия витрин и новомодных гаджетов все больше обращаешь внимание на авторские и неповторимые вещи»². Е. Горшкова, интернет-журналист, в своей публикации приводит такие размышления волгоградского философа Евдокимцева Д.В.: «... на мой взгляд, hand-made – это ощущение неповторимости и уникальности, а также радости, которую испытывает как продавец, так и покупатель. В нашу технократическую цивилизацию люди становятся отделенными друг от друга, а приобретение изделия hand-made способствует чувству общности, сопричастности и теплоты человеческих рук»³. Собирая открытки и альбомы по частям в технике скрапбукинга, руководствуясь инструкциями из готовых наборов по технике валяния для начинающих или приобретая комплекты необходимых материалов для изготовления куклы Тильды, автору хочется воплотить в творчестве частичку себя. Но часто при этом он забывает, что бумагу, цветы, фурнитуру, цветовую гамму тканей и шерсти подбирал он не сам, а воспользовался готовыми наборами или компонентами, изготов-

¹ Герасимова К., Чуйкина С. Общество ремонта // Неприкосновенный запас. – 2004. – С. 72.

² Горшкова Е. Hand-made – народный промысел 21 века // [Электронный ресурс]: Волгоград. Портал городского развития. URL: <http://www.vlg20.ru/news/1>. Дата обращения: 12 апреля 2016.

³ Там же.

ленными и растиражированными на фабриках и заводах¹. И, тем не менее, работа носит статус «сделанной своими руками», аутентичной и уникальной, не тиражированной вещи, и автор вступает в творческое сообщество в стремлении консолидации и обмена творческим и технологическим опытом. Такое значение handmade воплощается в его коммуникативно-консолидирующей функции, удовлетворяющей потребность кустарных мастеров в общении и взаимодействии в совместных творческих, обменных и демонстрационных практиках. Расширяя свои интересы, автор заводит новые знакомства в сети Интернет, в городских магазинчиках, на выставках и ярмарках. На этих площадках происходит общение, завязанное на общих интересах, но изучение электронных ресурсов показало, что и личные темы авторами не оставляются без внимания. Чрезмерное увлечение может приводить к эскапизму, под предлогом необходимости обсудить очередную важную тему или осуществлением мелкой кропотливой работы.

Необходимо учитывать то, что городскую культуру формируют не только привычные учреждения и объекты культуры в городской среде (парки, скульптуры, театры, музеи), но и неофициальные, неформальные вещественные практики, одной из которых является handmade. В определенном смысле творчество городских мастеров может ассоциироваться у горожан и приезжих с самим городом, хотя это больше характерно для традиционных ремесел. При этом нужно понимать, что и сам город с его историей и культурой накладывает существенный отпечаток как в выборе техник исполнения работ handmade, так и в манере их представления в городском культурном пространстве. Творческая деятельность связана с идентичностью города и горожан, поэтому не удивительно, что, например, куклы волгоградских handmade мастеров одеты в казачьи костюмы, шерстяные платки или представляют собой композицию дружбы народов. Полагаем, что это связано прежде всего с тем, что на современном этапе идентичность Волгограда базируется на таких официальных аксиологических и символических ресурсах, как «город-мемориал военной истории»,

¹ Охолина Е. И. «Хэндмейд» как одна из составляющих мегаконцепта «Досуг» // Вестник Томского государственного педагогического университета // №10 (151) 2014. С. 178–183.

«субэтнический казачий край» с определенными объектами и традициями выявления, изучения, консервации и музеефикации их как наследия. При этом, и первый и второй компоненты культурной идентичности Волгограда реализуются в handmade творчестве без определенной «изюминки», без веселых, ироничных, но в то же время не десакрализирующих наследие идей и образов. Хотя во многих современных европейских и российских городах можно часто встретить проявления такого свободного незакрепощенного подхода к установлению креативных арт-объектов в городской среде (памятник компьютерной клавиатуре – «Клаве» – в Екатеринбург), в сюжетах и форматах кустарных ремесел (например, гротескные шаржевые изображения политических деятелей времен Второй мировой войны в росписи матрешек). Это существенная проблема, когда есть некий ментальный и эмоциональный предел в городской жизни, не позволяющая раздвигать границы допустимого, приемлемого, нормального в творческих поисках по изменению вещественно-антропологической культурной среды Волгограда.

Урбанистическая культура Волгограда представляет интерес своим разнообразием в сфере handmade практик. Потребности горожан в самореализации и отвлечении от обыденных реалий жизни находят выход в глубоком погружении в творчество. В этой связи важно проанализировать handmade как бизнес со своими маркетинговыми стратегиями и коммуникациями, способами рекламы, продвижения (PR) и сбыта¹. Современная индустрия магазинов товаров для хобби позволяет выбрать то направление, в котором покупателю хочется попробовать свои силы. Анализ торговой среды г. Волгограда и г. Волжского по запросу «товары для творчества» и «товары для хобби» через ресурсы Яндекс. Карты и 2GIS позволяет заключить, что распространение магазинов для handmade по территории городов неоднородно. В г. Волжском находится 8 торговых точек такого типа, в г. Волгограде в среднем на каждый из 8 районов приходится по три таких специализированных магазинчика, исключение составляют Центральный и Тракторозаводский районы (по 8 магазинов в каждом) и Кировский район, на территории которого нет зарегистрированных мест

¹ Воинская С. Сотвори и продай. Как превратить свое хобби в Дело и добиться успеха. – М.: «Манн, Иванов и Фербер», 2013. – С. 12.

продаж, специализирующихся на ручном творчестве. Стоит отметить, что сетевых магазинов среди рассмотренных всего три («Мир Рукоделия», «Арт-хобби», «Рукодельница»), которые осуществляют продажу материалов для креативных поделок в двух и более торговых точках. Отдел «Арт-Хобби» располагается также в г. Волжском. Примечательно, что из сетевых специализированных магазинов, действующих по Центральной России, Сибири и Дальнему Востоку, в г. Волгограде есть только один хобби-гипермаркет «Леонардо».

Территориально сетевые магазины по продаже креативных товаров расположены максимально близко к потенциальному покупателю: либо в одном из волгоградских торгово-развлекательных центров, либо в непосредственной близости от большого потока людей (недалеко от транзитивных городских мест или так называемых «не-мест» - вокзалов, аэропорта, либо на их территории; вблизи учреждений культуры – музеев, библиотек, театров). Однако сами вывески, баннеры и приглашающие заглянуть за покупками объявления чаще всего непозволительно скромны, а основная реклама продукции и агитационные работы проводятся через сеть Интернет самими продавцами или владельцами магазинчиков.

Значимым продуктивным направлением в работе магазинов сбыта креативного рукоделия в Волгограде является проведение мастер-классов. Не останавливаясь только на продаже предметов творчества, продавец может предложить запись на курсы по обучению в различных техниках. Чаще всего эта услуга определяется областью творческой специализации того или иного магазина или социальным заказом. Например, если ассортимент торговой площадки фокусируется вокруг творчества из бумаги, как магазин Paper Secret, то обучающие занятия будут в технике квиллинга или скрапбукинга, а готовым продуктом – поздравительные открытки, тематические фотоальбомы, фоторамки, коробочки для хранения мелочей и др. Для примера работы по социальному заказу можно привести такие обучающие курсы в Волгограде, как «Классическая шарнирная кукла», «Обувь для куклы», «Цветы из фоамира-

на¹», «Сумка в технике лоскутного шитья», которые проводятся представителями сети магазинов «Мир рукоделия», если набирается группа от 3 до 6 человек. Все вопросы по организации (нахождение помещения для занятия, поиск преподавателя, обеспечение материалами и др.) берет на себя магазин. В преддверии праздников предлагаемые мастер-классы по обучению направлены на изготовление тематического продукта, а ассортимент товаров пополняется различными атрибутами ожидаемого праздника.

Из частых посетителей различных мастер-классов складываются неформальные малочисленные группы, объединенных одним интересом людей. Официальных обществ handmade в г. Волгограде не зарегистрировано, общение осуществляется чаще всего через сеть Интернет, а все встречи носят стихийный характер и направлены на то, чтобы продемонстрировать результаты своей работы «по образцу» после окончания курса тематических занятий.

Многие преподаватели мастер-классов создают в социальных сетях сообщества, посвященные своему творчеству. В группе социальной сети ВКонтакте «Творческая мастерская»² Фатеевой Евгении объединяются любители игрушек ручной работы, изготовленных в технике сухого валяния или смешанной технике. Вот что пишет кукольный мастер Алена Елисеева о своей группе «Аленины куклы» ВКонтакте³: «Я планирую здесь приоткрывать "кухню" моей мастерской, делиться какими-то техническими моментами творчества, разыгрывать вкусные "конфетки"!». Автор верна своему слову, и на странице ее группы размещены фотографии с всероссийских выставок авторской куклы, в которых Алена лично принимала участие, много обучающих фото- и видеоматериалов, посвященных совершенствованию кукольного мастерства, фотоотчеты о проводимых ею мастер-классов в Волгограде. В организованном этим автором сообществе свыше тысячи участников.

¹ Фоамиран – пластичная листовая замша толщиной около 1 мм, изменяющая свою форму при небольшом нагреве.

² Группа ВКонтакте Фатеевой Евгении // [Электронный ресурс]: URL: https://vk.com/fateeva_toys Дата обращения: 12 апреля 2016.

³ Группа ВКонтакте Елисеевой Алены // [Электронный ресурс]: URL: https://vk.com/alena_eliseeva_dolls Дата обращения: 22 мая 2016.

Самые популярные современные направления handmade у волгоградцев это кукольное творчество, создание бижутерии, флористика, декупаж, валяние (фейтинг), фриволите, мыловарение и изготовление открыток и альбомов из специализированной бумаги. Изучение предлагаемого ассортимента магазинов хобби-товаров позволяет выделить из перечисленных широких направлений более узкие техники и стили выполнения handmade работ, представленные в таблице.

Таблица 1

Направления handmade в г. Волгограде

Куклы	Изготовление открыток и альбомов из специализированной бумаги	Бижутерия	Флористика	Декупаж	Валяние
1. Обереги / закрутки 2. Будущарные 3. Шарнирные 4. Тряпичные 5. Бусинно-шарнирные 6. Куклы-пуговицы 7. Статуэтки	1. Скрапбукинг 2. Квиллинг	1. Из полимерной глины 2. Из натуральных камней 3. Бисер, бусины, стеклярус 4. Плетение из различных нитей, шнуров, проволок 5. Из натуральных материалов (дерево, цветы, морская соль и др.)	1. Букеты из конфет 2. Композиции из гофробумаги 3. Обереги-топиарии	1. Прованс 2. Викторианский стиль 3. Кантри 4. Шебби-шик 5. Симплистики 6. Милитари 7. Этно	1. Сухое 2. Мокрое

Для представления своих работ у авторов, казалось бы, множество площадок и веб-сайтов. Но в реальности в Волгограде их не так много, как хотелось бы самим авторам-волгоградцам и приезжим. Самый простой вариант представить свою работу – это выложить фото, привлечь внимание подробным мастер-классом или оригинальными советами в Интернета. Для этого используются такие ресурсы, как личные страницы в социальных сетях (Одноклассники, Вконтакте и др.), персональные веб-сайты с размещением саморекламы, профиль на сайте «Ярмарка Мастеров». Этот ресурс задумывался как портал для ценителей авторских работ и уникальных подарков и используется авторами работ как площадка реализации готового продукта.

Бижутерия.
Автор Оксана Корнеевко

Открытки в стиле скрапбукинга.
Автор Евгения Яковлева

Так, например, волгоградский handmade автор Юлия Кривобородова¹ посвятила свою группу не только публикациям различных мастер-классов и продажам готовых работ, но и выполнению заказов с учетом пожеланий покупателей. Ее куклы и мягкие игрушки ручной работы выполнены в различных техниках, в том

¹ Группа ВКонтакте Кривобородовой Юлии // [Электронный ресурс]: URL: <https://vk.com/club36666534> Дата обращения: 16 февраля 2016.

числе и смешанных. Интернет-салон подарков ручной работы «HANDMAGIC» Евгении Скоропацкой¹ и группа Екатерины Романовой² по изготовлению авторских открыток предлагают широкий выбор товаров, сделанных из бумаги: блокноты, открытки, шоколадницы, альбомы для фотографий и др. Примечательно, что мастера принимают заказы по изготовлению от потенциальных покупателей, реализуют свои изделия не только в г. Волгограде, но также отправляют товары по почте. В соответствующих разделах личных групп есть тема с отзывами от покупателей в адрес мастера и его изделия. При таком способе реализации изделий ручной работы для каждого автора этот ресурс очень важен. Не имея возможности лично встретиться с продавцом, положительные отзывы создают «имя», творческий бренд, увеличивая тем самым возможность поиска потенциальных стейкхолдеров и дальнейшей продажи.

Будуарные куклы Людмилы Зайтениди

¹ Группа ВКонтакте Скоропацкой Евгении // [Электронный ресурс]: URL: https://vk.com/handmagic_34 Дата обращения: 12 апреля 2016.

² Группа ВКонтакте Романовой Екатерины // [Электронный ресурс]: URL: https://vk.com/keti_spageti_hand_made Дата обращения: 12 апреля 2016.

В социальных сетях магазинчиками создаются группы и общественные страницы, где среди альбомов с фотографиями товаров, мастер-классами, встречами авторов, есть альбомы «Ваши работы из наших материалов». Такие альбомы есть у магазинов «Мир рукоделия», «Арт-хобби», «Paper Secret», «Декорель», «Рукодельница» и др.¹ Реже получается договориться с хозяевами хобби-товаров для сдачи готовой продукции на реализацию в их магазины или в любые другие торговые площадки, в том числе сувенирные, киоски союз печать и др. Ежегодные выставки и ярмарки («Город Мастеров», handmade ярмарки и выставки на базе ТРЦ «Комсомол», handmade ярмарки выходного дня на базе Волгоград ЭКСПО или музея им. И. И. Машкова и др.) тоже представляют некоторый интерес для мастеров в вопросе выставления своих творческих результатов.

Идеальным было бы организовать некое симбиозное культурное сообщество handmade в Волгограде, в котором взаимодополнительно существовали и гармонично сочетались бы официальные и неформальные, персональные и коллективные, творческие и репрезентативные, художественно-созидательные и коммерческие практики. Можно вспомнить такой опыт, который после достаточно долгого существования прекратился десять лет назад: в Волгоградском музее изобразительных искусств, в здании близ Волгоградского государственного социально-педагогического университета и кинотеатра «Салют» работала креативная сувенирная лавочка «Рыжая ворона», в которой прекрасно уживались фабрично произведенные сувениры и ювелирные изделия, книги и аудиодиски с философским, эзотерическим, искусствоведческим содержанием, с выполненными украшениями и другими арт-объектами кустарных волгоградских мастеров. Даже на уровне ориентации в городской среде одно место определялось через маркер другого и, в конечном счете, существовала именно среда: чтобы объяснить волгоградцу и приезжему, где находится «Рыжая ворона», указывались музей, вуз, кинотеатр в Доме офицеров (сами по себе значимые элементы культурного наследия Волгограда – охраняемые памятники архитектуры) и,

¹ Своими руками: сообщество мастеров Волгограда // [Электронный ресурс] URL: https://vk.com/vlg_handmade. Дата обращения: 28 апреля 2016.

наоборот, вывеска торговой лавки «Рыжая ворона» служила маркером для нахождения музея, вуза, кинотеатра. Сегодняшняя ситуация скорее может быть охарактеризована как конкурентная и разобщенная, что не способствует усилению и развитию в Волгограде handmade как свободных и дружественных, взаимовыгодных практик, мест, сообществ.

Город культуры – это такое уникальное культурное пространство, которое существует и трансформируется как органическое, живое в социальном смысле целое, поэтому именно создание и предоставление возможностей «встреч» и взаимодействия различных субъектов городской культуры в самых разных творческих, коммерческих, выставочно-репрезентационных практиках превращает город в целостную культурную среду и делает образ города неповторимым и привлекательным как для самих горожан, так и для приезжих. Значимым для творческой трансформации модуса городской идентичности современного Волгограда к образу и статусу «города культуры» без искажения и десакрализации существующих полюсов его идентичности является такой вещественно-антропологический фактор, как взаимодействие человека и вещи в городе в сообществах, практиках, средах, с этим фактором связанных. Одним из значимых ресурсов для этого являются креативные практики и сообщество кустарного творчества handmade, выполняющие такие существенные микроурбанистические функции, как креативно-созидательная, функция апциклинга, функция самореализации самопрезентации мастеров, коммуникационная и консолидирующая функции, функция аккумуляции и репрезентации городской идентичности, способность быть реалогическим брендом Волгограда.

Блошинные рынки Волгограда: культурная и социально-психологическая специфика

Волгоград – один из ведущих культурных центров Нижнего Поволжья и Юга России – город с миллионным населением, протянувшийся узкой полосой вдоль Волги более чем на сто километров. Все его восемь районов могли бы быть сравнительно крупны-

ми отдельными городами, группирующимися вокруг заводов, имеющими свои храмы, кладбища и рынки.

Считается, для того, чтобы лучше узнать, какие люди живут в городе, путешественники прежних времен посещали в первую очередь именно эти культурные объекты. Уникальный культурный образ современного Волгограда был бы неполон без изучения специфической логики такого культурного объекта, как блошинный рынок. В современной междисциплинарной сфере изучения города – урбанистике – блошинные рынки рассматриваются как своего рода «зеркало» городского сообщества, отражающие уникальное «лицо» города, его судьбу, его особый язык¹.

Все барахолки мира похожи друг на друга. Но в то же время каждая из них имеет свое лицо, уникальные детали и «внутреннюю логику», диктуемую культурно-антропологической спецификой тех людей, которые на ней собираются. Представляется, что именно на блошинных рынках путем медленного и вдумчивого наблюдения можно увидеть взаимосвязь экономического поведения человека со всеми другими его внутренними свойствами и социальными качествами². Посредством достаточно близкого и неторопливого наблюдения этого специфического человеческого опыта могут быть подкреплены выводы теоретического анализа о влиянии современной глобальной экономики на ментальность и поведение людей. Здесь можно увидеть скрытую и в какой-то мере даже мистическую природу всеобщего обмена, в процессе которого происходит обмен свойствами между людьми и вещами, когда вещи обретают статус и значимость людей, а люди – статус вещей³.

В Волгограде существует несколько в большей или меньшей степени известных блошинных рынков: существующая с позднесоветских времен барахолка на Дар-горе (Ворошиловский район) недалеко от бывшего кинотеатра «Мир» (отсюда ее неформальное

¹ Шипулина Н. Б., Марченко А. Ю., Кудрявых Е. Л. Художественная культура Волгограда: учебно-методическое пособие. ФБГОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФБГОУ ВПО РАНХиГС, 2015. – 176 с.

² Damsar. Sozialization at the German Fleamarket. Universitet Bielefeld, Jorschungsschwerpunkt Entwicklungssoriologie. WP 209.1998.

³ Мосс М. Очерк о даре // Общество. Обмен. Личность. – М., 1996. – С 121–169.

вернакулярное название «Мирок»¹); блошинный рынок в Красноармейском районе на улице Копецкого.

Но самый крупный и известный даже за пределами Волгограда – это Птичий рынок. Расположенный в Краснооктябрьском районе Волгограда крупнейший блошинный рынок занимает обширное пространство между стеной издавна существующего здесь официального рынка, специализирующегося на продаже хозяйственных принадлежностей и домашних животных (отсюда происходит его народное название «Птичий рынок») и прилегающими улицами, сильно затрудняя движения по ним. Действует он по субботам и воскресеньям, занимая то место, которое в будние дни принадлежит парковке автомобилей продавцов и посетителей хозяйственного рынка. Места за продавцами преимущественно закреплены, но могут меняться в зависимости от погоды и времени года. В качестве прилавков используются не только традиционные картонные коробки, но и привезенные столы и капоты собственных автомобилей. Продавцы «Птички» приезжают как со всего Волгограда, так и из городов-спутников: одни сами на своих автомобилях, других привозят и отвозят дети, а покупатели пользуют-

¹ «Мирок» – это не параллельный и не затерянный мир, а всего лишь блошинный рынок в Ворошиловском районе. Романтически-фэнтезийным названием он обязан своему географическому положению на остановке «Кинотеатр «Мир», но и не только. Это, действительно, особый и очень необычный мир со своей жизнью и «мирянами-обитателями» // В волгоградском «мирке» обитают «блошки» / [Электронный ресурс] Сайт «Блоха.Ру». URL: <http://www.bloxa.ru/articles/russia/volgrad/> (дата обращения – 20.04.2016).

ся всеми доступными видами транспорта. Администрация взимает с продавцов чисто символическую плату, которая идет, по общему мнению, на уборку территории.

В качестве места, где горожане продавали подержанные вещи, краснооктябрьская «Птичка» существует с конца 1980-х годов. Но свой расцвет именно в качестве феномена городской публичной культуры переживает в настоящее время, что связывается нами с распространением этого явления в других городах России и с изменением отношения к блошиным рынкам горожан, главным образом представителей среднего класса, получивших опыт посещения барахолки в других странах. Сегодняшняя «Птичка» в полной мере представляет собой «клуб по интересам» – «средоточие общественной и культурной жизни, место общения горожан»¹.

На Краснооктябрьской «Птичке» представлено от пятисот до восьмисот торговых точек, продавцов несколько больше, поскольку торгуют семейные и дружеские пары. Спецификой краснооктябрьской «Птички» в отличие, например, от Санкт-Петербургского блошиного рынка у метро «Удельная»², является то, что на нем торгуют в основном мужчины, среди которых доминируют продавцы в возрасте до пятидесяти лет. Женщины, продающие ненужные уже в хозяйстве вещи и одежду из собственного гардероба, обычно старше пятидесяти лет, и их количество на рынке не превышает 10-15 %. Изредка на этот «праздник обмена» пожилые продавцы привозят своих внуков, что вызывает откровенную зависть у детей восьми-десятилетнего возраста, пришедших с покупателями.

Девочка лет девяти обращается к матери, на лице которой написано любопытство, смешанное с отвращением, и восторженно говорит: «Мама, а когда мы здесь продавать будем?» – «Да что же нам здесь продавать?» – почти испуганно спрашивает мать. – «Ну мои игрушки, например».

¹ Паченков О., Воронкова Л. Блошинный рынок как «городская сцена» // Микроурбанизм. Город в деталях / Сб. статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 352 с. (Серия: Studia urbana). – С. 133.

² Паченков О. Блошинный рынок в перспективе социальной политики: «бельмо на глазу» города или институт «повседневной экономики»? // Социальная политика: реалии XXI века, Вып. 2. Независимый институт социальной политики. – М.: Поматур, 2004. – С. 271–314.

В отличие от детей в других странах, которые на блошиных рынках заняты самостоятельной продажей с целью приобретения первого опыта экономических отношений, наши очень немногочисленные дети, сопровождающие продавцов на волгоградской барахолке, служат скорее индикатором развернувшейся здесь игры (Заметив, что я решила купить сломанную китайскую игрушку, выполненную в жанре «хоррора», маленький ассистент продавца вступает в такой диалог: *«Вы что, скелетона покупаете? – Да, а что? – Но он же страшный!»*).

По специализации продавцы – это, условно говоря, «металлисты», «нумизматы», «баталисты», «часовщики», чистых «букинистов» очень мало (книги чаще идут в качестве дополнения к одежде и утвари – посуде, игрушкам), так же, как и нет чистых «меломанов». Особая категория – продавцы значков и медалей. Изюминкой (фишкой) краснооктябрьской «Птички», отличающей его от других подобных рынков, является обилие «металлистов». Эта специализация даже влияет на народное название рынка: «Птичку» иногда именуют «Железкой», ведь она располагается прямо напротив металлургического завода «Красный Октябрь», которому более 100 лет. В этой категории есть «ремесленники», специализирующиеся на деталях, пригодных для ремонта самого разного профиля, и «старьевщики», предоставляющие большой выбор деталей различного оборудования советских времен. Их богатство явно незаконно вынесено в советское время с многочисленных волгоградских заводов, что будит в нашей памяти давно забытое словечко «несуны». В советскую эпоху дефицита на всё люди уносили со своих предприятий то, что могло пригодиться в

хозяйстве или быть обменено на иные товары и услуги. Многие вещи, представленные на блошином рынке, хранятся подолгу, и выбрасывать их жалко, а вот продать за символическую цену психологически гораздо легче.

Другой особенностью краснооктябрьской «Птички» является то, что на ней практически отсутствуют вещи, сделанные своими руками, тогда как в 1980–1990-е гг. художественные поделки встречались довольно часто. Это связано с тем, что ставший необыкновенно популярным в последние годы хэнд-мейд имеет другие пространства продажи: на официальных рынках, в интернете и даже на специальных ярмарках ремесел и фестивалях-выставках. К тому же «Птичка» явно тяготеет к антикваризации, то есть к трансформации контекста первоначальных значений¹. «На блошином рынке предметы и чувства, вдохновившие их создание, должны на долгое время умереть для того, чтобы возродиться и быть востребованными в другом контексте, отличным от того в эпоху которого они были созданы... По-настоящему великие объекты таких рынков должны сначала годами жить в чистилище тишины и забвения»².

Продавец фарфоровых статуэток, изображающих животных и птиц, обращается к покупательнице:

– Купите гуся.

– Это же пеликан.

– Ну пеликан, тогда его купите.

– А почему я должна его купить?

– Сейчас объясню. Все это производство Астраханского фарфорового завода, которого давно уже нет, он закрылся.

– Хорошо, беру эту черепаху.

– А она сегодня печенку забыла.

– Что-что?

Рядом стоящий покупатель: «Мультфильмы смотреть надо». И тут покупательница вспоминает мультфильм про обезьяну и черепаху, которая спаслась от съедения, солгав, что она забы-

¹ Шпаковская Л. Старые вещи. Ценность: между государством и обществом // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bloxa.ru/encyclopedia/science/text4/> (дата обращения: 20.03.2016).

² Jean Cathelin et Gabrielle Gray. Guide de la Brocante et des Puces à Paris et en Province, Hachette, 1967.

ла дома печень. Эта отсылка к прецедентному тексту делает продавца и покупателя почти сообщниками, принадлежащими общей эпохе, времени популярности этих мультфильмов.

Можно было бы предположить, что Волгоградский блошиный рынок должен очень широко представлять предметы, «вернувшиеся» с Великой Отечественной войны: каски, фляжки, противогазы, детали оружия, солдатские и офицерские ремни, погоны и т.д., скупленные зачастую у самодеятельных археологов, так называемых «черных копателей». Однако это не совсем так, поскольку данный сектор рынка занят «профессионалами», к которым можно отнести также и продавцов антиквариата, обычно перепродающих вещи, купленные в других городах на таких же барахолках. Для Волгограда это Краснодар, Ростов-на-Дону, Воронеж, Пенза. Кроме того, «профессионалы» имеют в Волгограде и другие площадки для представления своего товара. Это связано с тем, что «Птичку» посещает огромное количество людей с низкой покупательной способностью, т.к. район пролетарский. Конечно, коллекционеры и эксперты тоже посещают «Птичку», поскольку это крупнейший блошиный рынок Волгограда, но иногда им хочется общаться внутри своей отдельной субкультуры с ее специфическими правилами (например, установления цены). Не более 10-15 продавцов, постоянно выставляющих военные предметы на «Птичке», делают это в основном для привлечения клиентов. Кое-что до сих пор можно скупить у населения. Таким образом, присутствием на рынке рекламируется сама такая возможность. Продажи «профессионалы» осуществляют коллекционерам, в том числе и в Интернет, где определяется и цена. За предметами этого вида приезжают покупатели, включенные в российские, а, возможно,

и глобальные сети блошиных рынков. На «Птичке» таковыми являются представители Москвы, Санкт-Петербурга и Сибири, а в последнее время и Кавказа.

Но даже продавцы-«профессионалы», придя на рынок, не преследуют чисто экономического интереса. Потому что в настоящее время «Птичка» больше похожа на клуб, где важно «пространство близкого общения, особых социальных взаимодействий, интеракций лицом к лицу»¹. Они изучают своего покупателя и чрезвычайно интенсивно общаются друг с другом, но важно отметить определенную закрытость такого клубного общения для посторонних. Атмосфера на «Птичке» благостная, почти праздничная. При этом на ней нет музыки. Пластинки крайне редко проигрываются на патефонах, никто не поет, не демонстрирует работу музыкальных инструментов. Как минимум две группы продавцов постоянно играют в шахматы и нарды друг с другом.

¹ Паченков О., Воронкова Л. Блошиный рынок как «городская сцена» // Микроурбанизм. Город в деталях /Сб. статей. - М: Новое литературное обозрение, 2014. — 352 с. (Серия: Studia urbanica). С. 134.

На «Птичке» безопасно, хотя и нет патрулирующих полицейских, в отличие, например, от крытых блошиных рынков в США¹. Другое заметное отличие от них состоит в том, что среди продавцов нет мигрантов, хотя в Волгограде существует несколько больших диаспор, традиционно занимающих собственные ниши в структуре занятости населения. Они очень часто торгуют сельскохозяйственными продуктами, а на блошиных рынках встречаются крайне редко и только в качестве покупателей.

Среди продавцов «Птички» можно выделить категорию людей, которые пытаются продать совершенно нелепые предметы. Все они находятся в возрастной группе от пятидесяти пяти до семидесяти лет. Их редкие покупатели, как правило, гораздо моложе. На краснооктябрьской «Птичке» в отличие от берлинского Мауэрпарка редко бывают художники и дизайнеры, ее не посещают разные чудаки - «фрики», которых могли бы интересовать заведомо нелепые вещи. А между тем, особое отношение, задаваемое полем блошиного рынка материальному миру, способствует превращению материальных предметов в источник духовной энергии. Лежащие на земле, вырванные из своего контекста, осколки прошлой жизни, фрагменты исчезнувших вещей вызывают не только к памяти, но и к воображению, способному создать для них новую реальность. Не художники и не чудаки – главная клиентура подобных продавцов, но те, «кто понимает». Это люди, «впавшие в творческий расцвет» и слегка стесняющиеся такого своего состояния. Они приходят на «Птичку» нечасто и испытывают от этого явное удовольствие. Именно наблюдая их можно понять, отчего все больше людей во всем мире с таким азартом играют в этот «карнавал ненужных вещей». Иногда вещи, представшие таким трогательным «сокровищем» на барахолке, принесенные домой, в другом предметном контексте становятся просто рухлядью.

¹ Зукин Шарон. Крытые блошиные рынки. Вспоминая Вальтера Беньямина // Зукин Шарон. Культуры городов / Пер. с англ. Д. Симановского. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 424 с. (Серия STUDIA URBANICA). – С. 343–355.

Здесь находит себе выход ностальгия по советской эпохе¹, и парадокс в том, что «безбытные» времена романтически-идеалистической борьбы с «вещизмом» представлены именно вещами. Об эмоциональной нагрузке предметов свидетельствует, например, человек, который занимается продажей на барахолке в убыток себе, поскольку те предметы, которые он купил ранее здесь же или в другом подобном месте для перепродажи, настолько нравятся ему самому, что он не хочет с ними расстаться. Эти трогательные личные сокровища могут и совсем не иметь рыночной стоимости. «Почем бриллианты?» – спрашивает покупательница, наклоняясь к сломанной брошке, имитирующей янтарь. Символическая природа производимого здесь обмена очевидна для всех. Здесь можно испытать радость от встречи с предметом, который видел 40 лет назад, и стремление дать ему жизнь в будущем («Продашь еще через 20 лет»), противопоставить культуре одноразовых предметов неожиданное ощущение того, что у каждого явления существует долгое и захватывающее эхо.

В очаровательной мистификации М. Н. Эпштейна «Учение Якова Абрамова в изложении его учеников» мы находим подтверждение безумной уличной философии, репрезентируемой «Птичкой»: «Совершенно бескорыстно они поклоняются «малым сим», – предельным долям мироздания, забытым и бессловесным идентичностям, через которые достовернее всего проступает мудрость

¹ Pachenkov O. Voronkova L. New Old Identities and Nostalgias for Socialism at St. Petersburg and Berlin Flea Markets // Schroder I. W., Vonderau A. (Eds.) Changing Economies and Changing Identities in Postsocialist Eastern Europe. Hall Studies in the Anthropology of Eurasia. Lit Verlag. 2008. – P. 191–216.

Неповторимого и Неповторяющего, – того, кого поэт назвал «весь сильный Бог деталей»¹.

Здесь вновь преобразаются ненужные вещи, «спасенные из своего ничтожества избравшей их любовью», вынесенные «на позор» с антресолей, чердаков, гаражей. Нет, блошинный рынок – не только и не столько «городская сцена», как попытались представить его в своем исследовании О. Паченков и Л. Воронкова. Только следствие шоуизации культуры заставляет так представлять его, видеть в его сущности спектакль, сферу наблюдения, вуайеризма. Он предстает скорее как особое пространство метафизической свободы. «Пришла пора человеку, гордо объявившему себя мерой всех вещей, увидеть в вещах свою малую меру – предел определения. Страшнее всего на этой земле – соблазн беспредметности, и никогда не лишним будет предмет, пусть малый и случайный, который нас над этой пропастью держит»².

Все наблюдатели блошинных рынков улавливают в привязанности к мелким, ненужным вещам нечто трогательное и бескорыстное, нечто отсылающее к детскому взгляду на мир. Таким образом, блошинный рынок апеллирует к ребенку в человеке, к памяти о детских играх с переодеваниями, об азартном «давай менять»

¹ Эпштейн М. Н. Учение Якова Абрамова в изложении его учеников // Электронная библиотека kuchaknig.ru. URL: http://www.kuchaknig.ru/show_book.php?book=175979&page=9. (дата обращения: 20.09.2015).

² Там же.

ся, не глядя!», о привязанности к маленькому и жалкому с изыском и ущербом как неповторимому, уникальному. Изучая мир объектов блошиного рынка, исследователи отмечают, что для них характерно «причудливое сочетание вещей, представляющих тысячи частных жизней нескольких поколений и социальных сред в одном пространстве»¹. Это верно, но необходимо также отметить мощную протовиртуальность объектов барахолок, их стремление выжить и найти свое место в новом контексте. Символическую ценность таким объектам придает не просто их историчность и вуайеричность, где вектор времени повернут в прошлое. Здесь формируется другая, возможностная, форма общения человека и предмета (где вектор повернут в будущее), в котором предмет имеет силу не только информировать, но и трансформировать субъектов взаимодействия.

Барахолки во все времена выглядели живописно, но их гуманитарное наполнение, антропокультурная сущность различались и, как представляется, зависели от реальной экономической ситуации. Так, например, на атмосферу «Нового базара» в Одессе в двадцатые годы прошлого века влияли почти полное отсутствие в городе государственных товаров, голод и связанное с ним падение нравов. «Как передать множество клятв, завываний, возгласов, жалоб, истерик, проклятий и ругани, смешанных в слитный гул, внезапно прерываемый пронзительным свистом милиционера?», – писал К. Паустовский, – «и как описать тяжеловесное бегство спекулянтов, обвешанных вещами, по сотрясаемой их топотом брусчатой мостовой? Как описать потерянные в этом бегстве пожелтевшие лифчики, бязевые солдатские кальсоны и пересохшие резиновые грелки цвета печени, покрытые шрамами трещин?»².

Скопление в одном локусе людей, поставленных на грань выживания, естественно обнажало в них наихудшие человеческие качества и превращало посещение толкучки в настоящее испытание. «Каждый раз после базара я возвращался в глухом раздражении, подавленный и униженный. Униженный зрелищем бесстыд-

¹ Паченков О., Воронкова Л. Блошиный рынок как «городская сцена» // Микроурбанизм. Город в деталях /Сб. статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 352 с. (Серия: Studia urbanica). С. 168.

² Паустовский К. Г. Повесть о жизни: В 2-х т. Т. 2. – М.: Комсомольская правда: Директ-Медиа. 2014. – С. 113.

ной алчности, беспомощной нищеты, глумления над людским достоинством, животной грубости и обмана. Особенно много было жульничества – мелкого, шмыгающего глазами и наглого»¹. Интересно в контексте нашего исследования свидетельство о том, что Новый базар, расположенный в глубине Садовой улицы, и служивший прибежищем мешочников, старых генеральш, карманных воров и чудаков «с изломанной, пустой жизнью», являлся особым, выделявшимся пространством в городской среде. «До одесского базара я никогда не видел такого скопления в одном месте человеческой скверны и злобы. И это было тем удивительнее и тяжелее, что рядом сверкало теплое море, шумел нарядный город, цвели акации, солнечный свет придавал золотой оттенок зданиям, на улицах, несмотря на голод, было много смеющихся людей, пахло цветами, и низко горели в морских далях чистые звезды, похожие на огни бакенов»². Блошинные рынки в первой половине XX века считались подозрительным и постыдным явлением во многих странах³ и связывались с социальным хаосом, бедностью и маргинальными группами. В противовес этому современные барахолки становятся пространством праздника и могут сливаться с сакральными местами. Например, «21-го числа каждого месяца в Киото устраивается большой блошинный рынок, называемый в народе Кобо-ити – «рынок Кобо», по имени Кобо-дайси (патриарха общины эзотерического буддизма Сингон). Барахолка проходит в старейшем киотском храме Годзи, некогда возглавляемом Кободайси. В день памяти патриарха 21-го числа, здесь, как и во многих других сингонских храмах, проходят памятные службы»⁴. Подобная праздничная барахолка привлекает людей далеко не бедных. В тех случаях, когда продавец преследует чисто финансовый интерес и выносит книги из собственной домашней библиотеки или стоптанные туфли с антресолей, не имея денег даже на сдачу покупателю, никакого праздника не наблюдается. Такие продавцы в Волгограде в небольших количествах пристраиваются рядом с обычным вещевым или продуктовым рынком и, в отличие от за-

¹ Там же. С. 118.

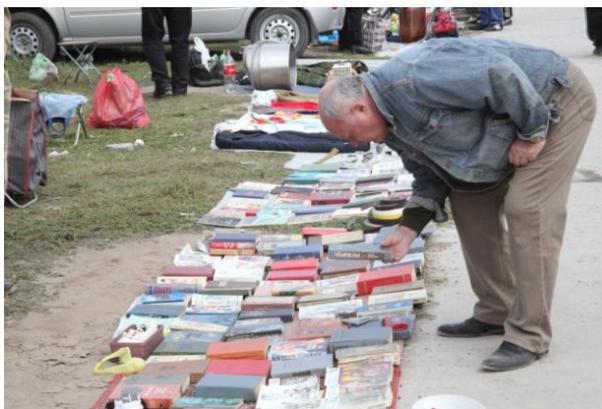
² Там же. С. 119.

³ Gregson N., Crew L. *Second-Hand Cultures*. Oxford: Berg. 2003.

⁴ Электронный ресурс ЖЖ // URL: alex-chekaev. Livejournal.com /74733/html (дата обращения: 20.09.2015).

всегдаев «Птички», ничего не покупают друг у друга. Продавцы «Птички» круговорот вещей внутри рынка даже не скрывают: *«Я купила здесь этот браслетик и с удовольствием его носила! Вы тоже будете его носить с удовольствием»*. Другой пример из разговора «профессионала» с продавцом: *«Я у тебя третьего вижу эту вазу! Скажи, есть в ней изъян или нет?» – «Есть»*. – *«Все, молчи, я знаю где»*. Речь шла о старомодной вазе, вывезенной из Китая в 1950-е годы и представляющей не слишком большую ценность для антикварного магазина. Продавцы «Птички» воспринимают свою деятельность все-таки как работу, и в праздничные дни рынок не действует.

Через еще большее количество рук проходят книги. Продащица, у которой по 3–4 книжки всегда лежат среди других вещей, обращается к покупательнице: *«Женщина, купите «Бовари»*. Не сразу становится понятно, что речь идет о романе Г. Флобера «Мадам Бовари». *«Очень жизненная книга, я Вам сейчас расскажу»*, – продолжает она. И далее сообщает, что она покупает книги здесь же, прочитывает их, а затем перепродает. Но еще и пересказывает своим товаркам и желающим покупателям содержание, поскольку главное здесь – процесс весьма эмоционального общения.

Среди книг, которые обращаются на «Птичке» можно обнаружить литературу приблизительно 5 видов: 1) приключения и детективы, а также значительно отставшая от них в количественном отношении фантастика и любовные романы; 2) медицинские и технические справочники; 3) учебная литература и художе-

ственные альбомы советских времен в очень небольшом количестве; 4) редкие книги дореволюционных годов издания (они дорогие: если все остальное котируется в диапазоне от 20 до 100 рублей, то за эти запрашивают более 1000); 5) брошюры по садоводству, домашнему целительству и т.п. Собрания сочинений встречаются нечасто и совсем редко в полном и приличном виде. Но на «Птичке» можно купить литературу особого рода – ту, что издавалась в «лихие девяностые» на плохой дешевой бумаге и в издательствах, которых не существовало ни до, ни после указанного периода. Эта литература интересна тем, что в ней встречается эзотерическая, готическая и приключенская нон-классика как переводных, так и отечественных авторов. Некоторые тексты этого рода, тогда же написанные и более не переиздававшиеся, производят ошеломляющее впечатление от наполнявшего их «воздуха свободы» и требуют отдельного исследования.

Один из продавцов, который привозит наибольшее количество книг, на вопрос, откуда он их берет и не перепродает ли книги друзей, знакомых и т.п., отвечает, что в советское время работал в «Обществе книголюбов», что позволяло ему покупать дефицитные в те годы издания для собственной библиотеки и для своих детей. Но, судя по представленности изданий, он занимается перепродажей книг с 1990-х годов, и пополняют его «прилавок» отнюдь не только книги из личной библиотеки. При этом последнее предположение, как и вообще идею перепродажи, он отрицает.

Вообще продавцов, которые занимаются только книгами, на «Птичке» очень мало. Настоящего «книголюбца», но отнюдь не букиниста, за время наблюдений я отметила лишь одного. Книжки оказались тем «лишним», чего он больше не хочет нести по жизни. Из его дома, где они были не только статусным предметом, но и поддерживали его семейные традиции (*«меня родители приучили много читать»*), они перекочевали сначала в гараж, а затем на «Птичку». Сам он объясняет это тем, что книги детям не нужны, внуки их уже не читают, а он стоит здесь для того, чтобы помочь материально сыну.

В этом есть элемент эмоциональной неясности. Жена «книголюбца», сидящая здесь же, опровергает утверждение мужа о том, что он пытается скопить средства на квартиру для сына. Она понимает, что путем распродажи домашнего имущества это совер-

шенно невозможно. Вообще ссылки фигурантов «Птички» на финансовую нестабильность, как мы уже отметили выше, в настоящее время, в отличие от 1990-х годов, в подавляющем большинстве не стоит принимать всерьез.

В поведении такой природы часто ищет выход чувство перенапряжения, желая избавиться от эмоциональной нагрузки предметов, которые ранее много лет копились. Мотив «детям это уже не нужно» является распространенным объяснением своей приверженности к игре в «продажу», в которой продавцы и покупатели могут вновь почувствовать себя молодыми. В то же время на «Птичке» довольно много говорят об отношениях с выросшими детьми, которые в большинстве случаев не одобряют приверженности своих родителей к блошиному рынку, видимо, смутно догадываясь, что эта чисто символическая в финансовом отношении деятельность в действительности представляет собой некий тип эмоционального освобождения. Таким образом, здесь имеет место также и внутреннее освобождение от определенных отношений.

Следует отметить, что этими полевыми записями мы хотели показать то, что трудно поддается социологическим исследованиям любыми известными методами, в силу того, что люди, «населяющие» наш отечественный мир барахолки, чрезвычайно замкнуты, стеснительны и даже пугливы. Пристальный интерес они считают почти агрессией и реагируют соответственно. Таким образом, используя методы включенного наблюдения, фокусированного неструктурированного интервью, и всех видов компаративных исследований (сравнительно-сопоставительных, типологических и историко-генетических) мы можем прийти к нескольким выводам. Мы видим, что по ряду параметров *modus vivendi* нашей волгоградской «блошки» удивительно совпадает с тем, как описывают французские историки свои блошинные рынки в Средние века, а именно: основываются на месте бывших крупных торговых площадок (ярмарок), организуются вокруг «металла и железа» и, в общем-то, зависят от них, очень уважают военные трофеи, формируют гильдии, устанавливают внутренние этические правила, законы перепродажи и вывозов в соседние области и т.д.¹

¹ Bedel J. Les Pucés ont cent ans. Histoire des chiffonniers, brocanteurs et autre chineurs du Moyen-Age a nos jours. – Cany: Imprimerie Gabel? 1985. – 144 p.; Sciardet H. Les marchands de l'aube: ethnographie et theorie du commerce aux pucés de Saint-Ouen. *Economica*, 2003. 217 p.

Специфика «Птички» (волгоградского блошиного рынка) как формы глобального противостояния публичного и частного, социального и интимного состоит в том, что в сущности это прирученный и гуманизированный средневековый институт (не даром его исследователи часто обращаются к работам М. Бахтина о народной культуре средневековья и Ренессанса¹, и поэтому в современных условиях он очень хрупок, именно как форма досуга и социального взаимодействия. Для него губительны всякие благоустройства и перенос на другое место. Ведь место является «энергетической матрицей», которая «генерирует представления и изменяет осведомленность людей»². Такой рынок представляет собой подвижный праздник, это и место и дух, и он служит в качестве светского средства для достижения трансцендентного опыта³.

Против такого возвращения к архаике в России, как обычно, выступает государство со своей цивилизаторской миссией. В России легко уничтожить блошинный рынок, перепрофилировав его под предлогом благоустройства. Такие попытки делаются не только в Волгограде, но и в Москве (как, например, широко известная существовавшая с 1900 года барахолка на платформе Марк, благоустроенная в 2010 году и тем самым потерявшая свою уникальность и атмосферность)⁴. Однако растет осознание того, что когда исчезает аромат средневекового базара, то значительно теряется и специфическая притягательность обмена такого рода.

Современная барахолка как зеркало отражает пуэрилизацию культуры, захлестнувшую сегодня развитые страны. Для Волгограда это привозная, заимствованная форма отношений людей, которые еще помнят гонения на спекулянтов в 1960-е, «пиратские» прилавки в 1990-е, идеологию антиторгашества и презрения

¹ Henderson Phil. A Tale of Two Hamlets: Emergence of the Carnavalesque at the Keady Market // *Journal of Narrative Politics*, Vol. 1, No. 1, September 2014. – P. 97–113; Sherry John F. A Sociocultural Analysis of a Midwestern American Flea Market // *Journal of consumer research*. Vol. 17. June 1990.

² Sherry John F. A Sociocultural Analysis of a Midwestern American Flea Market // *Journal of consumer research*. Vol. 17. June 1990.

³ Там же.

⁴ Борисов А. В Волгограде ликвидируют блошинные рынки // [Электронный ресурс] сайт «V1.ru «Новости» 3 июля 2014. URL: <http://v1.ru/text/news/814694.html> (дата обращения – 12.04.2016).

к материальной и индивидуальной стороне жизни социалистических времен.

Главное, что дает блошинный рынок человеку – это возможность освободить в себе детское начало и одновременно выразить протест против моды на одноразовые предметы, одноразовые отношения и линейную определенность статусно-ситуативного общения. С развитием молодежных движений барахолку стали посещать реконструкторы и завсегдатаи косплей фестивалей¹.

Нашу барахолку в духе «новой сентиментальности» мог бы описать стихами Тимур Кибиров. В ней, на наш взгляд, много иронии, самоиронии и даже противоиронии, восстанавливающей серьезность жизни обнажением абсурдных связей: «что человеку не нужно, то ему и желанно»². Отсюда эта смесь любопытства и стеснительности на лицах фигурантов наших барахолок.

Иначе говоря, торговля как особый вид труда, направленного на получение прибыли, не является здесь самоцелью, хотя и совсем сбрасывать со счета экономический интерес торгующих там нельзя. Примерно 5–7 % продавцов можно отнести к категории малоимущих пенсионеров, для которых любая вырученная здесь сумма имеет значение в их месячном бюджете. Однако даже на их поведении сказывается карнавальность пространства, что превращает для них «Птичку» в новую территорию психореальности. Заметно, что они не считают свою занятость на «блошке» тяжелым трудом, хотя и любят поговорить, что стоят здесь в жару и в холод. Здесь мы можем получить пищу для размышления о том, как на наших глазах меняется соотношение игры и жизни. Многие виды человеческой практики сегодня замещаются игровым общением в условной ситуации.

Еще в 70-х годах двадцатого века исследователи культуры блошинных рынков отмечали их сходство с театром³, представле-

¹ Шипулина Н.Б., Марченко А.Ю., Кудрявых Е.Л. Художественная культура Волгограда: учебно-методическое пособие. ФБГОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФБГОУ ВПО РАНХиГС, 2015. С. 66–68.

² Эпштейн М. Постмодернизм в России: литература и теория. – М.: МИАР. Элиника 2000. – 265 с.

³ Maisel R. The Flea Market as an Action Scene // Urban Life and Culture. – 1974. – Vol. 2. – № 4. – P. 503.

нием, аттракционом. «Здесь в любую минуту может начаться представление (спектакль), которое превратит вас в актера на сцене, видимого для всех»¹. Однако нетрудно заметить, что наши люди к такого рода коммуникации – к реципрокному видению – совершенно не готовы. Поэтому нам представляется, что игровой характер взаимоотношений на «Птичке» связан не с театральностью в духе А. Блума², а с волевой геймификацией труда, то есть замещением труда игрой.

Видеть в коммуникативной энергии блошиного рынка непрерывный перформанс заставляет наблюдателя шоуизация современной культуры, т. е. установка на манипулирование прежде всего зрением и представление любых явлений жизни в первую очередь в качестве зрелища. Служа удовлетворению гипертрофированной потребности в зрелищах, она заставляет относиться к самым разным феноменам культуры как к театру. Экспансия визуальной культуры проникает очевидно и в исследовательскую практику, когда собственно научное наблюдение в социальной сфере может быть представлено разновидностью вуайеризма.

Одним из значимых результатов исследования специфики волгоградского блошиного рынка как формы противостояния глобального и частного, социального и интимного состоит в том, что город еще не готов принять существование блошиных рынков в качестве новой для него формы социального досуга и взаимодействия, и тем более в качестве ресурса развития городской культуры и потенциала обретения Волгоградом статуса города культуры, важного как для самого города и его жителей, так и для приезжих как привлекательного туристского продукта.

¹ Паченков О., Воронкова Л. Блошиный рынок как «городская сцена» // Микроурбанизм. Город в деталях / Сб. статей. – М: Новое литературное обозрение, 2014. – 352 с. (Серия: *Studia urbanica*). – С. 162.

² Blum A. *The imaginative structure of the city. Montreal and Kingston*, London, Ithaca: McGill. Queen's University Press, 2003.

Движение буккроссинга и городская книжная культура в городах юга России

Книга в русской культуре и в российском образовании всегда занимала особое место. Русская культура в большинстве своем культура словесная, текстовая. Видный отечественный мыслитель М. В. Ломоносов писал, что «Красота, величие, сила и богатство русского языка явствуют довольно из книг, в прошлые века писанных, когда еще не токмо никаких правил для сочинений наши предки не знали, но и о том едва ли думали, что оные есть или могут быть...». Книга в русской культуре всегда представляла особую культурную ценность. Как считает отечественный исследователь И. В. Поздеева, книги являются системообразующим, опорным началом культуры «и отражают, формулируют и обучают важнейшим постулатом православной веры и социальной жизни, этики и эстетики»¹.

Действительно, книги служат не только показателем состояния культуры, но интерес к книгам, отношение к ним, позволяет выявить потребности современного человека, воссоздав образ городского человека, человека читающего, человека культурного. Постараемся на таком движении как буккроссинг путем сравнительного анализа его форм существования в двух городах Юга России, посмотреть на отличительные особенности человека современной городской культуры, его потребности и ценности.

Буккроссинг представляет собой международное общественное движение, которое получило распространение в 2000-х годах в России. Основным идейным посылом этого движения стал посыл «Освободить книгу», то есть сделать ее свободно-перемещающимся объектом в пространстве культуры, который больше не привязан к конкретному читателю, а должен быть помещен в общественную культурную среду, доступную всем городским читателям.

¹ Поздеева И. В. Книга – инструмент сохранения, передачи и воспроизведения традиции // Книжная культура. Опыт прошлого и проблемы современности: К 285-летию основания Академической типографии в России: Материалы V Международной научной конференции (Москва, 24–26 октября 2012). – С. 330.

Несмотря на то, что буккроссинг набирает обороты и представлен уже в крупнейших городах России, он сталкивается с определенными проблемами. Во-первых, читатели не считают нужным регистрировать «найденные книги» на специальном сайте. Существует специальный сайт bookcrossing.com, на котором можно зарегистрироваться и получить уникальный номер на свою книгу (BCID), сделав запись, что книга будет оставлена. Нашедший ее читатель, также делает запись, дав возможность предыдущему читателю отслеживать движение книги. Как показывает статистика с этого сайта, только около 6% Россиян зарегистрированы на этом сайте.

Во-вторых, у россиян нет достаточного уровня информированности в вопросах буккроссинга. Как считает один из работников областной Саратовской научной библиотеки, россияне просто считают ненужным возвращать прочитанные книги, поскольку считают, что кто-то их решил выкинуть, но стало жалко, поэтому вместо «помойки» люди несут книги в подъезды, на вокзалы и больницы.

В связи со всем вышесказанным, думается прогноз неутешительный на будущее буккроссинга. Необходима определенная государственная поддержка этого движения и культура книжного «потребления», особого отношения к книге как к источнику знаний. Об этом говорят и формы, в которых существует буккроссинг в России. В ряду традиционных форм буккроссинга (стихийных книжных полок в многолюдных местах, создания специальных книжных шкафов, пересылка книги почтой, букринг), в России получила в основном распространение первая форма. Также встречается создание книжных шкафов в городских парках.

Рассмотрим подробнее эти две формы на примере буккроссинга в Волгограде и Саратове. В Волгограде буккроссинг представлен в основном в образовательных учреждениях. Так, например, в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете буккроссинг существует в научной библиотеке вуза, а также на двух факультетах: на факультете филологического образования и факультете исторического и правового образования.

Но как показывают наблюдения, студенты не достаточно активно интересуются этим феноменом, поскольку тематика книг не меняется на протяжении длительного времени. В основном книги только пополняются (причем субъектом такой практики являются отнюдь не студенты, а преподаватели, сотрудники библиотеки, методисты и другой вспомогательный персонал университетских кафедр), и то, в основном, советскими писателями и историками, не актуальными для современных запросов студентов как в отношении праздного чтения по личным вкусам, так и для учебно-образовательных целей. Примечательно, что к движению буккроссинга примыкают и не-книжные объекты, но так же обладающие статусом «ушедших» вместе с эпохой и безнадежно устаревших по технологическим причинам, – видеокассеты, которые стоят в одном стеллаже с книгами на факультете исторического образования.

Что касается других публичных пространств для буккроссинга, то в Волгограде существует несколько кафе, обустроенных и функционирующих в рамках буккроссинга. Одно из них – гриль-кафе «Хорошие люди». Не менее популярен гастронаб «Пивная библиотека» с довольно объемной коллекцией книг самых разных жанров и направленности. При этом ностальгические нотки присутствуют во всем интерьере «Пивной библиотеки» – это не только полки со старыми книгами, но скульптурные бюсты А. М. Горького, В. И. Ленина, настольные лампы дизайна позднего СССР, обитые кожей диванчики (в стиле рабочих кабинетов советских чиновников).

Полки буккроссинга в гриль-кафе «Хорошие люди»

Гастро-паб «Пивная библиотека» с полками буккроссинга

Существуют также полки буккроссинга и в городских музеях. Так, например, на полках буккроссинга в музее-заповеднике «Старая Сарепта» абсолютно бесплатно можно подобрать себе литературу по интересу: школьные учебники, литературу для внеклассного чтения, справочные материалы для студентов, художественную литературу, книги о войне, о спорте, детективы и другое. Музей принимает книги, которые найдут для себя нового читателя.

Также в Волгограде буккроссинг представлен в открытом публичном пространстве городских парков и скверов в виде скамеек буккроссинга либо шкафов, будок, книжных «домиков». В 2013 году в Волгограде стартовала акция «Маленькая свободная библиотека, или Little Free Library», направленная на создание небольших красочных деревянных домиков, созданных для свобод-

ного обмена книгами. Принцип действия: «Возьми книгу. Прочитай. Верни или принеси свою».

Деревянный книжный домик в сквере имени С. Филиппова в Волгограде

Что касается буккроссинга в Саратове, то он также представлен в городских кафе и в парках. Что касается кафе, то в них расположены полки в основном с современными писателям: Дарьей Донцовой, Харуки Мураками, Олегом Роем, Сергеем Лукьяненко. Встречается и классика (А. Дюма, Н.Г. Чернышевский). Существует полка буккроссинга и в таком общественном заведении, как Дом кино в Саратове.

Как показывает практика изучения буккроссинга в Волгограде и Саратове, книжные полки либо пустуют, либо пополняются в основном старыми книгами. Означает ли это, что городской обыватель – не читающий и не образованный человек? Думается, что нет. Ведь если пусты библиотеки, означает ли это, что люди не ходят в них и не читают книг? Нет, читают, и читают довольно много. Достаточно зайти в любой книжный магазин, в котором всегда много посетителей. Просто в силу технических средств и отсутствия времени, изменяется облик и поведение читателя, который, на наш взгляд, приобретает следующие черты:

✧ Современный городской читатель – человек динамичный, подвижный. В силу высокого темпа городской жизни и отсутствия времени, он даже по инерции уже не может быть усидчивым: долго сидеть и изучать материал. У него просто не хватает на это времени. Книжная культура перестает быть предметом досуга, она становится атрибутом подвижной городской жизни и должна не «застывать» в библиотеке, а быть такой же мобильной, как и сам читатель: перемещаясь вместе с ним в метро, городском транспорте и других объектах городской среды.

✧ Большое влияние на книжную культуру оказало развитие технических средств связи. Современный читатель – человек «кликающий», привыкший получать информацию мгновенно, путем нажатия на кнопки¹. За последние 5–7 лет отчетливо проявилась тенденция читать тексты с КПК, смартфона, мобильного телефона. Однако модели с более-менее подходящим качеством экрана еще дороги. За аналогичные деньги многие предпочитают купить ноутбук. Вышесказанное касается и владельцев таких специальных устройств для чтения, как электронная книга (PocketBook, E-Book Reader и т.п.) Хотя эти устройства не могут быть использованы для других целей, зато обеспечивают максимальный комфорт при чтении. В силу дороговизны и проблем с нелицензионными текстами доля пользователей букридерами пока невелика. Тем не менее, в течение ближайшего года около 18 % пользователей Рунета «безусловно» и 22 % «ско-

¹ См.: Ионин Л. Новая магическая эпоха. [Электронный ресурс]: http://netgorod.narod.ru/articls/ionin_stattia.htm. Дата обращения: 5.11.2016.

рее» рассматривают возможность покупки электронной книги. Технический переворот в средствах чтения способствовал не только росту аудитории, читающей электронные тексты более чем в 2 раза, но и росту позитивного отношения к нетрадиционному способу чтения, что является основой для формирования новой читательской культуры.

✂ Современный читатель является порождением массовой культуры, которая создает виртуальные, искусственные формы жизни, в том числе и искусственные формы городского читателя. Формируется образ псевдочитателя: «как правило, псевдочитатель критикует всё новое, что подпадает под его взор. Не критикует то, что основано на пристрастиях юности (детства) или широко разрекламированные книжки, ругать которые есть «быть лохом в глазах сетевого планктона». Обычно псевдочитатель не имеет отличительных черт, элементарно неизвестен его пол или возраст, а известен только ник»¹.

Современная культура меняет и восприятие книги в глазах городского человека, и способы бытования книги как специфического материального объекта, и ее социально-антропологические свойства. Книга становится для современного горожанина средством заполнения свободного времени по дороге на работу и домой. Но при этом сохраняются основные социокультурные функции книги, состоящие в способности свидетельствовать об уровне образования горожан, их книжной культуре; о сформированности специфической городской культурной среды, удерживающей книгу как интеллектуально нагруженный объект от утилизации и полного исчезновения; о ментальности коллективного субъекта (горожан), придающего книге новый формат существования и бытования в современных городах; о читательских вкусах и предпочтениях горожан; об эстетическом вкусе и прагматическом умении дизайнеров городской среды привлекательно и комфортно для пользователей обустроить пункты буккроссинга в городском пространстве.

¹ Ангелов А. Как продать свой самиздат! М.: Автор, 2013. С. 23.

Самодетельный дизайн городских дворов Волгограда в аспекте антропологии вещи

*Не ищите красоты фасадов,
На фасадах только имена...
<....>
Во дворах ютятся времена.
В. Плющиков*

Актуальность изучения самодетельного дизайна городских дворов как феномена повседневной жизни Волгограда связана с возможно непреднамеренным игнорированием представителями социально-антропологических наук при изучении городской культуры такой ее «изнанки», как обустроенное жильцами пространство дворов и само народное творчество по организации такого пространства. В современных социально-антропологических науках сложилась и существует тенденция к исследованию таких сфер жизни людей, которые сложно артикулируются на уровне крупномасштабной политической и экономической истории, философии и теории культуры, аксиологии, осмысливающих образ жизни, привычки мышления и стереотипы социального поведения больших групп людей (народов, наций) на протяжении больших отрезков истории – это стремление к изучению микромасштабного мира повседневной жизни людей в локальных малых сообществах. Актуальные направления таких исследований в настоящее время – культурологическая урбанистика и культурная антропология города, изучающие микромиры городской повседневности.

Повседневная жизнь горожан – это «те впадины и складки этой жизни, в которых мудрено увидеть ценность. Места, состояния, ситуации, человеческие типы, которые, кажется, не за что любить, о которых как будто и сказать-то нечего (кроме разве горьких вздохов да раздраженного ворчания) – и они так и существуют без любви и слова, в сумеречной зоне, вслепую»¹. Очень верно и точно отмечает в повседневной жизни некую тотальную настоя-

¹ Балла-Гертман Ольга. Опыты краеведения // Сайт «Радио свобода», рубрика «Книжный шкаф». 2.07.2016. URL: <http://www.svoboda.org/a/27769554.html> (дата обращения – 20.08.2016).

шесть бытия Ольга Балла-Гертман: «Повседневность парадоксальна, насыщена глубинными токами, которые, казалось бы, в любой момент готовы её в клочки разнести <...>, в ней ухитряется помещаться абсолютно всё. Это – картина без рамы. Любой тип опыта, претендующий быть особенным, непременно заключён в какую-то раму – выключен из повседневности, обставлен особыми условиями и условностями: литература, театр, наука, философия... Они как раз существуют за счёт того, что в них многого – принимаемого в данной ситуации за лишнее – нет, оно из них выключено. А вот повседневность не исключает из себя ни-че-го. В неё всё помещается: и смерть, и небо, и мытьё посуды, и неистовая любовь, и ковыряние в носу, и рождение, и сон до полудня – и всё это живое и сильное – и просвечивает друг в друге – именно потому, что оно *вместе*. Может быть, поэтому так называемая повседневность – самый сложный – и самый перспективный – объект рефлексии вообще и изучения в частности»¹. Это верно как в отношении исследования обыденной частной жизни всякого отдельного человека, так и для изучения повседневной жизни локальных городских сообществ.

В исследовании материального микромира городской повседневности главными единицами измерения являются человек и вещь. Поэтому корректно назвать в качестве предметной области и принципиального методологического подхода в исследовании вещественных сред и практики обыденной жизни горожан антропологию вещи (или реологию). Статусы вещи в культуре многообразны. Вещи не только удовлетворяют самые разные потребности людей, но также фиксируют значимую информацию об их создателях, обеспечивая передачу опыта и трансляцию ценностных смыслов, и, таким образом, способствуют социализации каждого нового поколения. Многообразие вещей в современной культуре может быть объяснено и упорядочено только в связи с человеком – творцом и пользователем. В свою очередь, изучение отношения к вещам углубляет онтологические представления о человеке, способствует постижению целостности его проявлений в бытии. По-

¹ Балла-Гертман Ольга. Упражнение в бытии. Часть I // Электронный журнал «Литература». № 87. URL: <http://litteratura.org/publicism/309-olga-balla-gertman-uprazhneniya-v-bytii.html> (дата обращения – 17.11.2016).

становка проблемы изучения вещи как феномена повседневной частной жизни горожан в структуре городской культуры придает его исследованию философский статус, целостность и глубину.

В повседневном бытовании вещи в современных городах можно усматривать сложные культурные «диагнозы» и прогностику. Так например Л. В. Щеглова, исследующая культурный микромир «Птички (Железки)», блошиного рынка в Волгограде, отмечает «мощную протовиртуальность объектов барахолок, их стремление выжить и найти свое место в новом контексте. Символическую ценность таким объектам придает не просто их историчность и вуайеричность, где вектор времени повернут в прошлое. Здесь формируется другая, возможностная, форма общения человека и предмета (где вектор повернут в будущее), в котором предмет имеет силу не только информировать, но и трансформировать субъектов взаимодействия»¹.

Татьяна Быстрова, исследующая вещь как предмет дизайна, полагает, что «сложность исследования вещи <...> заключается в том, что она выступает материализованным «сгустком» очень многих идеальных и предметных тенденций и процессов: вещь – это часть культуры и элемент будущего окружения потребителя; результат проективной деятельности конкретного дизайнера и элемент той или иной социально-экономической системы. Она удовлетворяет различные потребности человека, от витальных до экзистенциальных»². Ольга Балла, размышляя о связи вещи с человеком и культурой, отмечает: «Встраивается ли вещь, избавленная от своей бытовой функции, в иные, отвлечённые порядки, <...> любитесь ли она в этих порядках своей нежданной самоценностью, – или выбрасывается, всякой ценности лишаясь и заставляя человека ломать голову над тем, как бы от неё поскорее и понадежнее избавиться, – в каждом из этих случаев она начинает претендовать на то, чтобы всерьёз менять человека, неосторожно вызвавшего её к жизни. Она становится человеку и всему, что он

¹ Щеглова Л. В. Блошиный рынок как культурный феномен // «Сервис Plus». 2016. – № 1. – С. 81–88.

² Быстрова Т. Ю. Феномен вещи в дизайне: философско-культурологический анализ. Автореферат на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.13 – религиоведение, философская антропология, и философия культуры. Екатеринбург, 2003.

успел обжить и одомашнить – вызовом. Вещь вообще – штука оптическая. Пока она живёт в отведённых ей культурой и природой рамках, она прилежно занимается оформлением и подтверждением привычных человеку контекстов. Да, она настраивает нам зрение, фокусирует его на определённых областях существования - в том числе <...> и таких, которые к этой конкретной вещи не имеют ни малейшего отношения, но которые мы с нею связываем»¹.

Вещь и вещественное могут быть значимыми элементами осознания различных уровней и типов идентичности, в частности идентичности, связанной с местом проживания, территорией, городом. В настоящее время вещь становится предметом дизайна городской среды, оказываясь связанной с другими многообразными вещественными средами и практиками городской повседневной жизни. И если «парадная», «фасадная» сторона городского пространства и места вещи в нем достаточно полно изучена градостроителями, архитекторами, дизайнерами, урбанистами, культурологами и продолжает активно исследоваться в этих областях науки, то городская «изнанка», такая, как дворы, дворовое пространство и дворовая культура, до настоящего времени все еще не стала устойчивым предметом изучения в социально-гуманитарном знании, поэтому актуальным является введение в научный оборот этого феномена.

Каков же статус двора как феномена повседневной культуры городов? Андрей Гусаров, исследующий дворы как феномен культуры на примере Санкт-Петербурга, убежден, что «история дворов – участков земли, огороженных и непосредственно примыкающих к тому или иному зданию, началась задолго до появления на карте» современных городов. При этом важно, что «время мало что изменило в форме и в назначении участка рядом с жилым домом – как и тысячелетия назад, современная дворовая территория либо расположена внутри многоэтажного здания или ряда зданий (комплекса), либо примыкает к частному дому со стороны противоположной улицы. И в первом, и во втором случае речь идет о непа-

¹ Балла Ольга. Послесловие к вещи. Как живут предметы за пределами самих себя // «Ex Libris-НГ». Приложение к электронному изданию «Независимая газета». URL: http://exlibris.ng.ru/koncept/2011-12-08/7_thing.html (дата обращения – 26.10.2016).

радной стороне жизни обитателей дома, ведь не зря же во дворах <...> ставят мусорные баки, а владельцы частных домов отдыхают во дворе за домом вдали от посторонних взглядов»¹.

Существенно, что без такой изнаночной стороны жизни горожан, как дворовая, города не были бы той формой сосуществования и взаимодействия людей, которой являются. Дворовая культура – это и специфическая социальность, формы общения и группового поведения (игры в домино и шашки; дворовые состязания в волейболе, футболе, хоккее; дворовые сплетни как неустрашимый и незаменимый источник информации о соседях и происходящем); это и особое, сокрытое от глаз, одомашненное жизненное пространство. «Дворы, – полагает А. Гусаров, – особенно дворы рядовой застройки города, в наибольшей степени отражают душу города, его *Genius loci* живет там, как духи реки или леса»². Американский урбанист Кевин Линч определял образ города как единое целое, состоящие из путей (маршруты жизни человека), границ (все объекты этого маршрута), районов (участки, с единым началом), узлов (городские центры) и ориентиров (ключевые точки). В этой модели двор как часть образа города, входит в число таких элементов, как путь и граница – на самом низком, бытовом уровне. Но в более крупном плане, двор, как центр или ориентир, тоже проявляется и становится уже неотъемлемой частью общего городского ландшафта, без которого невозможно понять суть города, увидеть его неповторимый образ, «прочитать» его как текст³.

Этот дворовый текст, вписанный в общий контекст городской материально-вещественной среды, в последние годы существенно изменился. Появились новые объекты и феномены, требующие специального изучения. Один из пока еще недостаточно исследованных урбанистами, культурологами, фольклористами статус вещи как феномена городской повседневности – это ее бытование и использование в дизайнерском народном творчестве при обустройстве и украшении городских дворовых пространств само-

¹ Гусаров Андрей. Петербургские дворы. Необычные дворы, курдонеры, дворы-колодцы, проходные дворы. – М.: Центрполиграф, 2015. – С. 12.

² Там же. С. 23.

³ Шипицин А. И. Городское пространство как текст // Исторический город: традиции и креативность. Коллективная монография / Отв. ред. М. Б. Пиотровский, А. А. Никонова, Л. В., Никифорова. – СПб., ЭЙДОС, 2012. – С. 107–118.

дельными и фабричными арт-объектами, рукотворными скульптурами, композициями, прихотливыми инсталляциями, конструкциями. «Городское народное искусство», «стихийный дворовый псевдо-дизайн», «партизанские формы городского искусства»¹ – вот наиболее часто употребляющиеся варианты концептуализации урбанистического искусства самодельного украшения дворов в тезаурусе исследователей городской повседневной культуры и вещественно-антропологической среды городского пространства. Причем такие исследования проводятся за пределами собственно теоретического осмысления и чаще всего обсуждаются на форумах, чатах, конференциях в Интернет в публицистическом жанре. В своих постах о дворовой эстетике блогеры называют эту форму творчества «ЖЭК-арт» и «бабка-дизайн»², профессиональные художники и дизайнеры, определяя место стихийного дворового творчества в системе искусств, называют его экоарт, паблик-арт или народное искусство. К народному искусству дворовый дизайн относят исходя из таких его свойств, как анонимность, повторяемость, основанность на специфических чертах народного мифологического игрового сознания и особая форма предъявления публике. «Народное искусство плохо экспонируется, потому что иначе устроено. Это игра, и играя, носитель фольклорного сознания переживает историю, а не добывается результата»³.

Блогер Наталья Конрадова, пытливно изучающая эти новые формы городского дворового народного искусства, которые она называет «рукодельные космосы», пишет: «Как связаны друг с другом русалка в парче, пластмассовые аисты, картонные вороны, лиса из строительной пены, выпиленная лобзиком сова, несколько сваренных из арматуры подставок под цветочные горшки в форме цапель, сплетенная из ниток паутина, ряд искусственных пеньков, покрашенных под березу, и фабричные мягкие игрушки? Они выглядят как свалка при доме культуры – их не связывает ни сюжет, ни композиция. Тем не менее, эти лебеди и русалки – самое настоящее народное искусство, будущий предмет диссертаций этногра-

¹ Конрадова Наталья. Во дворе творя // Сайт «Большой город». URL: http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http%3A%2F%2Fn2.bg.ru%2Fcity%2Fvo_vdore_tvorja-16450 (дата обращения – 12.09.2016).

² Там же.

³ Там же.

фов и фольклористов»¹. Ее информант на вопрос о причинах и мотивах ее дворового творчества ответила: «Захотелось навести порядок, избавиться от окурков и шприцев, которые валялись под окнами». И это не вполне правда, как считает Н. Конрадова: «Эта логика кажется мне странной: чтобы под окнами не было окурков и шприцев, надо просто их убрать, и мягкие игрушки и сказочный колодец тут ни при чем. Значит, речь идет все-таки не о простой уборке, а о замене прежнего порядка новым. Точнее о сотворении мира. Этот мир не так хорошо структурирован, как настоящий фольклорный, <...> но главное, что хаос окурков и шприцев в итоге уступает место космосу мисок-мухоморов и джинсовых змей»². Иными словами в основе такой на первый взгляд примитивной практики, как народное обустройство и украшение городских дворов, лежит сущностная культуротворческая, космоцентрическая или даже теургическая специфика всякой человеческой деятельности. Как отмечал Н. А. Бердяев, «теургия не культуру творит, а новое бытие, теургия – сверхкультура. Теургия – искусство, творящее иной мир, иное бытие, иную жизнь, красоту как сущее. Теургия преодолевает трагедию творчества, направляет творческую энергию на жизнь новую»³.

Дворовое народное творчество появилось и распространилось в последние годы и в Волгограде. Эмпирические наблюдения и фотоэкспедиции по городу позволили накопить достаточный материал для типологизации форм дворовых самодельных произведений и «дизайнерских проектов».

1) Изделия из старых автомобильных покрышек. Это наиболее традиционные, давно отработанные по материалу и способам использования формы городских самоделок (Рис. 1, 2). Чаще всего – это клумбы для цветов и вырезанные из покрышек птицы (лебеди, фламинго), реже драконы с использованием большого числа покрышек, вкопанных последовательно в землю, образуя длинное тело фантастического существа. Покрышки – очень доступный, и постоянно возобновляемый (из-за износа) материал для дворовых

¹ Конрадова Наталья. Во дворе творя // Сайт «Большой город». URL: http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http%3A%2F%2Fn2.bg.ru%2Fcity%2Fvo_vdore_tvorja-16450 (дата обращения – 12.09.2016).

² Там же.

³ Бердяев Н. А. Смысл творчества. – М., 2010. – С. 57.

«скульптур», дворовые умельцы лишь изобретают новые дизайнерские решения и способы декора своих изделий. «Как ни смешно, это искусство с экологическим уклоном. Потому что препа-рация шин – это экоарт, конечно», – говорит Дмитрий Пиликин, художник, критик и куратор. Он считает, что для появления такого типа искусства важнее всего наличие самого материала. Если ты живешь на свалке, то рано или поздно начнешь ваять из мусора¹.

Рис. 1

Рис. 2

2) Композиции с использованием старой сантехники, в частности унитазных бачков (Рис. 3), которые, будучи врытыми в землю, становятся импровизированными клумбами или мини-прудами, емкостями для полива цветов и других дворовых насаждений.

¹ Конрадова Наталья. Во дворе творя // Сайт «Большой город». URL: http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http%3A%2F%2Fn2.bg.ru%2Fcity%2Fvo_vdore_tvorja-16450 (дата обращения – 12.09.2016).

Рис. 3

3) Традиционные неуникальные, тиражируемые в самых разных дворах «мухоморы», выполненные из старых тазов, выкрашенных в цвет гриба и прибитых выпуклой частью вверх на пни.

4) Изделия, выполненные из нового типа городского мусора – пластиковых бутылок (Рис. 4), монтажной пены и др., легко поддающихся обработке, в том числе и мелкой (эффект бахромы, пушистой зелени растений), обладающих такими свойствами, как легкость, тонкая текстура, яркий цвет, прозрачность, позволяющие дворовым творцам достигать нужных художественно-визуальных эффектов. Чаще всего это искусственные растительные объекты – пальмы, ели и др.

Рис. 4

5) Еще один новый, даже уникальный, тип арт-объектов дворового дизайна – это выставленные, привязанные к деревьям, усаженные на пеньки, развешанные на деревьях или иным образом расположенные в дворовом пространстве игрушки, принесенные заботливыми руками дворника или эстетически настроенного жильца со свалки. Это новая практика, связанная с несколькими культурными, социально-психологическими и техническими основаниями и причинами.

Техническая причина проста – работа с автомобильными покрывками требует физической силы, игрушку же можно просто прикрепить к выбранной поверхности (дереву, заборчику) или просто усадить на пенек или выступ дома.

Рис. 5

Рис. 6

Игрушки в настоящее время – это один из новых видов городского мусора. Значимым социально-экономическим и культурным основанием этого является то, что индустрия детства сейчас достигла такого предела, когда устаревание игрушек синхронизировано не с жизненными циклами людей (взрослеющих и расстающихся с игрушками, оставляя их «в наследство» младшим братьям и сестрам, своим детям), а с циклами экономическими, основанными на моде, на сюжетах и персонажах массового кинематографа и мультипликации, которые стремительно сменяются все новыми и новыми, что приводит к потоку совершенно новых, по-

чти без следов использования в играх детей, игрушек – плюшевых животных, больших кукол, отправляющихся на свалку.

К социально-культурным и экономическим причинам распространения использования в дворовом декоративном творчестве игрушек стоит отнести изменение ситуации с городским жильем. Очевидно, что повысившаяся в последние годы динамика смены жилья волгоградцами также влияет на массовый вброс в дворовые инсталляции игрушек прошлых поколений. Переезжая в другую квартиру, часто именно старые игрушки оказываются тем ненужным на новом месте хламом, от которого избавляются. Въезжая в купленную на вторичном рынке жилья квартиру новоселы выбрасывают оставшиеся от прежних жильцов вещи, в том числе и игрушки. Таким образом на свалках пополняется запас материалов для дизайнерских проектов дворовых творцов.

Речь идет об игрушках старых не по критерию ветхости, а по культурно-символическому поколенческому признаку. Соответственно людям тех поколений, на которые пришелся массовый выпуск именно таких типов и форм игрушек, очень жалко смотреть на них как на часть мусора, и они, испытывая ностальгические чувства по поводу своего ушедшего детства, ушедшей той эпохе, изымают игрушки из мусорных баков и переносят в новую сферу их бытования – в украшение двора. Информант Ирина (45 лет), волгоградская дворничиха (район Тулака, двор дома № 5 по улице Авиаторская), на вопрос «А зачем Вы принесли игрушки и рассадили их в приподъездной клумбе?» отвечает: «Ну как же, жалко же. Вот и принесла со свалки, из бака вынула. Мы в такие играли в детстве. У меня вот точно такой же медведь был».

Спрашиваю у Ирины: «А вот я смотрю, тут на дереве уже давно игрушечная обезьяна висит, но сегодня как-то по-другому выглядит, пушистее стала. Вы ее постирали что ли?». Ирина отвечает: «Нет, это другая обезьяна, прежнюю украли, и я новую похожую повесила» (Рис. 5). Этот эпизод свидетельствует о том, что старые игрушки как предмет стихийного дворового дизайна привлекательны для неимущих людей, которые из дворового пространства возвращают их в пространство домашнее.

Примечательно, что дворовые дизайнеры создают определенную мифологию вокруг своих игрушечных питомцев. Информант Ирина сидит напротив подъезда, рядом с которым клумба

украшена ее инсталляциями из игрушек, в частности, вышеупомянутая обезьяна. Мимо проходит старушка и спрашивает: «Зачем это Вы тут повесили на деревья игрушки?», на что Ирина в шутку отвечает: «А это, бабушка, чтобы собак отпугивать». Старушка не понимает шутки и продолжает диалог: «И что правда пугаются?». Ирина смеется в ответ.

Другой информант Борис Александрович (79 лет) в своем дворе (дома № 18 по улице Чапаева в Центральном районе Волгограда) устроил, как он говорит, «ресторан для птичек» – развешанные на кустах и деревьях игрушки (Рис. 7, 8) разных поколений (и плюшевые медведи и собаки 1970–1980-х годов, и куклы Барби, и лошадки Литл-пони) в его ЖЭК-арте сочетаются с кормушками для птиц самых разных конструкций (из пластиковых бутылок, пластмассовых и картонных коробок). Он по собственной инициативе высаживает и поливает кусты и деревья под своими окнами (живет на первом этаже), кормит птиц и время от времени обновляет или ремонтирует свое творение. С горечью и дрожью в голосе рассказывает истории об агрессивных соседях, разрушающих его «ресторан для птичек», выбрасывающих на свалку игрушки и кормушки и даже однажды вызвавших наряд полиции.

Рис. 7

Рис. 8

В ходе исследования был выявлен важный факт: феномен дворового стихийного народного дизайна тесно связан с другими городскими повседневными практиками. Это в первую очередь собственно рукотворное изготовление объектов для самых разных целей и сред функционирования, описываемое пока еще не усто-

явшимся понятием «крафт». Городская культура профессионального хэнд-мейд творчества¹ породила «новый культурный феномен – крафт, требующий отдельного теоретического осмысления в рамках культурологического и социально-антропологического знания, реалогии как самостоятельного раздела современной гуманитаристики, исследующей вещи и вещественные практики в культурно-антропологическом аспекте. Узкая сфера компьютерных игр, где понятие «крафт» зародилось и бытовало некоторое время, исчерпана, понятие и сам феномен вышли за ее пределы. Его фактическое употребление уже имеет свою историю и даже появились самостоятельные вторичные словообразовательные формы в современном культурном тезаурусе – «скрафтить» (изобрести, найти адекватные замыслу материалы, выработать технологию изготовления, собственно изготовить объект – костюм, атрибут и др.), «крафтеры и крафтерши» (новые творцы – гении-изобретатели, инженеры, дизайнеры, мастера-изготовители, менеджеры) и т.д. Часто происхождение термина связывают с безликим английским «крафтинг» – производство. С немецкого же «крафт» переводится как сила, усилие, мощь, энергия, живая сила. Полагаю, что именно в этой интерпретации оно обрело смысл аутентичности, вещественной крепости, силы «настоящести» произведенного вручную объекта – костюма, атрибута, орудия или оружия и т.п., определенным уникальным образом связывая а) человека как субъекта всякого творчества, б) его замысел, идеи и творческие потенции, в) собственно процесс создания, усилие, вложенное в дело как специализированное ремесло, г) конечный продукт, д) социально-антропологическую и символическую среду представления и бытования этого объекта <...> е) <...> сообщество/содружество, то есть людей, разделяющих общие цели и ценности, объединенных общими практиками»². Возникновение и распространение такого явления, как крафт, в современных горо-

¹ Елистратова Е. А., Шипулина Н. Б. Значение handmade творчества в культуре Волгограда: сообщества и практики // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. – 2016. – № 3. – С. 76-82.

² Шипулина Н. Б. Косплей-фестивали в Волгограде: субъекты, феномены, практики в городской культуре // 21 century: fundamental science and technology VIII: Proceedings of the Conference. North Charleston, 25-26.01.2016, Vol. 3 – North Charleston, SC, USA: CreateSpace, 2016. – P. 22-23.

дах – это один из симптомов усталости от цивилизации. И если дауншифтинг связан с переездом горожан в деревню и переходом от урбанизированного к сельскому образу и способу жизни, то крафт – это компромиссный вариант, позволяющий, не уезжая из города, реализовать стремление к архаизированным формам домашнего самостоятельного ручного производства вещей.

Еще одна повседневная практика, связанная с дворовым дизайном – это оформление внутреннего пространства подъездов жилых домов, создание специфического одомашненного интерьера, выходящего за границы собственной личной квартиры, например, установление комнатных цветов в горшках на лестничных пролетах (Рис. 9). Здесь, полагаю, проявляется такая социальная характеристика волгоградцев, как приверженность сельскому образу жизни, так как многие современные горожане – это переехавшие из деревень люди, то есть горожане только в первом/втором поколении. Соответственно все прилегающие к дому пространства ими воспринимаются как продолжение своего жилья, и поэтому эти бывшие сельчане одомашнивают и подъезд, и двор. Таким образом, они с одной стороны как бы присваивают себе эти пространства, с другой – разделяют это свое пространство с другими жильцами многоквартирного дома, представляющими собой своеобразную общину, сообщество со своими внутренними правилами, способами заботы о своем доме и дворе. Об этом же феномене свидетельствуют организованные рядом с жилым домом овощные грядки, посаженные у подъездов фруктовые деревья, построенные и используемые погреба (Рис. 10).

Рис. 9

Рис. 10

Значимым объектом городского пространства, как нам видится, являются не только птицы, о которых речь шла выше, но и другие животные, например, кошки. Они выступают важным объектом заботы жильцов многоквартирных домов, им устраивают специальные места для кормления, устанавливают посуду для еды и питья. Сами животные становятся украшением дворового пространства и эстетически привлекательной «вещью в городском интерьере» (Рис. 11 – кошка двора дома № 14 по улице Туркменская в Волгограде; Рис. 12 – кот во дворе дома на пересечении Рабоче-Крестьянской улицы и улицы Ким Ворошиловского района Волгограда).

Рис. 11

Рис. 12

Дворы в Волгограде, как и во многих провинциальных городах России, в последнее время представляют интерес как специфические пространства соприкосновения (если не столкновения) двух уровней организации городской повседневной жизни, ориентированных на благоустройство, улучшение качества жизни современных волгоградцев – 1) официального, курируемого городским управлением, комитетами и ведомствами, отвечающими за благоустройство, и осуществляемого жилищно-коммунальными службами; и 2) неофициального, неформального, идущего от частных инициатив горожан, и осуществляемого в их собственных непрофессиональных стихийных практиках – дизайнерских, творческих, ремесленных. На первом уровне принимаются решения, разрабатываются проекты, получающие серьезную финансовую поддержку. На уровне частных инициатив горожан высказывается

критика, выражаются сомнения насчет целевого использования выделенного финансирования, порой оказывается сопротивление властным решениям. Так например в июле 2016 года в Волгограде запущен проект «Наш двор – наш дом» – комплексная программа благоустройства внутридворовых территорий Волгограда, рассчитанная на 5 лет и реализуемая при поддержке первого заместителя руководителя администрации Президента Вячеслава Володина. На проект выделено 300 миллионов рублей. «В Волгограде вопросы приведения в порядок дворовых территорий – самые сложные, – подчеркнул глава региона Андрей Бочаров. – У нескольких поколений горожан сложилось неверие, что проблему можно сдвинуть с мертвой точки. Чтобы привести в порядок среднестатистический двор, нужно от 5 до 15 миллионов рублей. Такие средства никакой собственник жилья не найдет. Решить эту задачу власти отдельно без жителей и жителям без власти – невозможно. Решить ее можно только сообща. Со своей стороны мы возьмем на себя самое затратное и дорогостоящее: внутридворовые проезды, освещение, тротуары, подходы к подъездам»¹. Участие в проекте конкретных дворов Волгограда имеет конкурсный характер, пока в проект попали 58 дворов, в которых приведут в порядок тротуары и дороги, и 67, в которых установят детские площадки. Но в этой связи возникает много вопросов: как именно будет организовано это «сообща»?; что такое среднестатистический двор?; как именно будет осуществляться общественный контроль? и т.п. Такие проекты безусловно важны, но очень часто мы сталкиваемся с ситуацией, когда такое благоустройство «сверху» ведет не к улучшению городской среды, а к лишению ее живого органичного содержания, ее уникальности. И дело не в консерватизме и традиционализме горожан, воспринимающих инновации как опасность утраты привычного. Речь идет о культурно-органичном энергетическом вырастании той целостности, которой и является город,

¹ «Наш двор – наш дом». В Волгограде приведут в порядок дворы многоэтажек // Сайт «Аргументы и факты. VLG.AIF.RU». URL: http://www.vlg.aif.ru/politic/gover/nash_dvor_nash_dom_v_volgogradе_privedut_v_poryadok_dvory_mnogoetazhek. (дата обращения – 12.09.2016).

целостности, вызревающей постепенно, не терпящей резких перемен, порой их просто игнорирующей, а порой активно им сопротивляющейся. Так и с дворовой культурой: унифицированные детские площадки (эстетическая привлекательность, качество и безопасность которых непредсказуемы), установленные в ходе реализации проекта, могут сделать городские дворы похожими друг на друга, а обжитое место станет благоустроенным, но безликим и безжизненным.

Хотя можно отметить и удачный опыт взаимодействия городских властей и горожан по благоустройству своего города. Например, проект последних лет «Мой город» (где «мой» – это императивная форма глагола) «Академии успеха» Волгоградского филиала Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, в ходе которого студенты облагораживали городские пространства, высаживали кусты и деревья.

В сентябре 2007 года в Волгограде в рамках празднования Дня города прошла акция «Наша цивилизация» под эгидой Комитета по делам молодёжи Администрации Волгоградской области и клуба деловых людей «Деловое Поволжье», в ходе которой волгоградские художники, учащиеся художественных школ и студий Волгограда в Городском парке в течение нескольких часов изготавливали креативные скульптуры на основе заготовленных каркасов (в форме тела человека в полный рост) из городского мусора, предоставленного волгоградскими предприятиями (бракованные конфетные обертки кондитерской фабрики «Конфил»; упаковочный мусор волгоградских кафе и ресторанов и т.п.). По смыслу это было полинасыщенное событие, которое одновременно включало и художественное, и экоурбанистическое, и рекламномаркетинговое содержание, хотя по форме – освобождение города от мусора и переводение его в сферу художественных практик (Рис. 13, 14, 15).

Рис. 13

Рис. 14

Рис. 15

Еще одна удачная инициатива связана с благоустройством парков и скверов в районах Волгограда, далеких от городского центра (Рис. 16 – план реконструкции парка в районе Тулака).

Рис. 16

Итак можно выделить ряд значимых характеристик, социально-культурных функций и культурно-антропологических особенностей дворового самостоятельного дизайна как феномена современной городской повседневности Волгограда.

Во-первых, потребность горожан к «партизанскому» благоустройству и украшению своих дворов, является следствием социально-экономической и культурной ситуации, при которой современные российские горожане в большинстве своем – это «вчерашние» жители сел и деревень, которые в силу привычки стремятся обустроить и украсить дворовое пространство рядом с жилым многоквартирным домом самостоятельно, вручную, исходя из своих эстетических представлений и вкусов, дизайнерских решений, ремесленных навыков и подручных доступных материалов, не прибегая (и не доверяя) к квалифицированным специалистам в сфере дизайна городской среды и урбанистической эстетики, а также к городским коммунальным службам.

Во-вторых, стихийный народный дизайн дворов – это специфическое проявление такого свойства российского менталитета и образа жизни, которые стало принято называть «обществом ремонта»¹. Это такая установка коллективного сознания и бытового поведения и жизненная стратегия, которые ориентированы на использование вещей в режиме безотходности, при котором изменяется их функциональная маркированность, и каждая вещь циклически перерастает из одного состояния в другое, а потом в следующее до полного истлевания, исчезновения. И если у советских поколений причиной была нехватка товаров, то в настоящее время – это неосознаваемая привычка бытового сознания и поведения, транслирующаяся в семейном воспитании и все еще не искорененная из повседневной жизни горожан.

В-третьих, феномен дворового народного стихийного дизайна – свидетельство носталгической специфики российского менталитета в целом и волгоградской идентичности в частности. Вещи, из которых спонтанные дворовые дизайнеры изготавливают

¹ Бредникова Ольга, Ткач Ольга. «Грязная деревня» и «замусоренный город» (обыденные практики обращения с мусором в разных сообществах) // Антропологический форум. № 8. С. 342.

свои инсталляции, часто принесены со свалок мусора¹. Но некоторые категории вещей не просто функционально привлекательны, а нагружены эмоционально, то есть представляют собой вещественные накопители коллективной памяти поколений людей и в этом своем коммеморативном качестве специально сохраняются и поддерживаются (старые игрушки, мебель, посуда, сантехника). Эти выброшенные людьми на свалку вещи, «изгнанные» из своего актуального повседневного мира, дворовые умельцы любовно изымают (спасают) из мортализированной сферы их утилизации и возвращают в пространство живое, давая им новую жизнь и, по сути, отменяют метафизическую возможность смерти вещей.

В-четвертых, использование в дворовом дизайне вещей, вышедших из сферы актуального использования в домашнем обиходе, – показатель сентиментальной чувствительности россиян к малому и жалкому, ничтожному и ветхому как возвышенному². Старые вещи используются в оформлении дворового пространства, самодельных клумб как осколки прежней красоты, не находящие себе другого места «обитания».

В-пятых, в феномене самодельного дворового дизайна отражается принципиальная стержневая созидательная творческая потребность человека – креаторная или даже теургическая потребность сотворения своего собственного бытия, собственного мира. Это важно для такого культурно-органичного феномена, как город, обладающего своей собственной аурой, энергетикой, судьбой.

¹ Фуртай Франческа. Мусор – от руин до свалки: аксиологические перспективы современной культуры // Международный журнал исследований культуры International Journal of Cultural Research. № 1(2). 2011. URL: www.culturalresearch.ru (дата обращения: 26.10.2016).

² Лишаев Сергей. Старое и ветхое: Опыт философского истолкования. – СПб.: Алетей, 2010. – 208 с. (Тела мысли). С. 45.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абашев, В. В. Пермская монументальная риторика местной идентичности: памятники, эмблемы и арт-объекты в пространстве города / В. В. Абашев // Лабиринт. – 2015. – № 1. – С. 66–79.

Аверинцев, С. С. «Красота как святость» / С. С. Аверинцев // Курьер. – 1988. – Июль. – С. 12–13.

Ангелов, А. Как продать свой самиздат! / А. Ангелов. – М.: Автор, 2013.

Анциферов, Н. П. Непостижимый город. – Л., 1991.

Балла, Ольга. Послесловие к вещи. Как живут предметы за пределами самих себя // «Ex Libris-НГ». Приложение к электронному изданию «Независимая газета». URL: http://exlibris.ng.ru/koncept/2011-12-08/7_thing.html (дата обращения – 26.10.2016).

Балла-Гертман, Ольга. Опыты краеведения // Сайт «Радио свобода», рубрика «Книжный шкаф». 2.07.2016. URL: <http://www.svoboda.org/a/27769554.html> (дата обращения – 20.08.2016).

Балла-Гертман, Ольга. Упражнение в бытии. Часть I // Электронный журнал «Литература». № 87. URL: <http://litteratura.org/publicism/309-olga-balla-gertman-uprazhneniya-v-bytii.html> (дата обращения – 17.11.2016).

Беляев, В. Л. Основы подземного градоустройства [Электронный ресурс]: монография / В. Л. Беляев. – Электрон. текстовые данные. – М.: Московский государственный строительный университет, ЭБС АСВ, 2012. – 255 с. – Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/20019>. – ЭБС «IPRbooks», по паролю.

Бердяев, Н. А. Смысл творчества. М., 2010.

Борисов, А. В Волгограде ликвидируют блошинные рынки // [Электронный ресурс] сайт «V1.ru «Новости» 3 июля 2014. URL: <http://v1.ru/text/news/814694.html> (дата обращения – 12.04.2016).

Бредникова, Ольга, Ткач, Ольга. Грязная деревня и «замусоренный город» (обыденные практики обращения с мусором в разных сообществах) // Антропологический форум. № 8. С. 338-352.

Брук, Д. История городов будущего. М.: Strelka Press, 2014. – 436 с.

Быстрова, Т. Ю. Феномен вещи в дизайне: философско-культурологический анализ. Автореферат на соискание ученой

степени доктора философских наук по специальности 09.00.13 - религиоведение, философская антропология, и философия культуры. – Екатеринбург, 2003.

Вальденфельс, Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социологос. Вып. I. М., 1991.

Вахромеева, О. Б. Откровение путешествия. Поездки студентов в прошлом и настоящем. – СПб.: ЛЕМА, 2012. – 136 с.

Веретенников, Д. Б. Подземная урбанистика [Электронный ресурс]: учебное пособие/ Веретенников Д.Б. – Электрон. текстовые данные. – Самара: Самарский государственный архитектурно-строительный университет, ЭБС АСВ, 2013. – 216 с. – Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/22623>. – ЭБС «IPRbooks», по паролю.

Визуальная антропология: городские карты памяти / Под редакцией П. Романова, Е. Ярской-Смирновой (Библиотека Журнала исследований социальной политики). М.: ООО «Вариант», ЦЕСПИ, 2009. – 312 с.

Воинская, С. Сотвори и продай. Как превратить свое хобби в Дело и добиться успеха. – М.: «Манн, Иванов и Фербер», 2013. – 256 с.

Войницкий, П. В. Демонументализация: особенности постсоветской городской скульптуры / П. В. Войницкий // Материалы докладов XIV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». – М.: Издательский центр Факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lomonosov-msu.ru/2007/session_arts.pdf (дата обращения: 09.09.2016).

Вологодина, Н. Н. Реконструкция исторически сложившихся территорий центра крупнейшего города [Электронный ресурс]: учебное пособие/ Вологодина Н.Н. — Электрон. текстовые данные. – Самара: Самарский государственный архитектурно-строительный университет, ЭБС АСВ, 2012. – 50 с. – Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/20509>. — ЭБС «IPRbooks», по паролю.

Встреча с простотой: монография / под ред. О. В. Иншакова. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. – 595 с.

Гаспаров, М. Л. Диалектика Лотмана // Ким Су Кван. «Основные аспекты творческой эволюции Ю. М. Лотмана: «иконичность», «пространственность», «мифологичность», «личность». – М.: НЛО, 2003.

Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. Сост. А. Белоусов. – М.: «Языки славянской культуры», 2004.

Герасимова, К., Чуйкина, С. Общество ремонта // Неприкосновенный запас. 2004. – С. 70–77.

Горшкова, Е. Hand-made – народный промысел 21 века // [Электронный ресурс]: Волгоград. Портал городского развития. URL: <http://www.vlg20.ru/news/1>. Дата обращения: 12 апреля 2016.

Гусаров, Андрей. Петербургские дворы. Необычные дворы, курдонеры, дворы-колодцы, проходные дворы. – М.: Центрполиграф, 2015. – 383 с.

Елистратова, Е. А., Шипулина, Н. Б. Значение handmade творчества в культуре Волгограда: сообщества и практики // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2016. № 3. – С. 76–82.

Зайонц, Л. О. «Провинция» как термин // Русская провинция: миф – текст – реальность. – М., СПб., 2000. – С. 12–20.

Запорожец, О., Лавринец, Е. Потеряться, чтобы увидеть: опыты фотографического восприятия города // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: Сб. науч. ст. / Под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой и др. – Саратов: Науч. книга, 2007. – С. 61–78.

Зукин, Шарон. Крытые блошинные рынки. Вспоминая Вальтера Беньямина // Зукин Шарон. Культуры городов / Пер. с англ. Д. Симановского. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 424 с. (Серия STUDIA URBANICA). С. 343–355.

Зукин, Шарон. Культура городов. Пер. с англ. Д. Симановского. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 424 с. (серия STUDIA URBANICA).

Иваненко, Е. А., Корецкая, М. А., Савенкова, Е. В. Манифест handmade: один сюжет о повседневности в сети и за ее пределами // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». – 2011. – № 1(9). – С. 71–88.

Игнатьева, О. В. Анализ одного проекта: «Пермская культурная революция» глазами социолога / О. В. Игнатьева, О. В. Лысенко // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2013. – № 5. – С. 69–80.

Инюшкин, Н. М. Провинциальная культура: взгляд изнутри. Пенза, 2004. С. 16–29, 37–50. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ec-dejavunet/p/Provinces.html.

Ионин, Л. Новая магическая эпоха. [Электронный ресурс]: http://netgorod.narod.ru/articls/ionin_stattia.htm. Дата обращения: 5.11.2016.

Кишик, Ю. Н. Силуэт города [Электронный ресурс]: развитие системы высотных доминант/ Кишик Ю.Н. – Электрон. текстовые данные. – Минск: Белорусская наука, 2014. – 328 с. – Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/29515>. – ЭБС «IPRbooks», по паролю.

Клейтман, А. Ю., Щеглова, Л. В. Модусы забвения в онтологии культуры: монография / Клейтман А. Ю., Щеглова Л. В.; ФБГОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФБГОУ ВПО РАНХиГС, 2012. – 152 с.

Клиффорд, Дж. О коллекционировании искусства и культуры // Контексты современности: актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории / Хрестоматия: Пер. с англ. и нем. – 2-е изд., перераб. и доп. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2000. – 176 с.

Кнабе, Г. Язык бытовых вещей // Декоративное искусство. 1985. № 1.

Кнабе, Г. С. Древний Рим – история и современность. – М., 1986.

Колористика города [Электронный ресурс]: методические указания. – Электрон. текстовые данные. – Самара: Самарский государственный архитектурно-строительный университет, ЭБС АСВ, 2013. – 84 с. – Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/22621>.— ЭБС «IPRbooks», по паролю.

Конрадова, Наталья. Во дворе творя // Сайт «Большой город». URL: http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http%3A%2F%2Fn2.bg.ru%2Fcity%2Fvo_vdore_tvorja-16450 (дата обращения – 12.09.2016).

Коняхина И. В. Философско-культурологический анализ мира повседневности // Человек-Философия-Гуманизм: Тезисы Первого Российского философского конгресса (4-7 июня 1997 г.) В 7 томах. Т. 6. Философия культуры. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1997.

Корнев, В. В. Философия повседневных вещей. – М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2011. – 253 с.

Крогиус, В. Р. Исторические города России как феномен ее культурного наследия [Электронный ресурс]: монография/ Крогиус В.Р. – Электрон. текстовые данные. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 312 с. – Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/7194>. – ЭБС «IPRbooks», по паролю.

Лейбович, О. Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40-50-х гг. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. – 295 с.

Лишаев, Сергей. Старое и ветхое: Опыт философского истолкования. СПб.: Алетейя, 2010. – 208 с. (Тела мысли).

Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – нач. XIX века) // СПб.: Искусство. – СПб., 1994.

Лотман, Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотического города // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам. № 18. – Тарту, 1984. – С. 32-34.

Мавлютов, Р. Р. Трансформация промышленных территорий крупного города как ключевой фактор его социально-экономического развития (на примере г. Волгограда) [Электронный ресурс]: монография / Мавлютов Р. Р., Лукьяница М. В., Чижо Л. Н. – Электрон. текстовые данные. – Волгоград: Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет, 2013. – 80 с. – Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/21364>. – ЭБС «IPRbooks», по паролю.

Макканелл, Дин. Турист: новая теория праздного класса. – М.: Маргинем Пресс, 2016. – 280 с.

Маккуайр, С. Медийный город: медиа, архитектура и городское пространство. М.: Strelka Press, 2014. – 392 с.

Малинкин, А. Н. Коллекционер. Опыт исследования по социологии культуры. Гос. ун-т – Высшая школа экономики, 2011. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 192 с. – (Исследования культуры).

Марков, Б. В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. – СПб., 1999.

Махлина, С. Т. Семиотика повседневности. – СПб.: Алетейя, 2009. – 232 с.

Мельникова-Григорьева Е. Безделушка, или Жертвоприношение простых вещей (Философически-семиотические заметки по пустякам). М.: НЛЮ, 2008.

Микроурбанизм. Город в деталях / Сб. статей; под отв. редакцией О. Бредниковой, О. Запорожец. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 352 с. (серия STUDIA URBANICA).

Митчел, У. Дж. Я++: Человек, город, сети. – М.: Strelka Press, 2012. – 328 с.

Морозов, И. А. Феномен куклы в традиционной и современной культуре (Кросскультурное исследование идеологии антропоморфизма). – М.: «Индрик», 2011. – 352 с., ил.

Мосс, М. Очерк о даре // Мосс М. Общество. Обмен. Личность. – М., 1996. – С. 121–169.

Назарова, М. П. Архитектурные памятники и их роль в формировании социального пространства города / М.П. Назарова // Память и памятники: материалы семинара. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. – 149 с.

Наливайко, И. М. Повседневность и проблема культурной самоидентификации (Границы культуры и культура границ) // В перспективе культурологии: повседневность, язык, общество / Рос. ин-т культурологии. – М.: Академический Проект; РИК, 2005.

Наш двор – наш дом. В Волгограде приведут в порядок дворы многоэтажек // Сайт «Аргументы и факты. VLG.AIF.RU». URL: http://www.vlg.aif.ru/politic/gover/nash_dvor_nash_dom_v_volgograd_e_privedut_v_poryadok_dvory_mnogoetazhek. (дата обращения – 12.09.2016).

Ольденбург, Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 465 с. (серия STUDIA URBANICA).

Орлова, Э. А. Введение в социальную и культурную антропологию. – М., 2008.

Охолина, Е. И. «Хэндмейд» как одна из составляющих мегаконцепта «Досуг» // Вестник Томского государственного педагогического университета // №10 (151) 2014. – С. 178–183.

Паустовский, К. Г. Повесть о жизни: в 2 т. Т. 2 – М.: Комсомольская правда: Директ-Медиа. 2014. – 624 с.

Паченков, О. Блошиный рынок в перспективе социальной политики: «бельмо на глазу» города или институт «повседневной экономики»? // Социальная политика: реалии XXI века, Вып. 2. Независимый институт социальной политики. – М.: Поматур, 2004. – С. 271–314.

Паченков О., Воронкова Л. Блошиный рынок как «городская сцена» // Микроурбанизм. Город в деталях /Сб. статей. - М: Новое литературное обозрение, 2014. – 352 с. (Серия: Studia urbanica).

Поздеева, И. В. Книга – инструмент сохранения, передачи и воспроизведения традиции // Книжная культура. Опыт прошлого и проблемы современности: К 285-летию основания Академической типографии в России: Материалы V Международной научной конференции (Москва, 24-26 октября 2012). С. 330-345.

Полежаев, Д. В. Идея менталитета в русской философии «золотого века». – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. – 360 с.

Пономаренко, Е. В. Города-заводы Южного Урала XVIII - начала XX века [Электронный ресурс]: монография / Пономаренко Е. В. – Электрон. текстовые данные. – Самара: Самарский государственный архитектурно-строительный университет, ЭБС АСВ, 2013. – 162 с. – Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/22617>. – ЭБС «IPRbooks», по паролю.

Провинция как реальность и объект осмысления. Материалы научной конференции. Сост. А. Ф. Белоусов, М. В. Строганов. Науч. ред. М. В. Строганов, А. Ю. Сорочан. Тверь: Твер. гос. Ун-т, 2001. – 228 с.

Проективный философский словарь: Новые термины и понятия / Под редакцией Г. Л. Тульчинского и М. Н. Эпштейна. - СПб.: Алетейя, 2003.

Рис Н. Русские разговоры. Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. – М.: НЛЮ, 2005. – 368 с.

Романов, А. А. Управление пространственными ресурсами города в условиях стратегических изменений [Электронный ресурс]: монография / Романов А. А., Басенко В. П. – Электрон. текстовые данные. – Краснодар: Южный институт менеджмента, 2013. – 295 с. – Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/25993>. – ЭБС «IPRbooks», по паролю.

Ручко, С. В. Вещи. Онтологические прогулки / С. В. Ручко. Издательский клуб «Топос». <http://www.topos.ru/article/6389>. –

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.topos.ru/article/6391> – 20.01.13.

Рыбчинский, В. Городской конструктор: Идеи и города. – М.: Strelka Press, 2014. – 220 с.

Саенко, Н. Р. Культурно-символическая политика в отношении городской скульптуры / Н. Р. Саенко, А. И. Шипицин // Вопросы культурологии. – 2010. – № 12. – С. 80–85.

Серто, М. де. Изобретая повседневность. 1. Искусство делать. – СПб: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 330 с.

Сила простых вещей: сб.ст. / под ред. С. А. Лишаева. – СПб.: Алетей, 2014. – 384 с. – (Тела мысли).

Смирнов Д.Н. Нижегородская старина. Серия: Нижегородские были. Изд-во «Книги». – Н. Новгород, 2007.

Современный городской фольклор. – М., 2003.

Социалистический город. Феномен социалистического города. Социокультурный аспект [Электронный ресурс]: коллективная монография / А. А. Сергеичева [и др.]. – Электрон. текстовые данные. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, ЭБС АСВ, 2012. – 158 с. – Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/30824>. – ЭБС «IPRbooks», по паролю

Стил, К. Голодный город: Как еда определяет нашу жизнь. – М.: Strelka Press, 2014. – 456 с.

Строганов, М. В. Провинциализм/провинциальность: опыт дефиниции // Русская провинция: миф – текст-реальность. – М.; СПб., 2000. – С. 31–34.

Топоров, В. Н. Пространство и текст. В кн.: Текст: семантика и структура. – М., 1983.

Трубина, Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 6520 с.

Улицкая, Л. Многоуважаемый шкаф // STORY. – 2012. – № 12. – С. 132–136.

Утехин, И. Публичность и ритуал в пространстве постсоветского города. М.: Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка», Strelka Press, 2012. – 42 с.

Философия наивности / Сост. А. С. Мигунов. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – 384 с.

Флорида, Р. Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства. - М.: Strelka Press, 2014. – 368 с.

Флорида, Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида. – Классика-XXI, 2005. – 430 с.

Фризен Н. Г. Комплекс маркетинговых коммуникаций для рынка hand-made товаров // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. Выпуск № 4-1. 2013. [Электронный ресурс]: Научная библиотека КиберЛенинка. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kompleks-marketingovyh-kommunikatsiy-dlya-rynka-hand-made-tovarov#ixzz4C1OJsmdC>. Дата обращения – 12.03.2016.

Фуртай, Франческа. Мусор – от руин до свалки: аксиологические перспективы современной культуры // Международный журнал исследований культуры International Journal of Cultural Research. № 1(2). 2011. URL: www.culturalresearch.ru (дата обращения: 26.10.2016).

Холлис, Л. Города вам на пользу: Гений мегаполиса. – М.: Strelka Press, 2015. – 432 с.

Чертов, Л. Ф. Знаковая призма. Статьи по общей и пространственной семиотике [Электронный ресурс] / Л. Ф. Чертов. – Электрон. текстовые данные. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 320 с. – Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/35630>. — ЭБС «IPRbooks», по паролю

Шипицин, А. И. Городское пространство как текст // Исторический город: традиции и креативность. Коллективная монография / Отв. ред. М. Б. Пиотровский, А. А. Никонова, Л. В., Никифорова. – СПб., ЭЙДОС, 2012. – С. 107-118.

Шипицин, А. И. Рецензия на книгу Мисюрова Д. А. «Символы о символах: Начала культурно-символической политики» / А. И. Шипицин // Известия ВГПУ. – 2010. – № 8(52). – С. 121–123.

Шипулина, Н. Б. От семиотики к реалогии: методологическая эволюция исследовательского и интерпретационного инструментария культурологии повседневности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2012. – № 4(33). – С. 261–267.

Шипулина, Н. Б. Косплей-фестивали в Волгограде: субъекты, феномены, практики в городской культуре // 21 century: fundamental science and technology VIII: Proceedings of the Conference.

North Charleston, 25-26.01.2016, Vol. 3 — North Charleston, SC, USA: CreateSpace, 2016, p. 16-25.

Шипулина, Н. Б. Культура. Глава 4. Политическое и социокультурное развитие / Н. Б. Шипулина, А. Ю. Клейтман // Волгоград в начале XXI века: учебное пособие / редкол.: И. О. Тюменцев, В. А. Брылёв, М. М. Загоруйко, А. С. Скрипкин. – Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2011. – 452 с. (раздел 4.5.: С. 392-446 – 52 с.).

Шипулина, Н. Б., Клейтман, А. Ю., Кудрявых, Е. Л. Художественная культура Волгограда: учебно-методическое пособие. ФБГОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2015. – 176 с.

Шпаковская, Л. Старые вещи. Ценность: между государством и обществом // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bloxa.ru/encyclopedia/science/text4/> (дата обращения: 20.03.2016).

Штайн, О. А. Маска как форма идентичности: Введение в философию образа. – СПб.: Издательство РХГА 2012. – 160 с.

Щеглова, Л. В. Блошиный рынок как культурный феномен // «Сервис Plus». 2016. № 1. С. 81-88.

Щеглова, Л. В. Судьбы российского самопознания (П. Я. Чадаев и Н. В. Гоголь): Монография. – Волгоград: Перемена, 2000. – 324 с.

Эко, У. Тайнственное пламя царицы Лоаны / Пер. с ит. Е. Костюкович. – СПб.: «Симпозиум», 2008.

Эко, Умберто. Vertigo: круговорот образов, понятий, предметов; перевод с итал. – М.: СЛОВО/SLOVO, 2009. – 408 с.

Электронный ресурс ЖЖ // URL: [alex-chekaev. Livejournal.com/74733/html](http://alex-chekaev.livejournal.com/74733/html) (дата обращения: 20.09.2015).

Эпштейн, М. Вещь и слово. К проекту «лирического музея» или «мемориала вещей» // Вещь в искусстве. Материалы научной конференции. 1984 (вып. XVII). – М., Советский художник, 1986, С. 302–324.

Эпштейн, М. Н. Учение Якова Абрамова в изложении его учеников // Электронная библиотека kuchaknig.ru. URL: http://www.kuchaknig.ru/show_book.php?book=175979&page=9. (дата обращения: 20.09.2015).

Эпштейн, М. Постмодернизм в России: литература и теория. – М.: МИАР. Элиника 2000. – 265 с.

Эпштейн М. Реалогия – наука о вещах // Декоративное искусство СССР. – 1985. – № 6.

Bedel J. Les Puces ont cent ans. Histoire des chiffonniers, brocanteurs et autre chineurs du Moyen-Age a nos jours. – Cany: Imprimerie Gabel? 1985. – 144 p.

Blum A. The imaginative structure of the city. Montreal and Kingston, London, Ithaca: McGill. Queen's University Press, 2003.

Damsar. Sozialization at the German Fleamarket. Universitet Bielefeld, Jorschungsschwerpunkt Entwickluggsoriologie. WP 209. 1998.

Gregson N., Crew L. Second-Hand Cultures. Oxford: Berg. 2003.

Henderson Phil. A Tale of Two Hamlets: Emergence of the Carnavalesque at the Keady Market // Journal of Narrative Politics, Vol. 1, No. 1, September 2014. P. 97-113.

Jean Cathelin et Gabrielle Gray. Guide de la Brocante et des Puces à Paris et en Province, Hachette, 1967.

Kopytoff I. The Cultural Biography of Things: Commoditization as Process // The Social Life of Things. Commodities in Cultural Perspectives / Ed. by A. Appadurai. Cambridge, 2003. P. 64–91.

Landry Charles. The Creative City: A Toolkit for Urban Innovators. London: Earthscan, 2000.

Maisel R. The Flea Market as an Action Scene // Urban Life and Culture. 1974. Vol. 2 № 4. P. 503.

Pachenkov O. Voronkova L. New Old Identities and Nostalgias for Socialism at St. Petersburg and Berlin Flea Markets // Schroder I. W., Vonderau A. (Eds.) Changing Economies and Changing Identities in Postsocialist Eastern Europe. Hall Studies in the Anthropology of Eurasia. Lit Verlag. 2008. P. 191-216.

Sciardet H. Les marchands de l'aube: ethnographie et theorie du commerce aux puces de Saint-Ouen. Economica, 2003. 217 p.

Sherry John F. A Sociocultural Analysis of a Midwestern American Flea Market // Journal of consumer research. Vol. 17. June 1990.

ВИРТУАЛЬНАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ СРЕДА АНТРОПОЛОГИИ ВЕЩИ В КУЛЬТУРЕ ВОЛГОГРАДА (Электронные ресурсы)

Клуб коллекционеров Волгограда

В этой группе коллекционеры могут менять, продавать и покупать то, что они коллекционируют, создавать свои альбомы отдельно для упрощения обменов. Место встречи Клуба Коллекционеров Волгограда – ул. Баррикадная, 1 эт. 4 (здание ДОСАФ). По субботам с 8.00 по 11.00

Одноклассники (62 участника) - <https://www.ok.ru/group/53678735818865>

ВКонтакте (24 участника) - <https://vk.com/falerist34>

Сайт объявлений Барахла.нет. Волгоградские коллекционеры (значки, марки, фарфор, награды) - <http://volgograd.barahla.net/124.html>

Граффити-Волгоград. Сообщество ВКонтакте (473 участника) – <https://vk.com/club1732344>

Граффити Волгограда. ВКонтакте (143 участника) – <https://vk.com/club13930888>

Inline самая известная команда волгоградских художников-граффитистов имеет свою страничку на tumblr (архив работ) – <http://inline34.tumblr.com/page/3>

Сообщество художников Urban Sketchers / Volgograd. ВКонтакте (245 участников). Имеет международный статус. Скетчи с волгоградских улиц. – <https://vk.com/uskvlg>

Буккроссинг Волгоград. Сообщество ВКонтакте (147 участников) – <https://vk.com/club13427768>

Косплееры Волгограда и области. ВКонтакте (1179 участников). Информационно-развлекательный ресурс. Фотокосплей, видеокосплей, рисунки, фанарты, amv, фото- и видеобзоры, репортажи, статьи, комиксы, советы по пошиву/крафту, ближайшие фестивали - https://vk.com/vlg_cosplayers

Inari - Белые лисы. Волжский клуб кросс-культурного творчества "Инари". ВКонтакте (1180 участников) - <https://vk.com/club10635256> Сайт - <http://inari.clan.su/>

Основные цели клуба: воспитание гражданственности и патриотизма через интернационализм и бережное отношение к куль-

туре других стран; формирование творческой социально-активной личности; координация работы и методическая помощь творческим коллективам схожей направленности.

Клуб Amaterasu. Объединение активистов-креативщиков и востоколюбов. Вконтакте (437 участников) - https://vk.com/amaterasu_vlg

Сайт музея музыкальных инструментов Пушкина Е. Н. - <https://volg-museum.nethouse.ru/>

Благотворительный базар Атмосфера. Группа ВКонтакте (225 участников), которая объединяет всех, кому интересны проекты АТМОСФЕРЫ! Базар АТМОСФЕРА – это благотворительная ярмарка с праздничной и незабываемой атмосферой! Это уютное и современное маркет-пространство, где можно с пользой провести время с семьей, друзьями и просто приятными людьми вокруг - <https://vk.com/atmosferavlg>

Клуб рукоделия Волгоград. ВКонтакте (130 участников) Можно приобрести готовые и под заказ авторские изделия ручной работы. Принимаются корпоративные заказы к праздникам. Это экспериментальное творческое объединение. В клубе шесть мастеров с интересными рукодельными направлениями, которые постоянно экспериментируют. Анонсы мероприятий с нашим участием. Приглашения на мастер-классы. Новости и статьи творческого мира. Конкурсы и фестивали - <https://vk.com/club98575281>

Мир рукоделия и творчества. ВКонтакте (2475 участников). В группе вы найдёте множество идей и мастер-классов для подарков на 8 марта, 23 февраля, новый год и день рождения. Также вы найдете мастер-классы и схемы для вязания, вышивания, скрапбукинга, декупажа, квиллинга, фелтинга и лоскутного шитья. - <https://vk.com/rykodeliye>

«Своими руками: сообщество мастеров Волгограда». ВКонтакте (180 участников). Группа для всех желающих показать или посмотреть изделия ручной работы. - https://vk.com/vlg_handmade

Кузница «Пылающий горн» (Ножи ручной работы). ВКонтакте (9326 участников) - <https://vk.com/gorn34>

Мастерская МАТЕРИЯ. ВКонтакте (5000 участников). Ручная набойка на натуральной ткани и пошив изделий из нее. - <https://vk.com/matteria>

Игрушки HandMade Волгоград. Вконтакте (54 участника). Изготовление игрушек, сделанных вручную, любых видов. Мастера работают в **Волгограде, Волжском, Михайловке, Фролово.** - <https://vk.com/handmade134>

Ratatosk Leather Accessories. Волжский. ВКонтакте (2680 участников). Кожаные изделия на заказ и в наличии. Аксессуары из кожи, сумки, дорожные сумки, шопперы, портфели, рюкзаки, портмоне, бумажники, кошельки, ключницы, клатчи, портупей, браслеты и прочее. - https://vk.com/ratatosk_leather

Художественная ковка. Волгоград. ВКонтакте (140 участников). Здесь можно заказать или купить готовые кованые предметы интерьера ручной работы. Или заказать более масштабные вещи, а именно двери, ворота, лестницы любой сложности и многое другое на ваш вкус и цвет. - <https://vk.com/club131202510>

Волгоградская Областная Общественная Организация Военно-Исторический Клуб «Шатун». ВКонтакте (790 участников). Данная группа создана для объявления официальной информации ВООО "ВИК "Шатун и её региональных отделений, а также для обмена опытом, информацией, результативных обсуждений и изысканий на поприще исторической реконструкции Военно-историческая реконструкция: Раннее средневековье IX–XI вв. (дружинная культура); Позднее средневековье. Смутное время XVI–XVII вв. (донское казачество); Вторая Мировая Война 1938–45 гг. (РККА и Вермахт). - <https://vk.com/shatun34>

Заброшенные места Волгограда. На сайте - http://urban3p.ru/category/others/?region_id=1001

Карта заброшенных мест Волгограда. На сайте - <http://банда.org/karta-zabroshennyx-mest-volgograda.html>

Кладоискатель Волгограда. ВКонтакте (1213 участников). Для тех кому нравится ходить с металлоискателем по пляжам, по полям, копать про войну - <https://vk.com/club46995050>

Уголки старого Царицына - сообщество архитектурного краеведения г. Волгограда. ВКонтакте (2872 участника). Дата образования - 13 февраля 2010 г. Выкладывает в соответствующих альбомах фотографии, видеofilмы, документы, карты и пр. материалы, связанные с сохранившимися и / или утраченными архитектурными памятниками Царицына / Сталинграда / Волгограда,

делится комментариями / воспоминаниями / мыслями по поводу уже опубликованных материалов - https://vk.com/tzaritzine_nv

Царицын.РФ Информационный портал историко-культурной, краеведческой тематики о городе. Главный редактор – Роман Шкода. Сайт – Режим доступа: <http://царицын.рф/>

Sabotage | Жизнь креативных людей Волгограда. ВКонтакте (1243 участника). Интернет-журнал о жизни креативных людей в Волгограде. Рассказывает о культурной и творческой составляющей города, без которой не может обойтись ни один крупный мегаполис. Проект развивается усилиями студентов ВолГУ. Знакомит с местными музыкальными группами. Рассказывает о местах, где лучше всего можно выпить чашку кофе, о волгоградской моде, а также готовит интервью с известными горожанами. - https://vk.com/sabotage_journal Сайт - <http://sabotage.online/>

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

ШИПУЛИНА Наталья Борисовна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Специалист в области философии культуры. Автор более 110 опубликованных научных и методических работ. Основные направления научной деятельности – культурологическая реалогия и социология повседневности, культурологическая урбанистика, микродинамика культуры, этика и антропология профессий, имагология, визуальная антропология культуры.

ЩЕГЛОВА Людмила Владимировна, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Является специалистом в области философии культуры, истории философии, философской антропологии. Автор более 160 научных работ. Основные направления научной деятельности – разработка психоисторического подхода к осмыслению русской культуры, аксиолого-персоналистическая культурология, философское россиеведение, фундаментальные проблемы этики.

ПЛУЖНИКОВА Наталья Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Основные направления научной деятельности – исследование современной культуры в аспекте когнитивистики, проблемы индивидуального и коллективного сознания, неклассическая эпистемология, философско-антропологические аспекты нарративной психологии. Имеет свыше 60 публикаций.

ШИПИЦИН Антон Игоревич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Специалист в сфере исследований виртуальных форм культурного бытия, социальных, антропологических, психологических проблем личностного бытия в компьютерных социальных сетях. В области культурологической урбанистики исследует специфику скульптуры в городском пространстве. Имеет свыше 30 научных публикаций.

ЕЛИСТРАТОВА Екатерина Александровна, магистр психолого-педагогического образования, специалист по связям с общественностью редакции журналов «Известия ВГПУ», «Грани познания», «СтРИЖ» Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Сфера ее научных интересов – исследование феномена куклы в культуре, авторской кукла как феномен хенд-мэйд творчества, практики и сообщества хенд-мэйд в городской культуре. Имеет около 20 научных публикаций.

**Шипулина Н. Б.
Щеглова Л. В.
Шипицин А. И.
Плужникова Н. Н.
Елистратова Е. А.**

**АНТРОПОЛОГИЯ ВЕЩИ
В ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ
ОСНОВЫ И ПОИСК МЕТОДА**

Монография

*В оформлении обложки использованы ксилография «Натюрморт и улица»
Маурица Корнелиуса Эшера (Нидерланды) и коллаж из акварелей городского
цикла Джона Салминена (США).*

Компьютерная верстка Г. В. Подшиваловой

Подписано в печать 06.12.2016. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Book Antiqua. Физ. п. 10,25 л.
Тираж 300 (1-100) экз.

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
400131, Волгоград, ул. Гагарина, 8.
Издательство Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС
400078, Волгоград, ул. Герцена, 10